

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра мировых языков

Л.С. Сулайманова

УДК 80/81
ББК 81
С 89

Ответственный редактор:
акад. НАН КР, д-р филол. наук, проф. Б.О. Орузбаева

Рецензенты:
д-р филол. наук, проф. А.О. Орузбаев,
канд. филол. наук, доц. К.К. Конкобаев

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Кыргызско-Российского Славянского университета

НАРОДНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ КЫРГЫЗСТАНА

Допущено Министерством образования и науки Кыргызской Республики в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Иностранный язык»

Сулайманова Л.С.
С 89 Народные географические термины в топонимии Кыргызстана /
Отв. ред. Б.О. Орузбаева. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009. – 199 с.

ISBN 978-9967-05-280-2

В работе проводится всесторонний лингвистический анализ кыргызских народных географических терминов (НГТ) с точки зрения их формирования, систематизации и функционирования. Приложение, содержащее словарь кыргызских народных географических терминов и их семантическую классификацию, дает возможность наглядно проследить закономерности и особенности географической терминологии в целом, ареальное размещение и практическое применение терминов, позволяет решить некоторые общие вопросы о классификации, о видах связи разных терминологических групп.

Предназначается для специалистов в области тюркологии, аспирантов, студентов филологических факультетов и для всех, кто интересуется вопросами региональной и исторической лексикологии, диалектологии, лингвистической географии и кыргызской ономастики.

С 4602000000-09

УДК 80/81

ББК 81

ISBN978-9967-05-280-2

© Л.С. Сулайманова, 2009

© КРСУ, 2009

Бишкек 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Условные обозначения и сокращения 5

Введение 8

ГЛАВА 1. Пути становления и развития народной географической терминологии Кыргызстана

- 1.1. К вопросу о понятиях термин и терминология 13
- 1.2. Истоки формирования топонимов и географических терминов Кыргызстана 19
- 1.3. Общетюркский пласт в кыргызской географической терминологии 21
 - 1.3.1. Древнетюркский пласт 25
 - 1.3.2. Собственно кыргызский пласт 32
- 1.4. Заимствованный пласт в кыргызской географической терминологии 40
 - 1.4.1. Термины иранского происхождения 42
 - 1.4.2. Термины арабского происхождения 45
 - 1.4.3. Тюрко (кыргызо)-монгольские параллели 47
 - 1.4.4. Термины русского происхождения 51

ГЛАВА 2. Лексико-семантический и словообразовательный анализ народных географических терминов в топонимии Кыргызстана

- 2.1. О принципах классификации географических терминов в их отношении к словообразовательным процессам 54
- 2.2. К вопросу об истории изучения словообразования топонимов и НГТ в топонимии 71
- 2.3. Кыргызские народные географические термины лексико-семантического способа образования 75

- 2.4. Кыргызские народные географические термины морфологического способа образования 82
 - 2.4.1. Непроизводные (корневые) НГТ 84
 - 2.4.2. Производные НГТ 89
- 2.5. Кыргызские народные географические термины синтаксического способа образования 93

Заключение 103

Приложение 1. Словарь кыргызских народных географических терминов 108

Приложение 2. Лексико-семантическая классификация народных географических терминов 175

Литература 186

Условные обозначения и сокращения

ГТ	– географические термины
НГТ	– народные географические термины
МГТ	– местные географические термины
ТТ	– тельмографические термины
ОКО	– односложные корни и основы
ЛСГ	– лексико-семантическая группа
ТГ	– тематическая группа
ГС	– гиперсема
ДС	– дифференциальные семы
ПС	– потенциальные семы

Географические термины

ар.	– арык
басс.	– бассейн
вдп.	– водопад
вдхр.	– водохранилище
верх.	– верховье
впад.	– впадина
г.	– гора
гг.	– горы
гор.	– город
дол.	– долина
зал.	– залив
кан.	– канал
ледн.	– ледник
обл.	– область
оз.	– озеро
пгт	– поселок городского типа
пер.	– перевал
пр.	– приток
р.	– река
р-н	– район

рч.	– речка
с.	– село
теч.	– течение
ур.	– урочище
хр.	– хребет

Другие сокращения

букв.	– буквально
досл.	– дословно
др.	– другие
зд.	– здесь
лев.	– левый
напр.	– например
подр.	– подробно
прав.	– правый
сев.	– северное
см.	– смотри
ср.	– сравни
средн.	– средний
уст.	– устаревшее
южн.	– южное

Говоры, диалекты и языки

азерб.	– азербайджанский язык
алт.	– алтайский язык
араб.	– арабский язык
башк.	– башкирский язык
др.-турк.	– древнетюркский язык
жерг. г.	– жергетальский говор кыргызского языка
ир.	– иранские языки
ичк. г.	– ичкиликийский говор (юго-западный диалект) кыргызского языка
каз.	– казахский язык
к.-калп.	– каракалпакский язык
кырг.	– кыргызский язык
монг.	– монгольский язык
ляйк. г.	– ляйлякский говор кыргызского языка
пам. г.	– памирский говор кыргызского языка
русс.	– русский язык

сев. д.	– северный диалект
суз. г.	– сузакский говор кыргызского языка
тадж.	– таджикский язык
тал. г.	– таласский говор кыргызского языка
тат.	– татарский язык
тув.	– тувинский язык
туркм.	– туркменский язык
тяньш.	– тяньшаньский говор кыргызского языка
узб.	– узбекский язык
уйг.	– уйгурский язык
хак.	– хакасский язык
южн. д.	– южный диалект

Области и их кыргызские эквиваленты

Баткенск. обл.	– Баткенская область (Баткен области)
Джалал-Абадск. обл.	– Джадал-Абадская область (Жалал-Абад области)
Иссык-Кульск. обл.	– Иссык-Кульская область (Ысык-Көл области)
Нарынск. обл.	– Нарынская область (Нарын области)
Ошск. обл.	– Ошская область (Ош области)
Таласск. обл.	– Таласская область (Талас области)
Чуйск. обл.	– Чуйская область (Чүй области)

ВВЕДЕНИЕ

Географические термины и топонимы всегда привлекали внимание исследователей. Топонимы отражают физико-географические особенности местности, содержат сведения о произошедших исторических событиях, об особенностях общественной, экономической и культурной жизни населения и «как особая группа собственных имен, должны изучаться для выяснения процесса былого взаимодействия языков, носители которых в историческом прошлом могли совместно обитать на определенной территории» [126, 113]. Основой топонимии являются географические термины: «Они оказываются той частью сложных, составных географических названий, которые определяют смысловое содержание топонимов» [104, 98].

Первыми к изучению кыргызской топонимики обратились историки и географы. Значительный вклад в изучение кыргызской топонимики внесли видные ученые В.В. Радлов, Н.И. Аристов, Ч. Валиханов, В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам и многие другие, исследовавшие в своих трудах язық, историю, этнографию кыргызского народа. Основоположником исследования кыргызской топонимики принято считать доктора географических наук, профессора Э.М. Мурзаева. Его труды оказали большое влияние на развитие и изучение кыргызской топонимики. Работа «К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня»¹, опубликованная в 1940 году, явилась началом серьезного изучения кыргызской ономастики. Как утверждает С.У. Умурзаков, «нашими знаниями о системе географических названий, о закономерностях их образования и эволюции, о происхождении многих топонимов Киргизии мы обязаны Э.М. Мурзаеву, который, начиная с 40-х годов занимается изучением различных аспектов физической географии и топонимии края» [197, 109]. Работая в течение нескольких лет в равнинной и горной местностях Кыргызстана, Э.М. Мурзаев собрал и привел в систему наиболее распространенные народные географические термины. В начале 60-х годов

¹ Местное (исконно кыргызское) название Тянь-Шаня – Тенир-Тоо.

XX в. появляются работы Б.А. Лунина, С.У. Умурзакова, С.М. Абрамзона, С.Б. Байгуттиева и других авторов, посвященные некоторым вопросам кыргызской топонимии. В работах Б.А. Лунина (1959) этимологизированы географические названия Тянь-Шаня, изучая которые, автор отмечает их распространение на обширную горную систему, населенную в западной и восточной частях разными народами. В трудах С.У. Умурзакова много внимания уделяется исследованиям по оронимике. К примеру, в статье «О киргизских терминах *аиуу*, *бель*, *арт*, *дабан* и их топонимическом значении» (1964) рассматриваются географические термины и ареалы распространения, в работе «Оронимия Киргизии» (1973) исследователь обращает внимание на стратиграфию оронимов. В «Очерках по истории географических открытий и исследований Киргизии» (1959), наряду с научно-популярным изложением истории географических открытий Кыргызстана с древнейших времен до середины XIX в., содержатся сведения по исторической топонимике страны. Изучая многочисленные географические и картографические материалы различных эпох и времен представителей Востока и Запада, исследователь отмечает крупный вклад в географическое изучение страны китайских исследователей, неоднократно посещавших территорию Кыргызстана начиная с II в. до н.э.

Наиболее ранние и правдивые описания физико-географических условий и хозяйства края принадлежат китайским путешественникам Чжан Цяню (II в. до н. э.) и Сюань Цзану (VII в.). В Средние века немалую роль в географическом изучении страны сыграли арабские (Ибн Хордадбек, Истахри, Макдиси, Идриси и др.) и среднеазиатские (Бируни, Махмуд Кашгари, Мухаммед Хайдар и др.) ученые. С XVIII в. инициатива в географическом изучении Кыргызстана перешла к русским, которые, благодаря осуществлению колонизации края, а также последовавшим затем политическим и торговым связям с кыргызскими племенами, к середине XIX в. накопили сравнительно богатый фактический материал о природных условиях, экономике и населении страны. В своих трудах они не только описывали местоположение географических объектов, но иногда и разъясняли смысл географических названий.

Географический и исторический компоненты не чужды топонимике. Но, как считает А.В. Суперанская, при исследовании топонимики все же главным является лингвистический подход, так как только «лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они создаются и употребляются. Только лингвистическими методами могут быть проверены гипотезы относительно происхождения ряда географических названий» [178, 6]. Большое влияние на разработку проблем кыргызской ономастики оказывали и продолжают оказывать работы известных ученых В.А. Никонова, А.В. Суперанской, А.Н. Кононова, О.Т. Молчановой, Г.И. Донидзе, Г.К. Конкашпаева, Т.Ж. Жанузакова, А.А. Абдрахманова, Г.Ф. Саттарова и др. Так, в статье В.А. Никонова «Заметки по оронимии Киргизии» (1978) рассматриваются вопросы возникновения названий кыргызских оронимов, их развитие и функционирование. В работе «Гляционимия Киргизии» (1985) автор проводит лексико-семантический анализ наименований ледников Кыргызстана. В статье А.Н. Кононова «Еще раз об этнониме “кыргыз”» (1970) проводится фонетико-морфологический и структурный анализ данного термина. Г.Ф. Саттаров в словаре татарских личных имен приводит примеры из кыргызской антропонимии (1981). Т. Жанузаков также в своих работах в качестве примера анализирует кыргызские онимы (1971, 1982).

В республике проводились и продолжаются сегодня топонимические исследования. Ономастика Кыргызстана явилась объектом лингвистического изучения в исследованиях Б.О. Орзубаевой, Ш.Ж. Жапарова, А. Идрисова, К. Ашыралиева, Д.И. Исаева, К.К. Конкобаева, Н.П. Бутенко, И.Б. Молдobaева, Ж. Мукамбаева и др. По мнению Б.О. Орзубаевой, «изучение топонимов в лингвистическом аспекте является одной из актуальных проблем. Ее разрешение будет способствовать выяснению некоторых сторон истории языка и истории его носителей» [126, 116]. В работе Б.М. Юнусалиева (1956), на основе сопоставления современных топонимов Кыргызстана и Алтая, отмечается, что многие названия основных рек и местностей Кыргызстана перенесены кыргызами с Алтая. Например, Чүй на Алтае и Чүй в Кыргызстане, а также Кара-Кужур, Бoom, Күркүрөө, Корумду и др. А такие топонимы, как Нарын, Көкөмерен, Каракол и др., по его мнению, унаследованы от монголов. В работах Н.П. Бутенко подвергаются анализу наименования русских географических объектов Кыргызстана, их способ образования, морфологический состав, в которых проявилось взаимовлияние русского и кыргызского языков. Структурному и лексико-семантическому анализу подвергаются топонимы севера Кыргызстана в работе Д. Исаева (1977). Впервые в

киргызской топонимике выявляется стратиграфия кыргызских топонимов. Предлагается новая этимология названий Ысык-Көл, Жети-Өгүз, Тору-Айтыр, Ала-Тоо, Урмарал и др. Данная работа является первым серьезным научным топонимическим исследованием в кыргызской ономастике. Объектом специального исследования К. Конкобаева явилась топонимия юга Кыргызстана (1980).

Последний период характеризуется активизацией ономастических исследований, отмечается увеличение публикаций специальных работ по кыргызской ономастике. Появляются отдельные работы по антропонимии, этнонимии, зоонимии, оронимии. В ряде статей рассматривались отдельные вопросы географических терминов, однако народная географическая терминология, формирующая топонимию Кыргызстана, изучена недостаточно.

Развивая взгляды предшественников, мы предприняли попытку более углубленного изучения географической терминологии Кыргызстана. Исследованию подверглись в основном слова, относящиеся к гидрографической и орографической терминологии, так как эти терминологические группы лексически и семантически тесно взаимосвязаны. За пределами работы остались географические термины, связанные с деятельностью человека, хотя отдельные слова привлекались в качестве примеров, выявляющих связь географической терминологии с другими тематическими группами лексики.

Топонимический материал (около 800 географических терминов, а также более 4000 топонимов) собран из различных источников: отдельных рукописных и печатных работ, картографических материалов, статистических сведений, различного рода словарей, местной периодической печати. Были использованы факты и сведения, содержащиеся в трудах историков, географов, этнографов и языковедов, а также свидетельств исследователей и путешественников XIX в. А.Н. Куропаткина, Н.А. Северцова и др. На основе этих материалов издан Кыргызско-русский словарь народных географических терминов Кыргызстана, насчитывающий около 800 терминов (2002).

Мы сознаем, что большая часть географических (топонимических) терминов осталась за пределами исследования, что послужит стимулированию дальнейшего изучения народной географической терминологии и продолжению исследовательской работы по данной проблематике.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, указателя использованных источников, двух приложений.

В первой главе рассматриваются истоки формирования кыргызских народных географических терминов (НГТ), как заимствованных, так и исконно кыргызских, этапы их развития, начиная с древнейших времен, прослеживаются пути и способы передачи заимствованных слов. Изучается проблема формирования и функционирования кыргызской терминологии, проводится краткий анализ историко-географических сведений о топонимии Кыргызстана, определяется место народной географической терминологии в общей системе терминологии в кыргызском языке.

Вторая глава посвящена описанию тематических и лексико-семантических групп народных географических терминов и выявлению их лексических и семантических особенностей. НГТ были подвергнуты словообразовательному анализу и выделению продуктивных способов словообразования.

Приложение содержит словарь кыргызских народных географических терминов, семантическую классификацию народных географических терминов, список использованной литературы.

Автор выражает благодарность д-ру филол. наук, проф. С.Ж. Мусаеву, д-ру филол. наук, проф. Ш.Ж. Жапарову, д-ру филол. наук, проф. Ж.М. Мамытову, д-ру филол. наук, проф. К.С. Саматову, канд. геогр. наук, доц. Ж.Ж. Карамолдоеву и многим другим за высказанные полезные замечания и ценные советы, а также непосредственным своим рецензентам – д-ру филол. наук, проф. А.О. Орузбаеву и канд. филол. наук, доц. К.К. Конкобаеву. Особую признательность автор выражает академику НАН КР, д-ру филол. наук Б.О. Орузбаевой за консультации и рекомендации. Автор благодарит также коллектив кафедры кыргызского языкоznания Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, где была обсуждена работа и высказаны пожелания, учтенные впоследствии.

Глава 1. ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА

1.1. К вопросу о понятиях *термин* и *терминология*

Вопросы терминологии привлекали внимание таких языковедов, как В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, Д.С. Лотте, Г.О. Винокур, С.Ч. Чаплыгин, Т.Л. Канделаки, Н.А. Баскаков, А.И. Моисеев, А.Т. Бертагаев, В.П. Даниленко, Д.Н. Шмелев, О.С. Ахманова, Б.Н. Головин, П.Н. Денисов, А.В. Суперанская и др. В науке нет единого мнения относительно сущности *термина* и *терминологии*. Наблюдаются несколько подходов к термину: одни исследователи считают, что термин должен быть кратким, другие – однозначным, третьи – что он должен быть точным и безразличным к контексту, иные – что у термина не должно быть синонимов и омонимов и т.д. В лингвистическом энциклопедическом словаре находим следующее определение *термина*: «Термин (от лат. *therminus* – предел, граница) – слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии). К особенностям термина относятся: 1) системность; 2) наличие definizioni (для большинства терминов); 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, т.е. терминологии данной науки, дисциплины или научной школы; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность» [89, 508]. Мнения о стилистической нейтральности и неэкспрессивности термина твердо придерживаются В.В. Виноградов и А.А. Реформатский, другие же исследователи (В.Н. Прохорова, Р.Г. Пиотровский и др.) считают, что данный признак лишь желаемый. «В структурном отношении для термина вообще характерны немногословность, четкость, краткость, – отмечает К.Г. Аяпбергенова, –

другим общим требованием, предъявляемым к терминам, является однозначность в пределах одной науки, то есть в известной мере их моносемантичность. Это – один из главных и определяющих принципов статуса термина или терминов. Следовательно, терминам в большинстве случаев свойственно отсутствие экспрессивности, образности и эмоциональности, дублетов, они не должны также иметь окказиональных, переносных и прочих значений. Термины должны предельно точно выражать существенные признаки понятия. В отличие от обычных слов термин и терминальные сочетания не связаны или минимально связаны с контекстом и призваны выражать некое ограниченное, твердо фиксированное содержание доактного типа. Соблюдением этих требований наилуче полнно обеспечивается основное назначение термина и терминологии любой отрасли знания» [8, 14]. Тем не менее, хорошо известны примеры о недостаточной системности, нестрогости значения реальных терминов, их многозначности, омонимии и синонимии (см.: А.И. Моисеев, 1970; З.И. Комарова, 1971; В.П. Даниленко, 1977 и мн. др.). На примере терминов физической географии М.С. Багдасарян [9, 25–26] доказывает, что «полисемия – широко распространенное явление не только среди слов общеупотребительной лексики, ее нередко можно обнаружить и среди слов узкоспециальных (терминов, например)». Относительно лексико-семантического словообразования, о котором говорили А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, В.П. Даниленко и др., исследователь пишет: «Приятие семантического способа словообразования ведет к отрицанию полисемии и признанию за каждым лексико-семантическим вариантом многозначного слова абсолютно самостоятельной единицы (т.е. широкой омонимии), что в принципе не соответствует действительному состоянию словарного состава языка» [9, 25–26]. Что касается кыргызских терминов, то исследователь кыргызской терминологии Б.О. Орзубаева (1983), приводит доказательства того, что и кыргызским терминам присущи многозначность, синонимия, омонимия. Обстоятельно изучив кыргызские географические термины, мы, вслед за А.И. Моисеевым (1970) считаем, что признаки термина – точность значения, однозначность, системность, отсутствие синонимии и омонимии и т.п., не более как их тенденция или их желательные качества. Точка зрения А.И. Моисеева нашла поддержку у многих других исследователей (З.И. Комарова, Р.Г. Пиотровский, Б.Н. Головин и др.). Если же говорить о краткости термина, то, безусловно, прав Б.Н. Головин, утверждающий, что только «вни-

мание к живому функционированию терминов в реальных текстах позволило увидеть и понять, что термин может состоять из двух, трех и большего числа полнознаменательных слов, и такая “некраткость” термина – общее правило, а вовсе не исключение из него» [39, 15].

Что касается слова *терминология*, то им обозначается совокупность терминов (понятий и названий) какой-либо определенной отрасли знания; учение об образовании, составе и функционировании терминов; общее терминологическое учение. В 70-е годы Н.Б. Васиевичем было предложено обозначать совокупность терминов словом *терминклатура* (по модели номенклатура). Но новое обозначение не нашло широкого применения, так как нет такого терминоэлемента *-клатура*, а само слово *номенклатура* – образовано от лат. *nomenclatio* «список, перечень (от *nomēn* «имя» + *calo* «звать, созывать»), на что обращает внимание А.В. Суперанская. В.П. Петушкив для обозначения слова *терминология* как «учения об образовании, составе и функционировании терминов» предложил слово *терминоведение*, поддержанное Б.Н. Головиным и П.Н. Денисовым. Однако «термин *терминология* в значении «общее терминологическое учение» именно благодаря включению в него терминоэлемента *-логия* (от др.-греч. *λόγος* «наука, область знания»), шире термина *терминоведение*, поскольку он, помимо слежения за терминоупотреблением, предусматривает и такие проблемы, как выбор языка-источника для терминов (классические или национальные языки), выбор «языкового состояния» и выбор формы терминоэлемента» [180, 16]. Из множества существующих определений *термина* и *терминологии* в качестве рабочего определения остановимся на следующем: «1. Термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними; 2. Терминология – это соотнесенная с профессиональной сферой деятельности (областью знания, техники, управления, культуры) совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях» [41, 5]. Термины служат для выражения научных понятий, и *терминология* – это совокупность терминов, служащих объектом для научного исследования. Главной единицей *терминологии* выступает слово. Несостоятельным является противопоставление некоторых исследователей двух знаковых единиц – термин и слово.

Г.О. Винокур считал, что «в роли термина может выступать всякое слово, как бы оно не было тривиально», потому что «термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [32, 5]. З.И. Комарова приводит две причины, указывающие на несостоятельность противопоставления *термина* слову: «во-первых, термин может быть составным и потому уже формально не соотносим со словом; а во-вторых, простой (не составной) термин не противостоит слову потому, что сам является словом» [72, 7]. Каждый отдельный *термин* – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее профессиональное значение, формирующее и выражающее профессиональное понятие; применяется термин в процессе (и для) познания и освоения некоторых сторон и «участков» действительности – под углом зрения определенной профессии [39, 14]. Функция термина – обслуживать разные области хозяйства, науки, техники и культуры. «Эту функцию выполняет слово, взятое из общеупотребительной лексики, или специально для этой цели сконструированная лексема» [72, 9].

Терминология составляет значительную часть словарного состава современного кыргызского языка. Проблема формирования и функционирования кыргызской терминологии является достаточно разработанной. Большой вклад в развитие теоретических основ кыргызской терминологии внесли труды К. Тыныстанова, Х. Карасаева, Б.О. Орзубаевой, Д.Ш. Шукурова, Б.М. Юнусалиева и многих других. С выходом в 1938 году первого русско-кыргызского словаря географических терминов (составители Б. Лунин, А. Уметалиев) начинают разрабатываться специализированные терминологические словари, охватывающие различные отрасли науки. Терминология Кыргызстана явилась объектом специального лингвистического изучения в исследованиях Т. Дүйшеналиевой, Т. Назаралиева, А. Биялиева, А. Исабековой, Т. Базаркуловой, В. Закировой, М. Юсуповой, Г. Уюкбаевой, Р. Бейбутовой, К. Кыдыршаевой, А. Машрапова и др. Как отмечают терминологи, развитие терминологической лексики происходит как из собственных лексических ресурсов языка, так и путем заимствований и, если прежде международные термины заимствовались посредством языков-посредников (русский, таджикский, узбекский и др.), то в настоящее время отмечается рост прямых заимствований из иностранных языков. Многолетнее сосуществование различных народностей на территории Кыргызстана не могло не от-

разиться на географических названиях, в том числе на географической терминологии.

В топонимии географические термины определяются по-разному: *народные, местные, номенклатурные, нарицательные, топонимические и как индикаторы*. Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, Г.К. Конкашаев и др. используют выражение «народные географические термины». По определению Е.М. Поспелова «Народный географический термин – слово, определяющее характер объекта, – его род (гора, лес и т.д.) или вид (голец, сопка, полонина, кичера и др.; бор, роща, гай, дубрава, елец и др.)» [139, 189–190]. Э.М. Мурзаев указывает, что «каждая зона имеет свои специфические, только ей присущие природные ландшафты и процессы, обозначаемые словами, совершенно или почти не повторяющимися в другой географической обстановке» [102, 3]. Такого же взгляда придерживается Н.В. Подольская: «В каждой стране существует своя национальная и достаточно самобытная географическая терминология. А основным фондом, из которого создается и пополняется видовая номенклатура этих национальных терминологических систем, служат народные географические термины» [133, 57]. Однако не все ученые соглашаются с применением слова «термин» к данному понятию. Так, Г.И. Донидзе, выступая против употребления понятий «географические термины», «номенклатурные термины», считает, что «... ни то, ни другое к топонимике не подходит: первое – по той причине, что не все географические термины используются в топонимах, а второе – в связи с тем, что само по себе оно ни о чем не говорит» и предлагает пользоваться выражениями «топонимическая лексика – для совокупности слов, употребляющихся в географических названиях, и топонимические термины – для слов и словосочетаний в составе географических названий, указывающих на объект этих названий» [45, 164–165]. А.В. Суперанская указывает на то, что один и тот же лексический элемент географических названий не бывает связан с единственным и четким понятием и не имеет строго лимитированного значения и потому предлагает применять понятие «топонимические апеллятивы» [181, 58]. Н.В. Бурко [26, 13] также находит логичным использование понятия «географический апеллятив», полагая, что народные географические термины тяготеют скорее к словам общего употребления, чем к терминам: они не всегда далеко однозначны, могут вступать в отношения синонимии и антонимии, не ограничиваются четко от обиходно-разговорной лексики. Однако, исследова-

тель хакасской терминологии Р.Д. Сунчугашев, обвиняя в предвзятом отношении к понятию «термин» ряд ученых и недооценке тех особенностей географических апеллятивов, которые сближают их с терминами, утверждает, что «географические апеллятивы системны, они образуют замкнутые семантические микрополя из близких по денотативной отнесенности слов, каждому из них дается определение. Другое дело, что некоторые члены рядов разграничены в своей семантике недостаточно определенно, образуя эквивалентные оппозиции. Это свойство геономенов отражает особенности ряда объектов, часть свойств которых в некоторых случаях являются одинаковыми и в дефинициях подобных объектов вынужденно повторяются. Но ведь и в любой отрасли знания есть термины, пересекающиеся своими объемами, или, точнее, отражающие пересекающиеся в своих признаках классы предметов и явлений. Географические апеллятивы отвечают в полной мере 4-му и 5-му свойствам терминов: они неэкспрессивны и стилистически нейтральны» [174, 21–22]. Нельзя не согласиться с точкой зрения Р.Д. Сунчугашева о терминированности в определенной степени географических апеллятивов в составе топонимических названий. В данной работе мы используем определение «народный географический термин» (НГТ), соглашаясь с мнением Н.В. Подольской о том, что словосочетание «народный географический термин» само терминологично: «У нас нет пока другого слова, или словосочетания, точнее и лучше отражающего это понятие» [133, 54]. В понятие «народный географический термин» включены общенародные нормированные географические термины и ненормированные узко региональные (диалектные) термины. Общенародные – часто родовые, а диалектные – видовые (например, родовые: *тоо, суу, көл*; видовые – *күдүр, какыр, күйма* и др.). Однако между этими группами нет четких границ – со временем диалектизмы могут переходить в группу общенародных терминов и наоборот. Что касается определения «местные географические термины», то они носят узкоареальный характер и нередко являются диалектными словами определенной зоны.

Народную географическую терминологию мы отличаем от научной терминологии на том основании, что народная географическая терминология возникает стихийно и функционирует в устной речи среди определенной группы людей – представителей тех или иных народов, тогда как научные термины в отличие от народной терминологии создаются специалистами – «это искусственное лексико-семантическое образование» [208, 144].

1.2. Истоки формирования топонимов и топонимических терминов Кыргызстана

Предметом нашего исследования в данной главе является процесс формирования кыргызских народных географических терминов (НГТ), как заимствованных, так и исконно кыргызских, и этапы их развития, начиная с древнейших времен, дающих богатый материал для детального научного исследования. В топонимии Кыргызстана выделяются разноязычные топонимические пласти, созданные как предшествующими, так и ныне живущими здесь народами. Как справедливо отмечает В.И. Абаев, «народы и племена, смения друг друга на определенной территории, не исчезают бесследно. Каждое новое племя получает и сохраняет кое-что от своих предшественников. Это «кое-что» может быть малым и скромным, скажем, какое-то количество топонимов, но может быть и весьма значительным...» [1, 115]. История народа, языковые контакты, природные особенности страны нашли отражение в географических названиях. В результате длительного историко-социального процесса образовалась сложная топонимическая система с географическими названиями разного возраста и происхождения. Согласно определению А.В. Суперанской, топонимическая система строго территориальна. Она может включать элементы многих языков, складываясь на основе названий всех расположенных на данной территории объектов, независимо от их языковой принадлежности и диалектных особенностей [178, 51]. Без учета этого пласта «невозможно получить полное представление о богатстве местных говоров, о природных условиях края в настоящем и прошлом, о жизни и деятельности народа в этих условиях» [167, 4]. И как считает И.А. Воробьева [33, 21], «топонимы – это слова, настолько связанные с породившей их действительностью, что изучение топонимии какой-либо территории вне исторических условий антинаучно». Руководствуясь данным положением, считаем необходимым рассмотрение топонимии страны с точки зрения истории, поскольку особенностью ономастической лексики является историзм.

Историко-лингвистическое и этимологическое изучение кыргызской ономастики позволило топонимистам предложить различные схемы их стратиграфии:

Д. Исаев (1972), исследуя топонимию Северного Кыргызстана, установил, что в современной топонимике исследуемой территории

прослеживаются четыре языковых пласта: тюркский (кыргызский), иранский, монгольский и русский. Преобладающими являются кыргызские (туркские) топонимы, далее – русские, монгольские, иранские. Кроме того, им были отмечены топонимы смешанного типа или с элементами разных языковых групп, например: монгольско-туркские, ирано-туркские и др.

К.К. Конкобаев (1980), изучая топонимию южной территории Кыргызстана, выявляет пять основных пластов: иранский, состоящий из согдийско-ягнобского и таджикского подпластов; тюркский, к которому относятся древнетюркский, собственно кыргызский, южносибирский (алтайский, тувинский) и уйгурско-узбекский подпласты; а также арабский, монгольский и русский пласти.

С.У. Умурзаков (1980), рассматривая оронимию Тянь-Шаня, пришел к выводу, что современную оронимию Кыргызстана образуют исключительно кыргызские (в своей основе тюркские) слова, с участием таджикско-иранских и монгольских элементов, а также русской лексики.

В топонимии Кыргызстана широкое распространение имеют географические термины. «Географические термины и топонимы взаимно связаны: топонимы позволяют уточнить географию и даже происхождение апеллятивов, а иногда термины сохраняются только в топонимии; в то же время и местные термины часто оказываются своеобразным ключом при этимологизации и этнической привязке собственных имен» [167, 32]. Говоря об истоках формирования географических терминов, мы, прежде всего, имеем в виду общенародный язык с его богатым лексическим составом, на основе которого веками складывались народные географические термины, отображающие физико-географические характеристики объекта, его свойства и строение. Зарождение и развитие топонимической лексики во многом было обусловлено окружающей природной средой и хозяйственной деятельностью человека. Традиционный способ хозяйствования кыргызов (животноводство, кочевой образ жизни) способствовал увеличению географических терминов, отражающих природные условия местности. Права А.С. Омарбекова, указывающая на то, что: «географическая терминология кочевых народов, порожденная производительной деятельностью и природной средой, в свою очередь подробно описывая особенности последней в составе топонимов, являлась дополнительным знанием при ведении кочеводства, пришедшем в устной форме из опыта прошлых поколений» [115, 18].

Народная географическая терминология является неоценимым источником при этимологических исследованиях топонимов. Именно термин нередко определяет смысловое содержание топонима и сам по себе, либо в словосочетаниях или словосложениях несет определенную и богатую географическую, социологическую информацию, и в первую очередь указывает на географические реалии [103, 3].

Восходящие к разным языкам-источникам заимствованные географические термины, составляющие заметный пласт в географической лексике Кыргызстана, отражают различные виды контактов, существовавших между кыргызским и иноязычным населением. Среди географической терминологии Кыргызстана имеются заимствования из персидского, арабского, монгольского, русского и других языков. Через посредство русского языка в кыргызской географической терминологии появляются заимствования из целого ряда европейских языков, в том числе специальная научная терминология. Народную географическую терминологию в топонимии изучаемой территории мы рассматриваем в следующих группах: 1) тюркский, включающий в себя древнетюркский пласт, а также собственно кыргызский; 2) иноязычный пласт, состоящий из персидского, арабского, монгольского и русского под пластов. Кроме того, нами отдельно рассмотрены параллели в географической терминологии с южносибирскими тюркскими и монголо-бурятскими языками.

Итак, формирование НГТ обусловлено развитием языка, деятельностью человека, окружающей природной средой и историческими фактами. Народные географические термины в своем формировании и дальнейшем развитии определяются двумя источниками: 1) собственных лексических ресурсов языка и 2) заимствованиями из других языков.

1.3. Общетюркский пласт в кыргызской народной географической терминологии

Вопрос о возможности происхождении родственных языков из одного источника давно уже привлекал к себе внимание исследователей. Теоретические обобщения и выводы даются в трудах ученых: О. Бётлингка, Ф.Е. Корша, С.Е. Малова, Н.Ф. Катанова, В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Г.И. Рамстедта, Н.А. Баскакова, В.А. Богородицкого, Е.Д. Поливанова, Н.К. Дмитриева, Л.П. Потапова, Б.А. Серебренникова, И.А. Батманова и др.

Наряду с мнением, сторонники которого исключали сравнительно-исторический метод и отвергали сам факт существования общетюркского прайзыка в эпоху существования родов и племен, поскольку не было соответствующих экономических условий (Н.Я. Марра и др.), возникает противоположное мнение, поддерживающее гипотезу об исторической реальности общетюркского языка-основы (В.А. Богородицкий, Г. Рамстедт и др.). Языковедов, признающих наличие языка-основы для всех языков мира, относят к сторонникам моногенезма. Сторонников предположения об отсутствии языка-основы и существовании языков-основ отдельных языковых семей, имеющих самостоятельное происхождение, причисляют к сторонникам полигенезма.

Б.А. Серебренников, отвергая укоренившееся среди некоторых тюркологов мнение о невозможности существования общетюркского языка-основы, утверждает, что «языком-основой может быть любая языковая единица, подвергавшаяся распадению. Характер эпохи и количественно-измерительные критерии здесь не играют абсолютно никакой роли. Распад языковых единиц мог иметь место во все периоды существования человеческого общества, абсолютно независимо от существования родов, племен, народностей или наций. Точно также величина самой языковой единицы не могла препятствовать его распаду. Поэтому, когда мы говорим об общетюркском языке-основе, нас совершенно не должен интересовать вопрос о том, как велик был этот язык и в какую эпоху он существовал, так как он не имеет никакого отношения к вопросу о языке-основе. Для нас важен лишь один факт, что все материально-родственные слова и формы, ныне существующих тюркских языков, в конечном счете, восходят к одному источнику. Иначе они образоваться не могли» [162, 13].

Все тюркские языки образуют группу близкородственных языков с общими генетическими чертами. Общее происхождение тюркских языков выражается в близости их грамматического строя и словарного состава. Тюркские языки входят в состав более обширной, алтайской семьи языков. Близость словарного фонда и грамматического строя в алтайских языках одни ученые объясняют генетической общностью, другие – древними заимствованиями. Крупнейшими исследованиями в области истории древних тюркских языков являются труды С.Е. Малова, А.М. Щербака, А.Н. Кононова, Б.М. Юнусалиева, Э.Р. Тенишева, Э.Н. Наджиба и др. Значительный вклад в изучение енисейских памятников древнетюркской письменности внесли С.Е. Малов, И.А. Батманов, С.Г. Кляшторный и др.

На современном этапе развития научных знаний установлено, что древняя тюркская речь формировалась в Центральной Азии (со времен В.В. Радлова к древнетюркским относят памятники центральноазиатского ареала). Исходной территорией тюрков с III в. до н.э. до IV в. н.э. была Центральная Азия, что подтверждают археологические данные и найденные памятники материальной культуры. Характерные особенности тюркских языков получили прямое выражение в памятниках орхоно-енисейской (рунической) письменности. Орхоно-енисейские памятники (самые крупные из них: памятники в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука, памятники Бильге-кагану, Моюн-чуру, Онгинский памятник и др., написанные на округлых камнях-валунах, на стелах, на скалах) были открыты на территории Тувы, Хакасии, Монголии, в бассейне р. Енисей, Горного Алтая, а также в Талассской долине Кыргызстана. Как отмечает И.А. Батманов, «они имеют некоторые языковые отличия, но содержат ту лингвистическую основу, которая в разной мере повторяется во всех современных тюркских языках» [18, 10].

Язык енисейско-орхонских памятников не был единым и монолитным. В нем было представлено несколько языков: древнеогузский (орхонский), древнеуйгурский, древнекиргизский (енисейский) и др. Как отмечает тюрколог Н.А. Баскаков, «туркские языки в Древнетюркскую эпоху, как это показывают “древнеогузские” (орхонские), древнеуйгурские и древнекиргизские (енисейские) памятники, имели как свои общие черты – преобладание в середине и конце слов д/т вместо с/з~й~р в соответствии р~с/з~д/т~й, так и черты, дифференцирующие эти языки, например, соответствие н/н~й, встречающееся в некоторых памятниках орхонского и уйгурского письма – коң “овца” в одних языках и кой – в других; канда “где” и кайда – в других и пр.» [11, 164]. Тем не менее, язык памятников, несмотря на имеющиеся некоторые языковые отличия, отражал то общее, что было присуще языкам древнетюркских народов, к примеру четкое число гласных, явления сингармонизма слова, словообразование путем агглютинирующих аффиксов, множественное число, характеризующееся аффиксом -лар, -лер, существование значительной части падежных форм (форма исходного падежа в памятниках не представлена), а также притяжательных аффиксов и т.д.

Нельзя с полной уверенностью утверждать, что памятники орхоно-енисейской письменности могут являться общетюркским праязыком или общетюркским языком-основой. Эта гипотеза нуждается

в дальнейшем подкреплении историческими и лингвистическими данными. На это указывает И.А. Батманов: «Не следует думать, что язык памятников орхоно-енисейской письменности был тем “праязыком”, на основе которого развивались другие тюркские языки. Во-первых, особенности тюркской речи (в отличие от древних тунгусской, монгольской и др.) сложились задолго до возникновения письменности у ее носителей; во-вторых, носители этой речи в VI–VIII вв. не составляли единой народности; в-третьих, в языке памятников древнетюркской письменности явно выражены диалектные черты, являвшиеся в одних случаях остатками сближавшихся племенных языков, а в других случаях зарождавшимися новыми тюркскими языками, получившими дальнейшее развитие» [18, 11–12].

Субстратом современного кыргызского языка, по утверждению Н.А. Баскакова, были «древние киргизские диалекты енисейских киргизов, смешанных по своему этническому составу, оставивших такие памятники языка, как древние енисейские надписи» [15, 225], «древнекиргизский язык – язык древних киргизов, живших на Енисее и возглавлявших крупный союз племен, оставивших памятники своей письменности в виде надгробных надписей – эпитафий» [15, 339]. Древнекиргизский язык, обладая чертами, общими с древнеогузским и древнеуйгурским языками, имел и свои характерные особенности, на которые указывал С.Е. Малов. Как он отмечал, в близких генетических связях с кыргызами состояли предки современных тофаларов, тувинцев, якутов и хакасов, а также кимаки и кыпчаки. Все эти народы, кроме самих кыргызов, кимаков и кипчаков, и по настоящее время сохранили древние особенности своих языков (в частности, все они относятся к так называемым д/т-, з/с-языкам в отличие от более древних р-языков и более новых й-языков).

Э.Р. Тенишев утверждает, что древнекиргизский литературный язык (VIII–XII вв.), известный по памятникам рунического письма бассейна р. Енисей, являлся д-языком (адақ – нога, қод – положить). Ученый считает, что древнекиргизский литературный язык не совпадал с народно-разговорным языком. Они занимали позиции отдаленного родства: «если литературный язык был д-языком, то народно-разговорный был з-языком (азақ – нога, қоз – положить) [185, 5].

На материале языка кыргызов провинции Фуюй (КНР), потомков древних кыргызов (переселившихся с хакасского Алтая), исследователь реконструировал народно-разговорный язык древних кыргызов и пришел к заключению, что «1) древнекиргизский народно-

разговорный язык диалектного типа был языком -з и, таким образом, ближайшим родственным языку кыргызов Фуюй, а также сарыг-югурскому, хакасскому, шорскому и чуымско-туркскому; 2) язык древних кыргызов принял большое участие в формировании современного кыргызского языка, и, следовательно, древнекыргызский этнос вошел в состав этноса тянь-шаньских кыргызов и определил его тип» [185, 28].

Вслед за Б.А. Серебренниковым мы считаем, что «только умелое сравнение между собой всех материально родственных слов и форм как ныне существующих тюркских языков, так и языков, уже исчезнувших, с учетом данных их диалектов, с учетом более поздних наслоений и новообразований, даст возможность реконструировать с большей или меньшей точностью архетипы, существовавшие в общетюркском языке-основе», и придерживаемся мнения о возможности восстановления «общих контуров основного словарного фонда общетюркского языка-основы... вследствие значительного количества общих слов, встречающихся во всех тюркских языках» [162, 14].

Кроме памятников орхено-енисейской письменности к древнетюркским относят памятники письменности на основе арабского языка, словарь Махмуда Кашиги «Дивану лугат-ат тюрк», относящийся к XI в., поэму дидактического содержания Юсуфа Баласагына «Qutadu bilig» (XI в.), а также памятники уйгурской письменности.

1.3.1 Древнетюркский пласт

Исследования в области тюркской географической терминологии в настоящее время ведутся постоянно, опубликовано ряд работ. Чаще всего это разного рода описания географических систем территории. Однако исследований, посвященных историко-лингвистическим описаниям географических терминов, практически нет. Следует отметить, что до сих пор не проводились исследования орографических и гидрографических терминов Кыргызстана на материале письменных памятников, это предстоит еще сделать. Восстановление полной и точной картины процесса возникновения географических терминов изучаемой территории невозможно. Но, опираясь на данные письменных исторических свидетельств, можно попытаться представить этот процесс.

Рассмотрим некоторые древнетюркские географические термины Кыргызстана, подавляющее большинство которых являются об-

щими для многих тюркских языков, и попытаемся проанализировать их в сравнении с другими современными тюркскими языками.

Земля наших предков хранит памятники старины не только в материальной культуре, но и в названиях местностей. Как отмечает С.У. Умурзаков, «территория Киргизии, как любой другой страны, в течение многих веков была ареной сложных исторических событий, оставивших заметный след в ее топонимии. Неоднократные переселения разноязычных народов и племен обусловили многослойность географических названий, возникших в разное время» [198, 53]. До сложения кыргызской народности на Тянь-Шане в конце XV–XVI в. территорию современного Кыргызстана населяли различные этносы, большей частью уже исчезнувшие, но оставившие о себе память в многообразных памятниках материальной культуры и в топонимической системе края.

Наиболее ранние сведения, касающиеся Кыргызстана, содержатся в письменных источниках Древнего мира (Греции, Рима, Китая и др.). По сообщениям древних авторов, история Кыргызстана и сопредельных территорий связана с именами народностей саков, усуней, гуннов, даванцев, динлинов и др., явившимися предками тюркских народов и оставивших серьезное культурное наследие последующим поколениям.

Все эти тюркские народы издревле жили в соседстве с кыргызами, о которых первое дошедшее до нас упоминание встречается в китайских исторических сочинениях и относится к 201 г. до н.э. В древнюю эпоху среди тюркских народов кыргызы были одним из родов, в которых преобладали расовые признаки европеидов. Первое упоминание о кыргызах имеет большое значение для истории кыргызского народа, благодаря которому мы знаем, что в конце III в. до н.э. уже существовало владение Кыргыз. Кроме этого, этоним «кыргыз» является самым древним названием из всех ныне существующих тюркоязычных народов. В середине I в. до н.э. в походе против динлинов, занимавших Минусинскую котловину на Среднем Енисее, часть кыргызов впервые проникает из Центральной Азии на свою новую родину.

В эпоху раннего Средневековья на Тянь-Шане (VI в.) сложилось крупное феодальное государство Тюркский каганат, просуществовавший почти два столетия (552–744 гг.). Массовые перемещения племен и народов в период Тюркского каганата привели к тюркизации населения. Местные племена ассимилируются с пришельцами, язык становится тюркским.

Наибольшего экономического могущества и культурного расцвета тюрки достигают в X–XII вв. при Караканидском каганате. Северный Кыргызстан и Фергана покрываются широкой сетью городов. В сочинениях неизвестного персидского автора (X в.) «Худуд ал-алам» перечислены города, деревни, местности, горы и озёра, принадлежавшие карлукам. Так, в нём говорится, что в Чуйской долине находились поселения Кулан, Мирки (современное Мерке), Нункат; в Иссыккульской котловине – Урун-Арч, Барсхан. Археологические данные подтверждают, что в государстве Караканидов получила развитие оседло-земледельческая культура. Здесь процветали города, ремёсла, торговля, земледелие.

Богатое историческое прошлое, духовная и материальная культура народностей, проживающих на территории Кыргызстана, естественно, отразились и на топонимической системе региона.

В «Словаре тюркских наречий» («Диван лугат ат-турк») Махмуда Кашгари собран материал по языкам различных тюркских народов; а также обширны и многообразны его историко-географические сведения о тюркской земле: о племенном составе тюрок, о землях и водных объектах, о городах и населённых пунктах. Известный топонимист С.К. Караев утверждает, что «Словарь» Махмуда Кашгари «является ценнейшей топонимической работой XI века» и представляет собой «неисчерпаемый источник как для историка-лингвиста, так и для топонимиста» (1969). «Диван» Махмуда Кашгари «содержит ценнейший материал для разностороннего, глубокого изучения истории кыргызского языка» [124, 166]. Автор «Дивана» проводит большую исследовательскую работу по определению основных значений большинства терминов, употреблявшихся в географических названиях. Так, слово *balyq* по Махмуду Кашгари означало в доисламские времена у тюрок «город». Большой интерес вызывают сведения Махмуда Кашгари о гидронимах, к примеру, он указывает, что у тюрков слово *ögüz* обозначает «река» и название древнего этнонима, что подтверждают и другие древнетюркские памятники, относящиеся к X–XII вв. Поэтому вполне ясно, что названия р. Жети-Өгүз происходит от ныне забытого значения «река». На это же обращает внимание и С.У. Умурзаков. Изучая этимологию топонима Жети-Өгүз, он пришел к выводу, что свое название местность получила от семи горячих минеральных источников, расположенных в районе современного курорта Жети-Өгүз, и как собственное географическое название (Йети-Окуз) топоним возник не позднее VI–XI вв.

[197, 62–69]. Существует также мнение о происхождении топонима от останцев палеогеновых красноцветов, доминирующих в ландшафтах данной территории. На этом настаивает географ Ж.Ж. Карамолдоев и утверждает, что число «семь» выступает в значении «много».

Нами были изучены термины тюркоязычных памятников VII–XIII вв., вошедших в «Древнетюркский словарь», «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари, а также исследован словарь В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» (в 4 т.), изданный в 1889–1911 гг. Кроме того, для сравнительного анализа были привлечены словари современных тюркских языков. Тюркоязычные письменные памятники содержат множество географических терминов, имеющих то же значение, что и в современном кыргызском языке, а также и в родственных ему языках. Основой для всех тюркских языков явились семантически прозрачные древнетюркские географические термины с различными фонетическими вариантами, к которым относятся: *арык*, *арт*, *баш*, *бел*, *булак*, *көл*, *кудук*, *тоо*, *өзөн*, *сай*, *суу* и *др.*

Рассмотрим некоторые из географических терминов, встречающихся в исторических источниках:

- *арык* «искусственный оросительный канал», в др.-турк. и в некоторых диалектах *арык* имеет значение «река», «речка», «ручей». Термин широко распространен в тюркских языках как «канал, канава, река, поток». У В.В. Радлова *арык* – «канал, вырытый для того, чтобы провести воду на пашни» [141, 269];
- *булак* «родник в болотистом месте, на берегу реки; ручеек, источник» [208, 157]. У Юсуфа Баласагуна *bulaq* – «источник», в текстах турфансской коллекции – «канал, арык» [47, 121];
- *как* «углубление, оставшееся от высохшего болотца; яма, где задерживается дождевая вода». В «Диван лугат ат-турк» *qaq* приводится как «лужа, стоячая вода»;
- *өзөн* «русло; маловодная пересыхающая речка; горная долина с рекой». В уйгурских документах, датируемых XII–XIV вв., *ögän* – «канал, ручей» [47, 379];
- *тамга* (уст.) речка; приток реки. У Махмуда Кашгари *tatya* – «рукав, приток реки; небольшая речка, ручей; залив». В настоящее время термин в этом значении не употребляется, но сохранился в некоторых топонимах;
- *терең* (досл. глубокий) «глубокое место воды, омут». В памятнике Огуз-кагану (XIII в.) *teräj*, *teriğ* – «глубокий глубина; глубокое место воды, омут» [47, 553–554];

➤ *шор, шоро* «солончак, пересыхающее летом соленое озеро».
В сутре «Altun jarug» (предположительно X в.) *шор* – «соленый»;

➤ *эшме* «река с крутыми поворотами». В турфанских рукописях *estmäk* – «течение, колебание воды, пена». Ср.: у В.В. Радлова *аймä* – «колодец, вырытый в песчаном месте; источник в пустыне» [141, 914].

Значительное место в древнетюркских письменных источниках занимают термины-метафоры, содержащие анатомическую лексику и присутствующие почти во всех современных тюркских языках. И хотя известно, что названия частей тела относятся к основному словарному фонду языка и, как правило, из других языков не заимствуются, приведенный факт свидетельствует о том, что древнетюркский пласт является общим для всех современных тюркских языков.

К гидрографическим терминам, восходящим к древнетюркскому языку, также относятся: *балчык* «вязкая глина, жидкая грязь», *көл* «озеро», *бутак* «приток реки, разветвление», *тамчы* (досл. капля) «скучный родник; источник с малым дебитом», *кудук* «колодец», *тарам* «разветвление, рукав реки», самый распространенный гидронимический термин *сүү* со значением «река» и др.

Из орографических терминов можно назвать:

➤ *арт* (досл. спина, задняя сторона) со значением «высокогорный перевал, горный проход». В Кыргызстане встречаются десятки наименований местностей с этим компонентом, однако этот термин в настоящее время в устной речи не употребляется, но «сохранился только в географических названиях» [211, 70], что говорит о древности происхождения данного термина. Это слово встречается в арабских и среднеазиатских географических сочинениях (X в.), в словаре Махмуда Кашигари, а также в сочинении Юсуфа Баласагына, датируемым предположительно кон. XII – нач. XIII вв. У В.В. Радлова *арт* «задняя сторона, задняя часть; горный проход» [141, 308–309]. В.А. Никонов, исследуя оронимию Кыргызстана, приводит такой факт: «В Киргизии 13 географических объектов называются Калмак-Ашуу “калмыцкий перевал” – в современном киргизском языке *ашуу* основное слово, значащее “перевал”. Но нет ни одного случая Калмак-Арт, хотя в тех же местностях, где находятся Калмак-Ашуу, есть перевалы Агач-Арт, Кыз-Арт, Эшек-Арт; эта несовместимость *калмак* с *арт* позволяет предположить, что ко времени калмыков (с серединой XV в. по середину XVIII в.) слово *арт* уже утратило значение “перевал”, вытесненное словом *ашуу*, как в современном языке»

[113, 102]. Этот пример подтверждает архаичность термина *арт*, однако не следует забывать, что *калмак* означает и небольшую группу самих же кыргызов. С.У. Умурзаков обращает внимание на то, что термин *арт* в значении «горный перевал» не приводится в словаре уйгурского, узбекского и казахского языков, но топонимы на *арт* сохранились исключительно на современной территории Кыргызстана, Тувы, Горного Алтая и в прилегающих к Кыргызстану частях Кашгари, населенных кыргызами. Это позволило ему сделать вывод о том, что «арт» являлся словом исконно киргизским или южносибирской (алтайско-саянской) группы тюркоязычных народов. Его нахождение в X–XI вв. в составе собственных географических названий на современной территории Киргизии служит несомненным свидетельством длительного пребывания киргизов на Тянь-Шане, по крайней мере, с X в. Судя по широкому ареалу топонимов этого ряда по стране, киргизы в то время населяли не только Восточный Тянь-Шань, но и западные и южные районы Киргизии вплоть до верховий Таласа, Ферганы и Алая» [198, 56].

Другим древнетюркским словом является *агач* «дерево, лес», который сохранился в составе некоторых собственных географических названий. В современном кыргызском языке – *жыгач*.

Древнетюркский термин *тоо* «гора», известный во многих тюркских языках (каз., башк., тат. *тая*, алт. *туу*, узб. *тоз*, хак. *таэ*, туркм., азерб., тув. *даг*), формирует многочисленные кыргызские географические названия.

В сутре «Altun jarug» (X в.), в турфанских коллекциях встречается термин *сай* в значении «каменистое место вулканического происхождения; пустынная равнина; каменистая равнина». В современном кыргызском языке *сай* обозначается как «сухое русло небольшой реки, малая горная река, ручей в овраге; ложбина, ущелье».

В тюркских географических названиях давно привлекали к себе внимание ученых цветовые обозначения. Например, самый распространенный гидронимический термин *сүү* со значением «река», в свою очередь образует ряд гидротерминов: *ак сүү*, *кара сүү*, *сары сүү*, *кызыл сүү* и др. О нецветовой семантике прилагательных в топонимии пишут А.Н. Кононов, Э.М. Мурзаев, А.В. Суперанская и др. К примеру, Э.М. Мурзаев так определяет значение *ак* *сүү* – «под таким названием известны реки, истоки которых лежат в высокогорном поясе Тянь-Шаня. Питание их происходит за счет таяния запасов вечного снега и льда, почему они имеют ясно выраженный паводок».

док в летние месяцы, когда по крутым и узким ущельям, искрясь белой пеной на солнце, они устремляют свои холодные воды вниз» [101, 319]. А *сары суу* по его свидетельству «степные реки, протекающие по глинистым и лёссовым территориям, вследствие чего они несут большое количество взвешенного материала. Вода их действительно желтоватая, мутная (ылай). Поэтому реки с таким названием можно встретить обычно и в подгорных равнинах, но их значительно меньше во внутренних частях Тянь-Шаня» [101, 324]. А.Н. Кононов, опираясь, в частности, на работы Э.М. Мурзаева, рассматривает названия с морфемами *ак* и *кара* в тюркской географической терминологии и приходит к выводу об их нецветовом значении. Он подчеркивает, что *кара суу* – родниковые речки, в которых вода всегда прозрачна, а *ак суу* – это тип реки, текущей из ледников, поэтому вода в этой реке мутная, окрашенная размываемыми породами. Таким образом, в данной паре названий получается даже обратное цветовое соотношение: *кара суу* – на самом деле светлая река, а *ак суу* – окрашенная, темная [77, 83–85]. Что же касается *кызыл суу*, то, по утверждению В.А. Никонова, это – «мелкая неглубокая вода» [111, 224]. Следовательно, прилагательные в топонимии выступают не в прямом цветовом значении, а в переносном. К примеру, термин *ак жер* (досл. белая земля) – это каменистая почва со значительным содержанием подпочвенной влаги [211, 249]. У В.В. Радлова *ак jáр* – «ровная безлесная местность» [141, 94], а термин *ала* (досл. пестрый, разноцветный, пегий) – это комплексная равнина, где выделяются пятна разных почв и растительности [106, 44]. У Махмуда Кашгари *ала* – «географическая местность с летними пастбищами вблизи Ферганской долины» [47, 33]. С.К. Карапев делает вывод, что *ала* Махмуда Кашгари – «это Алай, Алайская долина в Кыргызстане» [64, 28]. Возможно, *ала* сходно с монг. *ола* или *ула*, что обозначает «гора». Термин *сары жол* (досл. желтая дорога) указывает на «большую выочную или скотопрогонную дорогу» [211, 637] и т.д. Многочисленные топонимы с цветовой символикой являются древнейшими и встречаются во многих средневековых тюркоязычных письменных памятниках.

Названия тюркских народов и племен также издавна находили отражение в топонимии (к примеру, происхождение названия города Токмок мы вслед за С.У. Умурзаковым (1985) склонны относить к одноименному этнониму) – древним оседлым жителям этого края. В Кеминском районе имеется долина и речка Жел-Аргы. Вызывает

интерес, что в IX–X вв. на территории близ современного города Токмака обитали племена *аргу*, вошедшие в состав кыргызского народа под названием «коргу». Этноним *аргу* упоминается и в словаре Махмуда Кашгари [47, 51]. В кыргызском языке *аргы* (жел аргы) обозначает «небольшой ветерок» [211, 244].

Из древнетюркских терминов, связанных с образом жизни человека, можно назвать *ордо* – «стан, ставка хана, дворец; главный поселок», в настоящее время изредка встречающийся в качестве наименования поселений; *сарай* – «дворец; постоянный двор; крытое помещение для скота»; *там* – «дом; стена»; *турак* – «обиталище; стоянка, становище; стойбище» и др.

На основе рассмотренного выше материала можно констатировать, что основой для всех современных тюркских языков явились древнетюркские географические термины.

1.3.2. Собственно кыргызский пласт

Кыргызский язык прошел длительный и сложный путь формирования и развития. Вопросы периодизации, изучение основных этапов развития кыргызского языка находят отражение в работах Н.А. Баскакова, И.А. Батманова, Б.М. Юнусалиева, Б.О. Орзебаевой, Э.Р. Тенишева, С. Сыдыкова и многих других. Нет еще окончательного единого мнения относительно периодизации истории кыргызского языка, но в целом исследователи сходятся в одном – кыргызский язык является продуктом смешения южносибирских признаков со среднеазиатскими. Так, проф. Б.М. Юнусалиев утверждает, что «в главных своих чертах общекиргизский (или общенародный киргизский) язык сложился в период продолжительной общности предков носителей современного киргизского языка и южноалтайского диалекта» [213, 33]. Проблема формирования общенародного языка может быть разрешена лишь «на основе изучения письменных документов, относящихся хронологически последовательным этапам истории языка, и в непосредственной связи с историей формирования самого народа» [213, 19]. Исторические сведения о тюркских языках и народах – их носителях, а также древние памятники на этих языках позволяют не только определить основные периоды в развитии народов, но и дать общую характеристику процессов изменения фонетической структуры, грамматического строя и словарного состава с древнейших времен по настоящее время [11, 147].

Б.М. Юнусалиевым было выделено три основных этапа в развитии и формировании кыргызского языка: 1) древнекиргизский язык – до IX–X вв.; 2) киргизский язык – в X–XVI вв.; 3) новокиргизский язык – с XVI в. до наших дней. Академики Б.О. Орузбаева [128, 119], Э.Р. Тенишев [185, 28] рассматривают историю развития языка в три периода: енисейско-иртышский (VII–XII вв.) – древний; алтайский (XIII–XIV вв.) – средний; тянь-шаньский (XV–XVI вв.) – новый.

Основываясь на классификации кыргызоведов, мы выделяем следующие этапы в истории формирования географической (топонимической) терминологии Кыргызстана: общий период, связанный с формированием общенародных черт кыргызского языка – до XV в., и новый период, связанный с расселением кыргызов на современной территории – с XV–XVI вв. до наших дней.

Остановимся на втором этапе, важность которого мы связываем с формированием современного общенародного кыргызского языка (в конце XV – начале XVI в.). Однако необходимо отметить, что в целом процесс формирования кыргызской народности протекал на протяжении почти двух тысячелетий: первое упоминание о кыргызах в древнекитайских источниках в 201 г. до н.э.; существование государства Кыргыз на Енисее в VI–VII вв.; двух государств Кыргыз в Южной Сибири в XIII в. и т.д.

Процессы формирования населения страны, природные особенности края отразились в топонимике Кыргызстана. Сменялись различные исторические эпохи, менялся этнический состав населения, поэтому топонимическое пространство (в том числе пространство географической терминологии) Кыргызстана многогранно, многослойно, однако основное ядро составляют исконно кыргызские наименования. Как правильно отмечает Э.М. Мурзаев: «В недалеком прошлом кочевой народ, сохранивший черты кочевого хозяйства в настоящем, киргизы создали свою довольно обширную и оригинальную географическую терминологию, подтверждающую богатство их языка» [101, 316].

Рассмотрим более подробно собственно кыргызские НГТ Кыргызстана.

Исторические памятники свидетельствуют о существовании на исследуемой территории двух культур народов, ведущих оседлый и кочевой образ жизни. Об этом свидетельствуют описания китайских путешественников Чжан Цяня (II в. до н.э.), Сюань Цзана (VII в.), труды арабских и среднеазиатских ученых Тамим ибн Бахр ал-

Муттауваи (VIII в.), Ибн Хордадбека (IX в.), Мақдиси (X в.), Истахри (X в.), Махмуда Кашгари (XI в.) и др. Горная территория Северного Кыргызстана была частью и центром культуры народов, ведущих кочевой образ жизни. Население восточного региона Ферганской долины в отличие от своих северных соседей развивало земледелие. Археологические данные подтверждают, что здесь процветали города, ремесла, торговля, земледелие. Много городов и сельских поселений было в Чуйской, Таласской долинах и в Иссык-Кульской котловине. Особенно высокого развития оседло-земледельческая культура достигла в X–XII вв. Монгольское нашествие XIII в. явилось одним из сильнейших потрясений в жизни городов на данной территории, приостановившее процесс развития оседлых поселений на значительный период. По утверждению П.Н. Кожемяко, «нашествие орд Чингисхана на Среднюю Азию, приведшее к огромному разрушению производительных сил, уничтожило оседло-земледельческую жизнь в Северной Киргизии. После этой катастрофы здесь надолго господствующим типом хозяйства стало кочевое скотоводство» [69, 35].

В монгольскую эпоху (XIII в.) во время переселения тюрко-монгольских народов некоторые роды кыргызов, проживающие на Енисее и монгольском Алтае, а также в других местах, перебрались в Тениртооский район. На возможность нахождения части кыргызов на Тянь-Шане в XIII–XIV вв. указывает Б.М. Юнусалиев: «В X в. западная граница киргизского государства доходила до Ак-Суу (Вост. Притяньшанье) и Кашгара. Последовавшее одно за другим нашествие кара-китаев (киданей) в X–XII вв., монголов Чингиз хана в XIII в. и калмыков в XV–XVII вв. постепенно вытесняло киргизов с востока на запад и юго-запад» [213, 35]. Кыргызов, оставшихся в Саяно-Алтайском регионе, стали называть «сибирскими кыргызами», а кыргызов Восточного Туркестана и на территории Кыргызстана – «кыргызами Тенир-Тоо». Исторические судьбы енисейских и алтайских кыргызов разошлись. Одни постепенно растворились в составе иных тюркских племен, другим суждено было стать ядром современного кыргызского народа. В XIII–XV вв. тениртооские кыргызы ассимилировали в себе представителей соседних и живущих вместе с кыргызами других местных тюркских народов. Компоненты всех этих разнозычных и разновременных племен и народов сохранились в родоплеменных делениях кыргызской нации: кыпчак, ногай, найман, адыгены, дөөлөс, сарт, чалаказак, туркмен, уйгур, кытай, монол и др. Основа современных кыргызов Ала-Тоо состояла из кыр-

гызов, известных из истории древнейших времен. Современная территория Ала-Тоо свое политическое название «Кыргызстан» начала устойчиво приобретать с XV в.

Традиционное хозяйство кыргызов – скотоводство, земледелие, охота, промыслы – впитало в себя многовековой опыт предшествующих поколений. Места древнего поселения кыргызов были удобными и благоприятными для развития скотоводства, земледелия и ремесленничества. Основным типом ведения хозяйства кыргызов издревле было кочевое скотоводство. Это обусловлено своеобразными природно-экономическими условиями, связанными с горным характером рельефа.

Физико-географические условия способствовали появлению специализированной географической терминологии. Развитие таких терминов Э.М. Мурзаев объясняет природными особенностями края: «У славян существует хорошо отработанная специализированная болотная терминология; у тюрко-монгольских народов отмечается богатство терминов, связанных с классификацией пастбищ или с элементами микрорельефа, имеющих значение при ориентировке на плоских равнинах во время кочевий; у жителей пустынь, живущих в условиях постоянного дефицита пресной воды, имеется детализированная терминология водных источников. У народов, занимающихся орошаемым земледелием, развилась сложная специализированная ирригационная терминология» [103, 21]. Традиционный многовековой способ хозяйствования оказал влияние на формирование *терминов пастбищ*. Особая форма ведения хозяйства – кочевое, а затем полукочевое скотоводство – способствовала детальному знанию элементов природы. «Сама жизнь заставляла не только детально знать специфику того или иного типа пастбища (особенности рельефа, климата, растительности, характер водных источников, сезон их использования, пригодность для разных видов скота и т.д.), но и подмечать все мельчайшие особенности ландшафта, могущие служить ориентирами на пути перекочевок, местами для укрытия скота от непогоды и т.п.» [73, 3].

Кыргызы искусно использовали природные особенности своей земли в ведении хозяйства. В условиях горного Кыргызстана кочевое хозяйство имело свои особенности. Для кыргызов важным было обилие пастбищ, богатые водными источниками, удобные урочища, где можно перезимовать, укрыв скот от ветра и холода. Располагая в основном горными пастбищами, скотоводы выработали определен-

ные маршруты меридионально-вертикального продвижения. Свообразие климата страны, разумное использование природных ресурсов обусловливает необходимость постоянных перегонов скота по сезонным пастбищам: весной из долин в предгорья, летом – в высокогорную альпийскую зону, где прохладнее и трава не выгорает, осенью и зимой – в долины или предгорья на зимние пастбища или на стойловое содержание. Такая кочевка называется вертикальной. Это способствовало посезонному распределению пастбищных угодий: зимних, летних, весенне-осенних.

Весенне-осенние пастбища расположены в основном в Иссык-Кульской, Чуйской, Таласской, Ферганской долинах и Центральном Тянь-Шане. На этих пастбищах ранней весной вырастают и цветут полынnyе растения (эфемеры), но также быстро становятся сухими. В дождливое осеннеe время эти пастбища богаты такими растениями, как бородач, пырей, типчак, полынь и др. К осенним пастбищам относятся: *куздөк*, *куздөө*. У В.В. Радлова *куздөй* – «место осенней кочевки» [141, 1511]. Термин встречается в некоторых современных тюркских языках в различных фонетических вариантах (ср.: в казахском языке *кузек* – «осеннеe кочевье», в тувинском *кузек* – «осеннеe стойбище», в уйгурском *кузлак* – «осеннеe жилище»).

Весенними пастбищами являются *бөксө* (также может выступать в значении «предгорье»); *жаздоо*; *көктөө* (у В.В. Радлова *көктө* – «зеленеть, покрываться зеленью») [141, 1228].

Летние пастбища расположены на высоте 2000–4000 м над уровнем моря в Талассском, Чаткальском, Ферганском, Тонском хребтах; в Иссык-Кульских сыртах; в Каракужурской, Ак-Сайской, Суусамырской и других высокогорных долинах. К этим пастбищам, расположенным в высокогорной зоне, относятся: *жайлак* (в др.-тюрк. языке *jajlıq* – «летнее местопребывание, летний дворец») [47, 227], встречающийся в тюркских языках Южной Сибири (напр.: в хак., тув. *чайлаг* – «летнее пастбище, летнее стойбище») и подтверждающий пребывание кыргызов на Енисее и Алтае. Э.М. Мурзаев подметил, что «на географических терминах отразились история киргизов и связь их языка с языком сибирских тюрков и монголов. Из Сибири и Монголии киргизы привезли ряд интересных географических терминов, которые не приходится встречать где-либо в другом месте Средней Азии, но зато они свойственны Алтаю, южной части Восточной Сибири, Монгольской Народной Республике» [101, 316].

На кыргызско-алтайские языковые общности в своих работах указывали Н.А. Баскаков, А.П. Дульzon, О.Т. Молчанова, И.А. Батманов, Б.М. Юнусалиев, Б.О. Орузбаева, У. Джусупакматов, К. Конкобаев и др. К примеру, А.П. Дульзон отмечал, что «в пределах Тувы, Хакасии и бассейна Чулыма тюркизация, судя по особенностям языка современного тюркского населения, происходила на основе языка древних кыргызов» (1971). Термин *жайлак* иногда присутствует в составе некоторых географических названий Кыргызстана. По сведению К. Конкобаева, в говоре кыргызов Жергетальского района Таджикистана употребляется термин *айлак* в том же значении [75, 145]. Самым распространенным термином является *жайлоо* – летовка, летнее высокогорное пастбище. У Э.М. Мурзаева *жайлоо* – «летовка, летние пастбища, расположенные высоко в горах, на высотах свыше 2000–2500 м, и представленные высокогорными степями и субальпийскими лугами» [101, 322]. По его наблюдениям, самое известное *жайлоо* в Кыргызстане расположено в широкой горной долине Суусамыр, на юг от Кыргызского хребта.

Зимние пастбища расположены на южной стороне у предгорий Ак-Сайской, Орто-Сыртской, Таласской, Алайской и других долин, где даже зимой животные находят в снегу кормовые травы. К ним относятся *байтак*² – (бат.) место, удобное для зимовки скота в предгорье или в горах [76, 146]; *кыштоо* – зимовка, зимнее стойбище, зимнее пастбище; *тебин* (*тебинди*) – зимнее пастбище; место, где трава вытоптана скотом (обычно о лошадях, разрывающие копытом снег, для добывания корма).

Пастбища делятся на отдаленные – расположенные далеко от населенных пунктов (к примеру, *отор* – «отдаленное зимнее пастбище»)³ и ближние – расположенные близко к населенным пунктам (напр.: *өруш* – «горное пастбище вблизи айыла (аула), выгон»), предгорные – между отдаленными и ближними. По сообщению Г.К. Конкашпаева, в казахском языке *өріс* – «выгон, место пастьбы скота, расположенное вокруг стоянки аула; радиус района пастьбы определяется расстоянием, на которое отходит скот от аула в течение дня (а для лошади также ночи). Каждый вид скота имеет свой радиус рай-

² Древ. и в письм. языке байтахат – «столица» от бай+такты (так//такты трон).

³ К.К. Юдахин уточняет, что на этих пастбищах мало выпадает снега и ныне перегоны на такие пастбища уже отживаются [211, 583].

она пастьбы (өріс) в зависимости от того, на какое расстояние он может отойти от стоянки» [73, 30]. Высокогорными пастбищами являются *эгиз* и *төр* (букв. почетное место).

Вызывают интерес термины пастбищ, имеющие цветовое обозначение: *ала* (букв. пестрый, разноцветный, пегий) комплексная равнина, где выделяются пятна разных почв и растительности; *боз*, *бозоң* (букв. серый, землистый) – сухая степь, покрытая ковылем, полынью и др.; *көк* (букв. зеленый) – местность с зеленой растительностью; зеленое пастбище. Безусловно, образование географических терминов по признаку цвета обусловлено видом пастбищ, растительного покрова пастбищных угодий. На вид растительного покрова пастбищ указывают следующие термины: *от* – трава; у В.В. Радлова *от* – «растение, служащее пищей для животных, растения лекарственные, трава, сено» [141, 1100]; *от жер* – пастбище с хорошим подножным кормом; *отток жер* – то же, что *от жер*; *кырык* – (южн.) низкотравное пастбище; *жашаң* (досл. зеленый, молодой (о траве)) – зеленый луг; *өлөң* (досл. осока) – луг; место, изобилующее травой, осокой. В др.-турк. *öläj* – «лужайка» [47, 383].

К исконно кыргызским пастбищным терминам можно отнести также следующие: *жайыт* – пастбище, выгон; *алайы* – (батк.) удобное для скота место, изобилующее травой; *булан* – степь, поле, где много травы и др. По сведениям К. Конкобаева, термин *булан* употребляется в ичкилийском говоре [75, 147].

Активно участвуют в образовании кыргызских НГТ метафоры. Термины, образованные посредством переноса значения слов, обозначающих части тела человека и животных, отражающих признаки практической деятельности кыргызов, присутствуют преимущественно в орографической терминологии, в меньшей степени – в гидрографической. Из исследованных нами географических терминов около 50 являются метафоричными, 39 из них обозначают части тела человека и животных. К примеру, термин *баш* (букв. голова) широко употребляется для обозначения верховьев рек, горных вершин. В др.-турк. *baş* – «голова; вершина, верхушка; верховье, истоки; начало» [47, 86]. Термины имеют параллели в современных тюркских языках (ср.: алт. *баш* – начало, вершина; верхушка, верх; каз. *бас*, *бастау* – верховье; родник со значительным дебитом или ручей, являющийся истоком реки [73, 9]; тат., башк., уйг. *баш* – начало, исток; узб. *бош* – исток реки, ручья; хак. *лас* – голова; верхушка, вершина; начало, верховье; тув. *баш* – источник, верховье реки и др.). Термин *бел*

(букв. поясница, талия) обозначает горный хребет, широкий горный перевал; *богоз* (*богуз*) (южн., букв. горло, глотка) – горный проход, место схождения ложбин; узкий пролив; *боор* (букв. печень) – склон горы; *төши* (*дөши*) (букв. грудь) – часть горы выше подошвы, нижняя часть склона, пригорье; *тумшук* (букв. клов, нос) – мыс, длинный отрог горы, продолговатый выступ предгорья и др.

Кроме того, к терминам-метафорам, содержащим анатомическую лексику, относятся: *ооз* (букв. рот) – вход в ущелье; выход горной реки на равнину; *тамак* (букв. горло) – устье реки; вход в ущелье; *жал* (букв. грива) – вал, гряды; гребень горы; *жото* (букв. хребет) – гребень горы, горный хребет; *журөкчө* (букв. сердце) – небольшой холм в горной местности; *көз* (булактын *көзү*) (букв. глаз) – место выхода воды в источнике; *кулак* (букв. ухо) – разветвление арыка; *моюн* (букв. шея) – узкая полоса воды, перешеек; *мурун* (букв. нос) – мыс, вершина горы, пик; *таман* (букв. подошва) – дно реки, озера; ущелье и др. (более подробно см. табл. 2.3, 2.4).

Все перечисленные выше термины имеют широкий ареал распространения не только в топонимии Кыргызстана. Большинство из них являются общетюркскими и имеются во всех современных и древних тюркских языках. Общность названий частей тела весьма характерна для языковых групп алтайской семьи (турецкой, монгольской, тунгусо-маньчжурской). Анатомическая лексика является одной из наиболее устойчивых разрядов лексики и представляет древний пласт в лексике тюркских языков.

Предметы быта, хозяйства, являясь неотъемлемой частью кочевого образа жизни, также нашли отражение в кыргызской географической терминологии. В основном это орографические термины:

- *босого* (букв. порог, дверной косяк) – возвышенность;
- *сандык* (букв. сундук) – межгорная котловина; урочища, расположенные в понижениях или на ровных поверхностях; глыбовые горы. Э.М. Мурзаев отмечает, что *сандык* «употребляется для названия урочищ, расположенных в понижениях и котловинах, среди альпийских долин или на ровной поверхности сырта. Так, в верховьях р. Сөөк (бассейн Чу) есть два урочища по обе стороны реки: Күнгөй-сандык и Тескей-сандык» [101, 324];
- *май* (букв. масло, жир) – употребляется в основном для обозначения нефтеносных мест, а также имеет значение «святой, священный» (происходит от Умай (Умай-энэ) – «богиня-покровительница»);

➤ *асаба* (*асаба тоо*) (зд. *асаба* – «флаг»), по утверждению К. Конкобаева, термин употребляется в значении «огромная гора» [75, 145];

➤ *айдар* (уст., букв. чуб, косяк у мужчин) – возвышенность с кучей камней на вершине и др.

Кыргызы издревле занимались охотничим промыслом и славились как хорошие охотники. Охотились капканами, с ружьем, с ловчими птицами. Промысловая охота кыргызского народа также нашла отражение в топонимии Кыргызстана. В работе К. Конкобаева (1980) рассмотрены топонимы юга Кыргызстана, несущие информацию об охотничем промысле кыргызов, работа А. Биялиева (1978) содержит сведения об охотничьих терминах.

Таким образом, рассмотрев исконно кыргызские топонимические термины, мы приходим к выводу, что формирование терминов неразрывно связано со становлением и развитием кыргызского языка, следовательно, что кыргызская терминология зародилась в глубокой древности. Окружающая природа, жизнедеятельность кыргызского народа наложили отпечаток в формировании географических терминов. Кочевой образ жизни, скотоводческое ведение хозяйства способствовали появлению народных *терминов пастьбищ*. Значительное число в кыргызской топонимической терминологии занимают термины-метафоры, большую часть из которых составляет анатомическая лексика. Многие из перечисленных терминов являются общетюркскими, что еще раз подтверждает прошлую генетическую связь.

1.4. Заимствованный пласт в кыргызской географической терминологии

Одним из главных источников пополнения словарного состава любого языка (в том числе терминологического) являются заимствования. Причины заимствований различны: взаимовлияние языков, находящихся между собой в непосредственном контакте, появление новых предметов, явлений жизни и каких-либо понятий. Заимствование происходит посредством экономических, политических, военных и культурных контактов, а также из каких-либо вымерших языков. Возникают новые термины, обновляются старые. «Переосмысление уже существующих терминов и образование на их основе новых единиц (семантических неологизмов) обусловлено в определенной степени экстралингвистическими факторами (ведь но-

вое слово получает статус неологизма при условии его использования в обществе в целом или в определенных социопрофессиональных группах). Таким образом, распространение нового термина тесно связано с социолингвистическими явлениями: с теми реалиями, что послужили толчком к появлению и использованию слова в определенный момент истории, а также с условиями, благоприятными для принятия и распространения данного термина» [78, 60].

Вопросам, касающимся роли заимствований в топонимии кыргызского языка, посвящены работы многих исследователей кыргызского языка.

Объектом специального этимологического исследования статьи Б.О. Орзубаевой «О киргизских и монгольских лексических параллелях в топонимике» (1995) явилось изучение кыргызско-монгольских языковых взаимосвязей в топонимии. Проведя сопоставительно-лингвистический анализ кыргызских и монгольских географических наименований пиков, перевалов, ледников, рек, озер, долин, населенных пунктов и других топонимов, она указывает на то, что «монголизмы в качестве топонимов либо употребляются самостоятельно (Нарын, Түргөн, Нарынкол, Нура, Көкөмерен, Конур-Өлөн), либо усложняются киргизскими лексико-морфологическими формантами Шоролуу, Кара-Нар, Конорчок, Кара-Толой, Чет-Нура, Обо-Бел, Опол-Тоо, Сакалды, Могол-Тоо и др.» и считает, что «в топонимах сохранились больше, чем в других лексических пластиах, архаичные словообразовательные форманты, неразложимые двух- и более сложные морфологические структуры, которые указывают на давность бытования их, устойчивость последних в языке» [126, 115–116].

В кыргызской топонимике имеются арабо-иранские заимствования, что отражены в работах Б.М. Юнусалиева, Б.О. Орзубаевой, Д. Исаева, К. Конкобаева, К. Матикеева, З. Акылбековой, Б. Османалиевой и др. Однако Б.О. Орзубаева, в отличие от Б.М. Юнусалиева, относящего иранизмы в топонимах к заимствованиям, считает, что «иранские элементы в топонимах (особенно в Северной Киргизии) не заимствования, а остатки субстратных элементов» [127, 171]. Это позволяет предположить, что «в современном киргизском сохранились следы языков древних ираноязычных народов, населявших Среднюю Азию» [127, 171]. Арабо-иранские заимствования в большинстве своем встречаются на юге Кыргызстана, что объясняется «наличием давних непосредственных культурно-экономических связей южных кыргызов с таджиками и узбеками» [120, 181].

В формировании и обогащении кыргызского языка большую роль сыграл русский язык. За счет проникновения в быт кыргызов через русское население новых предметов и их названий происходило пополнение словарного состава кыргызского языка. «Благодаря грандиозным преобразованиям во всех областях экономики и культуры киргизского народа, под прогрессирующем влиянием русского языка, неизмеримо вырос словарный состав киргизского языка, и поэтому он сделался намного богаче и выразительнее» [214, 17]. Значительна роль русского языка и в формировании топонимии Кыргызстана. Русская топонимия является наиболее поздним лексическим пластом, поэтому достаточно легко могут быть прослежены ее история, языковые взаимоотношения в топонимике. Русская топонимия Кыргызстана явилась объектом специального лингвистического изучения в работе Н.П. Бутенко (1967), проанализировавшей русско-киргызские языковые взаимосвязи в сфере собственных имен. Помощью русского языка в кыргызский язык проникают международные термины, представленные латинским, греческим, английским, немецким и другими языками.

1.4.1. Термины иранского происхождения

Кыргызский язык в ходе исторического развития испытывал благотворное воздействие других языков. Особое место занимают иранские заимствования, сыгравшие заметную роль в формировании кыргызского языка. По подсчетам академика Б.О. Орзубаевой, общее количество иранизмов в словарном составе кыргызского языка по «Киргизско-русскому словарю» К.К. Юдахина составляет около 1500 слов, однако в общенародном разговорном языке, особенно в диалектах, персидских лексических заимствований гораздо больше. Иранские заимствования уходят в глубь истории кыргызского языка. «Проблема заимствования иранских элементов как одна из сторон развития кыргызского языка неразрывно связана с внешними, экстравалингвистическими факторами. Обычно к ним относят исторические контакты народов, экономические и культурные связи, авторитет языка-источника, двуязычие» [51, 114].

По мнению И.А. Батманова, «слова арабского и иранского происхождения заимствовались главным образом в XIX в., т.е. когда Киргизия была под гнетом Кокандского хана, усиленно насаждавшего ислам» [17, 53]. Однако исторические контакты ираноязычных народов

с кыргызами имеют гораздо более древнюю историю. Б.М. Юнусалиев, со ссылкой на В.В. Бартольда (1927), пишет о существовании экономических и культурных связей кыргызов с древним ираноязычным населением, известным еще в V–X вв. н.э. и говорившим на одном из наречий иранской группы языков, тем более что «киргизы в ту эпоху вели оживленную торговлю со своими соседями, а часть их племен и родов уже в конце X в. доходила до указанных районов, что предполагает уже живое языковое общение с ираноязычными тохарами» [214, 220]. Вместе с тем он обращает внимание на более древние языковые взаимоотношения уйголов с ираноязычным населением и считает, что уйгуры могли быть первыми и основными посредниками в передаче иранских заимствований кыргызам по той причине, что, будучи древними жителями территории между Алтаем и Тянь-Шанем, уйгуры раньше и дольше кыргызов вступали в живое общение с иранским населением этих краев. «Чрезвычайно большой размах получили иранские заимствования в киргизском с момента проникновения киргизских племен в пределы Ферганской долины, на Памир и Гисар, т.е. в начале XVI века. Здесь киргизы вступили в непосредственное языковое взаимодействие, уже не прерывавшееся до наших дней, не только с ассимилировавшимся этническим составом, но и с компактной группой ираноязычного населения – таджиками» [214, 221]. Это подтверждает и Б.О. Орузбаева, отметив, что на юге иранские слова проникли в кыргызский язык непосредственно через таджикский [120, 173].

Слова персидского происхождения в кыргызском языке охватывают самые разные области лексики: это названия металлов, животных, орудий производства, предметов обихода. В топонимии также имеются некоторые заимствования из иранского языка, широко распространенные на всей территории Кыргызстана, к примеру: *абад* (*абат*) – населенный пункт, благоустроенное, заселенное место. Термин присутствует в уйг. (*абад*) и узб. (*обод*) языках в том же значении; *бак* (*бакча*) – сад, дерево. Термин распространен во многих современных тюркских языках, но в разных фонетических вариантах, напр.: туркм., азерб. языках – *баг*, башк. – *бакса*, узб. – *бог*, *богча*, каз. – *бак*; *дайра* (*дарыя*) крупная полноводная река, употребляется для обозначения больших рек (туркм. *деря*, узб. *дарё*, уйг. *дәріа*, тат., к.-калп., башк. *дэрья* имеют значение «река»); *дере* (на юге – *дара*) – ущелье, теснина, овраг. Тат. *дере*, узб. *дара*, азерб. *дәрә* – «теснина, ущелье; *долон* – горный проход; *дөрөө* – горный проход;

кемер – подмытый водой берег, круча; *обрыв*; склон горы; *кент* – поселение; город; *көрүстөн* – кладбище; *кумбәз* – купол; мавзолей; с некоторым фонетическим изменением встречается во многих современных тюркских языках: в каз. языке – *кумбез*, узб. – *гумбаз*, азерб. – *кумбәз*, туркм. – *гүммәз*. Термин *көчө* «улица» имеет широкий ареал распространения в современных тюркских языках: каз. – *кеше*, узб. – *кӯча*, азерб. – *күчә*, туркм. – *көче* и др.; *ылай* (*лай*) «ил, грязь, мутная вода, жидкая грязь» – в том же значении каз., тат., башк. *лай*, узб. *лой*; *майдан* – поле, обрабатываемая земля; площадь, покрытая зеленью; сад; *моло* – надгробие, могила; *топон* (*топон суу*) – бурный поток, сильное наводнение, потоп; сель, селевой поток; стремительные бурные потоки дождевых вод, несущие огромное количество грязи и камней; *чалдыбар* – руины, развалины, остатки древних поселений; *чарбак* – крепость, усадьба; фруктовый сад; *шаар* – город; *шор* (*шоро*) – солончак, пересыхающее летом соленое озеро и др.

Как мы заметили, все эти термины не только широко распространены и понятны на всей территории Киргизии, но и имеют параллели в других тюркских языках. Кроме того, нами выделены термины, которые в большей степени распространены на юге Кыргызстана и, видимо, вошли в кыргызский язык через посредство таджикского языка. Например, термин *чаимса* (*чешиме*) «источник» встречается во многих тюркских языках: узб. – *чаимса*, тат. – *чишмә*, туркм. – *чешиме*, азерб. – *чешмә*, башк. – *шишмә*, но на территории Кыргызстана не имеет широкого распространения. Топонимы немногочисленны, в основном встречаются в географических названиях на юге страны. Термин *авга* имеет значение «высокий перевал» и употребляется, по сведениям К. Конкобаева, в говоре кыргызов Заминского района Узбекистана [75, 145]. В говоре кыргызов Жергетальского района Таджикистана употребляется как *агба* с тем же значением [75, 145]. Также к распространенным на юге географическим терминам, заимствованным из персидского языка, относятся: *биабан* (*бийаван*) – пустынная степь; пустыня; *бостон* – плодовый сад; цветник; огород; *гар* – пещера, грот, глубокая вымоина; также может обозначать «гора; перевал»; *гала жай* (зд. *галла* – «посевы хлебных злаков») – земля, занятая под посевы зерновых; *голдов* – глубокое место реки; *банд* – запруда, плотина; ущелье; *даңги* – теснина, каньон, узкое ущелье; *даргат* – запруда, шлюз; *даш* (*дашт*) – пустыня; степь; равнина; *жанғел* – лес, лесная чаща; заросли кустарника; *завир* (*завур*) – рыхлина, промоина; *леп* – (редко) берег; *шак*

(*шак арык*) – мелкие оросительные каналы, по которым вода проводится непосредственно на посевы; *шакапча* – мелкие арыки; *шакаша-на* – участки в горах с деревянистыми растениями среди камней (боярышник, карагана и др.) и т.д.

Итак, в кыргызской географической (топонимической) терминологии нами выявлено 52 термина, заимствованных из персидского языка, большая часть которых распространены на юге Кыргызстана, что подтверждает высказывание Б.О. Орузбаевой о том, что количественно иранизмов «гораздо больше в горах южнокиргизского диалекта, нежели в северных» [126, 167].

1.4.2. Термины арабского происхождения

Арабских заимствований в кыргызской географической терминологии сравнительно небольшое количество. Это объясняется, видимо, поздним проникновением арабизмов в кыргызский язык, кроме того, значительную часть арабизмов составляют слова религиозного содержания. Тем не менее, нами было выделено 15 географических терминов арабского происхождения: *авиз* (южн.) – небольшой искусственный водоем для хозяйственных нужд; *алкым* (досл. горло, глотка) – предгорье; место схождения подошвы горы и долины, откуда вытекает горная речка; *анаар* (южн.) – большой арык; *бейит* – могила; *бурана* – минарет, башня – «красноглинистое, песчаное место, где под действием ветра и воды образовались разные силуэты» на юге Кыргызстана [75, 147]; *кала* (*калаа*) – крепость; город; *кадамжай* (букв. место, где ступала нога святого или пророка; зд. *кадам* – «шаг», *жай* – «место») – могила святого; святое место; *маала* – квартал города, селения; *мазар* – могила, кладбище; священное место; место паломничества; *мамлекет* – государство; *мекен* – местожительство, местопребывание; пристанище, обиталище; *музапат* (южн.) – страна, область; *мунара* – башня, минарет; *мечит* – мечеть; *рабат* – предместье; окраина города; пограничное укрепление.

К. Конкобаев в арабский пласт топонимов, распространенных на юге Кыргызстана, включает номенклатурные термины: *бир*, *бер* – источник, колодец; *берки*, *барка* – озерцо, пруд; *бат* – долина, русло, овраг, река, поток; *каса* – каменистая равнина, покрытая песком; *тел* – холм, бугор, бархан; *махалла* – квартал и др. [75, 60].

Незначительность удельного веса арабских лексических заимствований в словарном составе кыргызского языка объясняется Б.О. Оруз-

баевой «слабой распространностью догм ислама и письменности на арабской основе среди киргизов» [120, 181]. Проникновение арабизмов в тюркские языки, по мнению В.В. Бартольда (1925), началось еще в VIII в., когда арабы двинулись в Среднюю Азию и дошли до современной Таласской долины. В Фергану вместе с арабскими завоевателями проникает ислам. Тюрки (исповедовавшие древние языческие культы, связанные с природой) и согдийцы (исповедовавшие древнюю религию иранских народов – зороастризм) Северного Ала-Тоо долго боролись против ислама, считая новую религию враждебной религией завоевателей. «Арабское завоевание и насильтвенная исламизация края привели к совершенно чуждому местному населению арабскому языку. Язык завоевателей применялся не только в проповеди и в молитве, но и в канцеляриях, в культурной жизни и в научной работе. На арабском языке писали свои труды не только арабские авторы, но и местные среднеазиатские ученые» [195, 44]. Только в X в. тюрки осознали все преимущества, которые нес ислам для объединения тюркских народов. Караканидские каганы сами приняли ислам и сделали его государственной религией. В городах стали возникать величественные мусульманские культовые сооружения. Некоторые из них сохранились до наших дней, например башня Бурана [59, 96]. По мнению И.А. Батманова, в кыргызский язык «арабизмы вошли через посредников, т.е. через другие языки» [17, 17]. Ч.К. Дыйканова считает, что арабизмы проникли в кыргызский язык посредством узбекского и уйгурского языков: «По сравнению с другими народами Средней Азии уйгуры и узбеки приняли ислам раньше, их предки имели прямые экономические взаимоотношения, а потому и приток арабских заимствований в эти языки был более продолжительным. Они и были посредниками в распространении усвоенных арабских слов среди других тюркских народов Средней Азии» [51, 126]. Б.М. Юнусалиев, касаясь вопросов хронологии и путей проникновения арабских заимствований в кыргызский язык, приходит к выводу, что «арабская часть лексики приобретена киргизским народом после его откочевки из Алтая. Основная же масса этих заимствований приобретена после исламизации киргизов, т.е. после XVII в. Тот факт, что каждое заимствованное в киргизском арабское слово обязательно имеет соответствие или во всех среднеазиатских языках, или в группе этих языков, является лишний раз подтверждением, во-первых, их заимствованности в киргизском через посредство среднеазиатских языков и, следовательно, во-вторых,

проникновения арабской лексики в киргизский в тянь-шаньский период истории киргизов» [214, 230].

Географические термины арабо-иранского происхождения, вошедшие в кыргызский язык уже давно, в настоящее время не воспринимаются как заимствованные. Они вошли в словарный фонд современного кыргызского языка и «в основной своей массе не только составляют неотъемлемую часть основного словарного фонда современного кыргызского языка, но и входят в его ядро» [214, 230].

1.4.3. Тюрко (киргызо)-монгольские параллели

Ученых-лингвистов издавна интересовал вопрос, касающийся взаимодействия тюркских и монгольских языков. Внимание исследователей привлекало присутствие монголизмов в тюркских языках, а в монгольских языках – тюркской лексики. Вопросам тюрко-монгольских языковых общностей посвящены работы М.А. Кастрена, Г.И. Рамstedta, Б.Я. Владимирицова, Е.Д. Поливанова, М. Рясищена, В.В. Радлова, С.Е. Малова, Н.А. Баскакова, В.И. Рассадина, Т.А. Бертагаева, Г.Д. Санжеева, С.К. Кенесбаева, Ш.Ш. Сарыбаева, Е.И. Убрайтовой и др.

О месте монгольских заимствований в кыргызской лексике говорится в работах И.А. Батманова, Б.М. Юнусалиева, Б.О. Орузбаевой, С. Кудайбергенова, С. Сыдыкова, К. Дыйканова, Д. Исаева, К. Конкобаева и других исследователей.

Наличие в современных тюркских и монгольских языках общих элементов принято считать признаком их генетического родства. В связи с этим возникает сложный вопрос разграничения общетюрко-монгольских элементов и монгольских заимствований. Как отмечал Г.Д. Санжеев, «племена и народности, носители алтайских языков, особенно те из них, которые жили в Центральной Азии, находясь в постоянном общении друг с другом, очень легко переходили от одного языка к другому. История знает многие случаи такого тесного и интенсивного соприкосновения народов – тюркских с монгольскими и монгольских с тунгусо-маньчжурскими. Такие условия развития алтайских языков существенным образом отражались на характере их лексики, грамматической структуры и фонетики. Чрезвычайно трудно определить, что же в алтайских языках является их общим достоянием, непосредственно восходящим к предполагаемому алтайскому праязыку, а что – результатом более позднего соприкосновения

вения этих языков друг с другом, т.е. заимствованием» [156, 17]. Согласимся с высказыванием Ч.К. Дыйкановой, предлагающей к общим тюрко-монгольским элементам отнести общетюрко-монгольский пласт лексики, представленный в древнетюркских надписях и в монгольском языке: «Судя по тому, что они были представлены в языке древнетюркских рунических надписей, можно говорить о том, что эта лексика бытowała в тюркских и монгольских языках, по крайней мере, уже к началу древнетюркской эпохи» [51, 101]. С. Сыдыков общую тюрко-монгольскую лексику делит на две группы: «Одна из них, первичная, восходит к глубокой древности, к языку, не засвидетельствованному временем; другая – вторичная, появилась в результате взаимных, политических, экономических и культурных связей между различными монгольскими и тюркскими народами главным образом в средних веках» [183, 24]. Что же касается заимствований, то необходимо признать, что, несмотря на существующие методы определения заимствований в тюрко-монгольских языках, предложенных Б.Я. Владимирицовым, Н.А. Баскаковым, А.М. Щербаком и другими учеными, вопрос установления монгольских заимствований к настоящему времени не получил окончательного объяснения.

Возможным объяснением общности кыргызско-монгольских лексико-грамматических элементов является их генетическая связь. И.А. Батманов, рассматривая тюрко-монгольские лексические элементы, нашедшие свое отражение в эпосе тюркских и монгольских народов, утверждает, что они «не представляют собой параллельно существующих с “тюркскими” элементами лексических единиц, а являются лишь хронологическим напластованием, которое только впоследствии стало неотрывной составной частью рассматриваемых языков» [17, 154]. По мнению Б.О. Орузбаевой, «многочисленные лексико-грамматические параллели подтверждают правильность предположения о былых культурно-экономических взаимосвязях тюрко (киргизо)-монгольских племен, о некотором участии отдельных этнических групп в сложении киргизской народности» [126, 112]. Однако следует отметить, что общность бывает не только генетической, «она может быть представлена в виде заимствования, двуязычия и т.д.» [66, 329]. Г.Д. Санжеев отмечает, что киргизский язык всегда соприкасался с монгольским и между этими языками обнаруживается много такого, что говорит о многочисленных взаимных заимствованиях (1947).

Монгольские топонимы, по предположению Э.М. Мурзаева [103, 65], проникали на территорию Кыргызстана двумя путями:

а) вместе с монголами в XIII в.;

б) киргизы, пришедшие на Тянь-Шань из Южной Сибири и Центральной Азии, могли принести с собой ряд монгольских топонимов и нарицательных географических терминов в Среднюю Азию.

И.А. Батманов отмечает три периода проникновения монголизмов в кыргызский язык: «в енисейский период, в XII–XIV вв. и во время господства джунгарцев» [17, 20].

Из исторической литературы известно о длительном контакте кыргызов с монголоязычными племенами. Это подтверждается этнографическими наименованиями, сохранившимися в родоплеменных делениях кыргызской нации (найман, монгол, калмак, меркит и др.), вошедших в состав кыргызской народности монгольских племен. Следы кыргызов сохранились и в Северо-Западной Монголии в топонимии, в названии родов (хыргыс, хара-хыргыс, шара-хыргыс, мөдөн-хыргыс), в исторических легендах (старые могильники в Монголии называются «хыргыс-үүр», т.е. «кыргызские могилы»). Длительная связь с монголами в разное время и на разной территории, монгольское нашествие в XIII в., а затем захватнические нашествия Джунгарского ханства (XVII в.) не могли не отразиться в кыргызской лексике, в том числе и в топонимических наименованиях. Как отмечает Б.О. Орузбаева, «в топонимах сохранились следы былой кыргызско-монгольской языковой взаимосвязи (в основном, очевидно, периода джунгарского владычества), что косвенно подтверждается и тем, что монголизмы чаще встречаются в собственных географических наименованиях по Северной Киргизии, по мере продвижения на юго-запад они встречаются все реже» [126, 116]. Действительно, на примере географических терминов в кыргызской топонимии мы убедились в том, что монголизмы количественно преобладают на севере Кыргызстана. Рассмотрим ареал распространения некоторых сходных терминов, встречающихся как в кыргызском, так и в монгольских языках (необходимо отметить, что мы не ставили перед собой задачи выяснения происхождения терминов – монгольского или тюркского):

В кыргызском языке	В монгольских языках
<i>аяк</i> (досл. нижняя часть, конец) – устье реки, ее нижнее течение	<i>адаг</i> (монг., бурят.) – конец; устье реки
<i>аймак</i> – территория, край, область, окрестность	<i>аймаг</i> (бурят.) – район

<i>айыл</i> – поселок, село, аул	<i>айл</i> (бурят.) – семейство; юрта, дом
<i>аң</i> – яма, промоина; длинный обрыв	<i>ан(г)</i> (монг.) – трещина, теснина
<i>арал</i> – остров	<i>арал</i> (монг., бурят.), <i>арл</i> (калм.) – остров
<i>ача</i> – развилина, развилка; место впадения притока или разделения русла на протоки	<i>аса</i> (бурят.) – развилина
<i>балчык</i> – глина, жидкая грязь	<i>балиаг</i> (бурят.), <i>бальчг</i> (калм.) – тина, грязь
<i>бел</i> – горный хребет, широкий горный перевал	<i>бел</i> (монг.), <i>бел</i> (калм.) – предгорье, склон горы
<i>боор</i> – склон горы	<i>боори</i> (бурят.) – возвышенность, возвышенное место; подножие горы
<i>булак</i> – родник, ручеек, источник	<i>булаг</i> (монг., бурят.), <i>булг</i> (калм.) – ключ, источник, родник
<i>булуң</i> – залив, излучина реки	<i>булан(г)</i> (монг., бурят.) – залив
<i>дабаан</i> (<i>дабан</i>) – горный перевал	<i>дабаа(н)</i> (бурят.), <i>даваа(н)</i> (монг.), <i>давлан</i> (калм.) – горный перевал
<i>дөбө</i> – холм, сопка, бугор	<i>добо</i> (бурят.), <i>дов</i> (монг.), <i>довн</i> (калм.) – холм, бугор; курган
<i>какыр</i> – сухое место	<i>хахир</i> (бурят.) – скучное, вытоптанное пастбище
<i>канчал</i> – скалистое ущелье; каньон	<i>хавцал</i> (монг.), <i>хабсал</i> , <i>хабшал</i> (бурят.), <i>хавчг</i> (калм.) – узкий; ущелье, теснина
<i>канчыгай</i> – горное ущелье	<i>хабсагай</i> (бурят.), <i>хавцгай</i> (монг.) – скала, утес, каменистые гольцы; предгорье; редко ущелье
<i>кужур</i> – солончак	<i>хужсир</i> (монг.), <i>хужсар</i> (бурят.) – солончак
<i>көл</i> – озеро	<i>хүл</i> (бурят.) – озеро
<i>лай</i> , <i>ылай</i> – ил, жидкая грязь, мутная илистая вода	<i>лаг</i> (монг.), <i>лай</i> (бурят.), <i>ла</i> (калм.) – ил
<i>мерен</i> – полноводная река	<i>мөрөн</i> (монг.), <i>мурэ(н)</i> (бурят.), <i>мөрн</i> (калм.) – большая река
<i>нур</i> (<i>нор</i>) – озеро; пруд, водоем	<i>нуур</i> (монг., бурят.), <i>нур</i> (калм.) – озеро

нура (нуура) – горный хребет, гребень горы	нуруу (монг.) – горный хребет
обо (обоо) – сложенная груда камней; межевой холмик	овоо (монг.), обоо (бурят.), ова (калм.) – груда камней; насыпь; курган
ордо – ставка хана; главный поселок	ордо(н) (монг., бурят.) – дворец, ставка
отор – отдаленное зимнее пастбище	отор (бурят.) – летник, заимка; дальнее пастбище; атар (монг., бурят.) – целина, непаханная земля; пастбище с хорошей, нетронутой травой
өндүр – ложбина, долина реки	өндөрлөг (монг.) – возвышенность; плоскогорье
салаа – разветвление; отрог	салаа, салбар (монг.) – развилия, развилок; отрог
талаа – степь, поле, открытая равнина	тал (монг.), талаа (бурят.) – равнина, поле, степь
чөл – пустыня; безводная степь	чөл (монг.) – пустыня

В предыдущих параграфах были приведены примеры параллелей географических (топонимических) терминов в кыргызском и южносибирских тюркских языках.

1.4.4. Термины русского происхождения

Первые географические сведения и карты, касающиеся топонимии Кыргызстана, появились в русской географической литературе в начале XVII в. Русскими путешественниками, послами, торговцами в результате политических и торговых связей с кыргызскими племенами к середине XIX в. был собран богатый материал о природных условиях, экономике и населении страны. Важное место в расширении географических познаний о Кыргызстане имели географические и картографические труды, отчеты и записки участников военных и научных экспедиций. По мере накопления и расширения географических сведений были созданы карты, внесшие существенный вклад в географическое изучение страны, в развитие науки. Более подробное изображение географических объектов территории Кыр-

гызстана были даны на картах И. Унковского (1722–1724), И.К. Кирилова (1734), И. Красильникова (1755), И.И. Исленьева (1777) и других.

Таким образом, еще до присоединения Кыргызстана к России русские располагали значительными данными о природе и хозяйстве края. Среди исследований природы Кыргызстана второй половины XIX в. выделяются работы Н.А. Северцова, А.Н. Куропаткина, А.В. Каульбарса, А.П. Федченко, И.В. Мушкетова, А.Н. Краснова, Н.Л. Корженевского и других.

С появлением первых русских поселений в Кыргызстане со времен присоединения к России во второй половине XIX в. активизировались языковые контакты между кыргызами и русскими. Этот период можно охарактеризовать как период билингвизма. Близкие контакты местного населения с русскими переселенцами обогатили лексику кыргызского языка. Это коснулось и топонимии края – появляются русские названия пиков, хребтов, ледников и других географических объектов, к примеру, пик Кауфмана, озеро Мерцбахера, ледник Корженевского, залив Григорьевский, мыс Бочарникова, село Ивано-Алексеевка и др. Значительную часть русской топонимии отличает наличие групп наименований, связанных с деятельностью человека. Преимущественно славянский пласт присутствует в ойконимах. Более подробный анализ представлен в работе Н.П. Бутенко (1967), положившей начало лингвистическому изучению русской топонимии Кыргызстана.

Возникшие русские географические названия стали употребляться и в кыргызском языке. В то же время русское население осваивало местные географические наименования. Длительное взаимодействие двух языков сказалось и на географической терминологии кыргызского языка. Такие географические термины, как *район*, *область*, *канал*, *бассейн*, *океан* и др. пополнили словарный состав кыргызского языка. Однако следует отметить, что русских топонимических терминов, употребляемых в кыргызском языке, небольшое количество, чего нельзя сказать о топонимах (в местах, где проживает русское население, обычно употребляются термины и топонимы русского происхождения). Видимо, это объясняется тем, что практически все русские географические термины имели кыргызские эквиваленты и поэтому не нуждались в замене их русской лексикой. В Кыргызстане, где проживает многонациональное население и присутствует кыргызско-русское двуязычие, образовалась двойная кыр-

гызско-русская географическая терминология и параллельно существуют две топонимические системы.

Среди русских заимствований, представленных в основном научными, техническими, общественными и политическими терминами, основной процент составляют слова «международной лексики». «К русским заимствованиям мы относим все слова, вошедшие в кыргызский язык через посредство русского языка, независимо от того, какому языку принадлежит по своему происхождению то или иное слово» [214, 231]. Благодаря русскому языку кыргызский язык пополнился международными (греческими, латинскими, французскими, английскими, немецкими) научными географическими терминами, как *ландшафт*, *атмосфера*, *литосфера*, *гидросфера*, *терраса*, *мейндр* и многими другими.

Глава 2.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРОДНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТОПОНИМИИ КЫРГЫЗСТАНА

2.1. О принципах классификации географических терминов в их отношении к словообразовательным процессам

На современном этапе развития терминология представляет собой не просто совокупность разнородной терминологической лексики, а совокупность системно организованную и упорядоченную. Еще в прошлом веке М.М. Покровский писал: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются ... независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [137, 227].

Вопрос о классификации лексического материала в лингвистике ставился уже давно. Классификации принадлежит важное место в любой науке, в том числе и в терминологии. «Всякое научное исследование предусматривает систематизацию материала. А это вызывает необходимость разделения его на какие-то категории, группы, разряды, типы, что, в конечном счете, приводит к классификации» [105, 111]. «Научная классификация – это упорядоченный способ ассоциации и диссоциации, а также умственной организации идей, которые представлены в мозгу человека в форме понятий... Характеристики отдельных типичных объектов помогают понять сущность класса в целом и, классифицируя понятия, объединять их в системы» [180, 138]. К настоящему времени известно достаточное количество самых различных классификаций лексического материала, к примеру, таких, как лексико-семантическая, фонетико-семантическая группа слов, терминологическая и др. Наиболее приемлемый, на наш взгляд,

способ изучения кыргызской географической терминологии – лексико-семантический и структурно-словообразовательный аспекты исследования. Классификация лексического материала непосредственным образом связана со словообразованием. Так как словообразование слова как члена конкретной группы основывается на детальном анализе его значения, то прежде необходимо выявить признаки, на основе которых слова объединяются в группы. И в первую очередь нас интересует лексическая классификация – лексико-семантические и тематические группы слов, к характеристике которых мы и переходим.

Лексико-семантические группы слов представляют собой объединение слов по их лексическим значениям. «Совокупности слов, имеющие близкие (в том числе противопоставленные – антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимами), составляют лексико-семантические группы или единства. Каждое слово, входящее в лексико-семантическую группу, обозначает самостоятельное понятие или его оттенки и в то же время зависит от другого члена группы» [202, 225].

Объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, Ф.П. Филин называет тематическими словарными группами [202, 231]. К примеру, слова *голова*, *рука*, *спина*, объединенные в одну тематическую группу – части тела человека, обозначают различные реалии, и семантические отношения между ними неодинаковы. Объединяет их только то, что они являются названиями определенной группы реалий.

Общность и различие лексико-семантических и тематических групп в том, что и те, и другие группы слов отражают объективную реальность. Их общность заключается в наличии одной общей «темы». В рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собой лексико-семантические группы слов, которые являются составной частью тематических групп. Различие их определяется тем, как отмечает Ф.П. Филин, что «лексико-семантические группы слов представляют собою продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-либо языке, их состав зависят только от уровня знаний того или иного народа – создателя и носителя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения. Если мы не считаем, что значение слова тождественно понятию, то мы также не должны отождествлять связи между значениями слов

и связи между понятиями» [202, 233–234]. Рассмотрим пример, где группа слов может одновременно относиться и к тематической, и к лексико-семантической группе. Например, слова *абад*, *калаа*, *кент*, *шаар*, *шаарча* и др. имеют семантические связи между собой и одно общее название – *населенный пункт*, которое обозначает родовое понятие и может заменять собой любое слово из этой группы, обозначающее видовые понятия. Итак, лексико-семантические группы слов в отличие от тематической группы характеризуются наличием между ними родо-видовых связей. Однако, как указывает Ф.П. Филин, лексико-семантические группы слов отличаются от тематических не только по наличию в них родовых и видовых соотношений: «Слово *сосна* и слово *абрикос* обозначают видовые понятия по отношению к слову дерево так же, как слово *карась* и *камбала* по отношению к слову рыба, но если бы в русском языке не было слова *абрикос* или слова *камбала*, то в обширных группах названий деревьев и рыб, в значениях этих названий ничего не изменилось бы, за исключением количественной убыли в этих тематических группах слов» [202, 234]. В то же время наличие в лексико-семантической группе слова, обозначающего родовое понятие, не обязательно.

Итак, признаками лексико-семантической группы слов являются тематическая соотнесенность, тесные семантические связи, яркими примерами которых являются синонимические, антонимические отношения, взаимодополняемость. В тематических группах слов этих связей или нет, или они случайны и неустойчивы. И хотя, как отмечает Д.Н. Шмелев, тематические группы слов «отмечены ... некоторой “свойственной языковой общностью”» [208, 19], у них отсутствуют отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнений и такой главный признак лексико-семантического объединения, как «реакция изменения значений всех членов группы под влиянием одного слова» [114, 36].

Наиболее конкретные, характерные признаки, свойственные ЛСГ слов, намечены Э.В. Кузнецовой. По ее мнению, лексико-семантические группы «объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется, как минимум, еще одна общая сема – категориально-лексическая (архисема, класс-сема)» [83, 74]. Следовательно, связь между словами в ЛСГ основана на идентичности двух главных элементов в лексическом значении – семы грамматического характера и гиперсемы.

По мнению А.А. Уфимцевой, основой выделения ЛСГ является слово как основная словарная единица в его многообразных связях с

другими словами. Признаками тематической группы является внеязыковая обусловленность отношений между ее элементами или их отсутствие.

Таким образом, основное различие между лексико-семантическими и тематическими группами состоит в языковой или внеязыковой обусловленности связей между членами групп, в «наличии внутренних семантических связей между словами в лексико-семантических группах и отражении внешних предметно-понятийных связей явлений объективного мира в тематических группах» [52, 35]. Тем не менее, связь между лексико-семантическими и тематическими группами ощущается очень тесно, ибо каждая лексико-семантическая группа организуется на основе, прежде всего общей «темы», то есть сходных или одинаковых элементов в лексическом значении слов, входящих в нее [52, 34]. Ф.П. Филин считает, что «нечелесообразно до крайности абсолютизировать различие между тематическими и лексико-семантическими группами, так как пропасти между ними нет и не может быть» [202, 149].

Проиллюстрируем теоретические положения фактическим материалом. Рассмотрим тематическую группу «сүү». Родовой компонент – *проточные объекты* – объединяет видовые наименования *дайра* (*дарыя*), *жылга*, *өзөн*, *сай*, *шарқыратма*, *эшме*, *мукур*, *жер сүү*, *булак*, *башат* и др., что отражено в следующей схеме. (рис. 2.1).

В зависимости от характеристики водного объекта выделяются следующие семантические компоненты, указывающие на:

1) скорость течения: *арқыроо*, *курдүм* (бурная), *жинди сүү* (бесноватая), *өркөттүү* сүү (бурная с вздывающимися волнами), *урма*, *шар* (быстрая) и др.;

2) направление течения: *бурул* (извилистая), *бүгүлмө* (с крутым изгибом), *эшме* (с крутыми поворотами) и др.;

3) размер водного объекта (длина, ширина, протяженность): *мукур* (короткая, теряющаяся в песках), *ичке сүү* (узкая полоса реки), *ири сүү* (крупная) и др.;

4) характеристику водного объекта: *балчык сүү* (болотная, грязная), *сай* (пересыхающая), *жер сүү* (грунтовая), *кашка сүү* (чистая, прозрачная), *көлчүк кара сүү* (заболоченная с оконцами), *ылай сүү* (мутная с глиной) и др.;

5) цветовую характеристику: *ак сүү*, *кара сүү*, *кызыл сүү*, *сары сүү* и др., хотя прилагательные в топонимии выступают не в прямом цветовом значении, а в переносном (о нецветовой семантике прилагательных в топонимии говорилось в предыдущей главе).

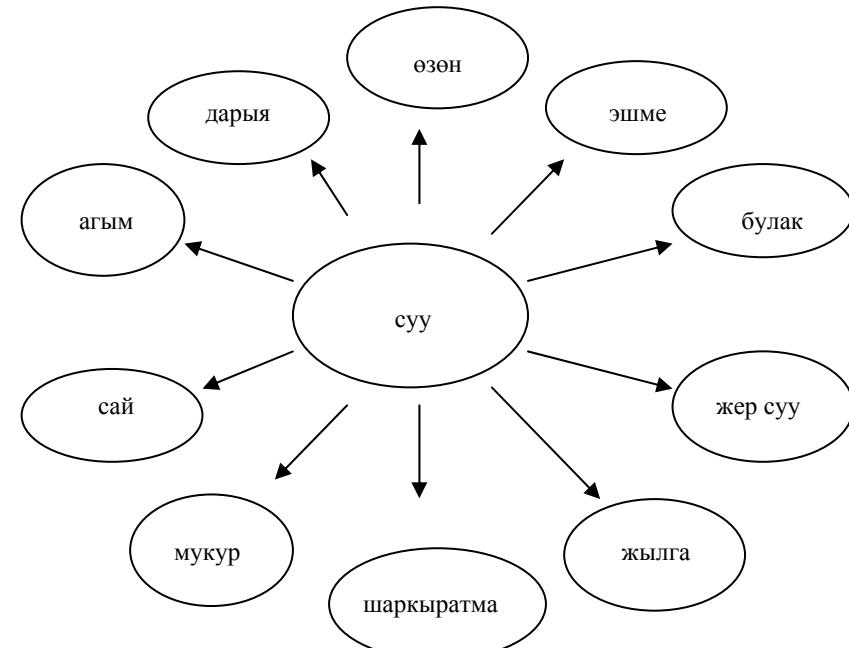

Рис. 2.1

Отличительным признаком этой тематической группы является то, что члены ее занимают определенное место и не могут быть заменены другими членами данного лексического единства. В этой группе объединены слова разных частей речи, связанные лишь наличием базового слова. Очевидно, что каждое из этих слов в языковом плане развивается самостоятельно и независимо друг от друга.

Характерной чертой лексико-семантической группы с гиперсемой «холмы, бугры; небольшие возвышенности рельефа», включающей в себя многочисленные синонимические образования, такие, как *адыр*, *адырмак*, *будур*, *будурмак*, *адыр-будур*, *кудүр*, *адыр-кудүр*, *чыбыр*, *адыр-чыбыр*, *бөк*, *дөбө*, *дөң*, *дөңтөк*, *дөңгөк*, *дөңгүл*, *дөңсөө*, *өбө*, является сходство семантики данных слов. В своем лексическом значении слова этой группы имеют одинаковую грамматическую сему (все слова являются существительными) и в равной мере могут функционировать в составе словосочетаний и предложений.

Анализ структуры лексических групп представляется важным этапом исследования данных групп. Изучение значений и структуры лексико-семантических групп дает возможность представить исследуемую часть лексики как определенным образом организованную систему. Изученная нами литература показывает разнообразные подходы к характеристике ономастического материала. Большое количество предложенных современных классификаций по топонимике объясняется совершенно разными аспектами топонимических исследований на разных уровнях с различными принципами выделения топонимов и различными целями, преследуемыми исследователем. Принципы построения той или иной классификации нередко оказываются спорными и противоречивыми. Создание на данном этапе единой всеобъемлющей классификации, «отвечающей разнообразным требованиям, представляется маловероятным или даже невозможным» [105, 87]. Но, как отмечает Е.В. Сабиева, «необязательно иметь одну многоплановую классификацию, можно иметь несколько, которые будут отражать все аспекты генезиса и функционирования топонима» [154, 36].

Первые попытки составления всевозможных классификаций ономастического материала относятся к XIX в. Предложенные классификации подробно были проанализированы в работе А.В. Суперанская «Общая теория имени собственного» (1973). Автор считает, что все рассмотренные ею классификации были недостаточно точными и полными, так как «не всегда возможно узнать историю возникновения топонима, его этимологию и даже язык, к которому он относится. Многочисленные переходы собственных имен из одного языка в другой и соответствующая адаптация названий в языках разных групп значительно видоизменили их первоначальный облик и приспособили к топонимической системе той территории, где топоним функционирует» [177, 159].

Учитывая лингвистические и экстралингвистические характеристики имен, А.В. Суперанская выделяет девять типов классификаций, из которых на первое место выдвигает предметно-номинативную, «поскольку соотнесенность с предметом, как правило, определяет “лицо” имени и его прочие характеристики» [177, 160].

Известный белорусский топонимист В.А. Жучкович в работе «Общая топонимика» (1980) рассматривает различные аспекты классификации ономастического материала (по принадлежности к языку, по морфологии, этимологии, а также по территориальному, истори-

ческому и семантическому признакам), где каждый аспект в свою очередь делится на подгруппы. По его мнению, классификация должна отображать реальные связи между группами, классами объектов, «без чего немыслима систематизация знаний и системный подход к исследованиям» [55, 97].

Такие ученые, как Р. Траутман, В. Ташицкий, Н.В. Подольская, Ф.Х. Хисаметдинова и др., предлагают ономастический материал распределять на два основных раздела: топонимы, образованные от appellativов, и топонимы, образованные от других собственных имен. Так, Н.В. Подольская утверждает, что «в топонимии имеют место два основных процесса: это топонимизация appellativa, когда источником имени географического служит имя нарицательное, и трансонимизации, когда источником нового имени существительного, и в частности географического, служит любое другое имя существительное» [135, 5].

Д. Исаев (1972), исследовавший топонимию Северного Кыргызстана, считает, что раскрытие системы лексико-семантических образований топонимов и их классификация должны быть рассмотрены в географическом, историческом и лингвистическом аспектах комплексно и взаимосвязанно. По его мнению, группирование топонимов должно быть связано с физико-географической средой территории, но с учетом исторической, социальной и других сторон происхождения топонимов.

По лексико-семантическому значению названия местностей делятся автором на следующие группы:

1. Топонимы, указывающие на природные особенности местностей, которые подразделяются на следующие подгруппы: а) названия, указывающие на рельеф местности; б) топонимы, характеризующие почву, особенности горной породы; в) географические названия, где подчеркиваются особенности погоды, климата, ориентации.
2. Гидронимические названия.
3. Топонимы, отражающие растительный мир. Они делятся на две подгруппы: а) названия, связанные с древесными и кустарниковыми растениями; б) названия, обозначающие травяные и другие растения.
4. Топонимы, отражающие животный мир.
5. Названия, характеризующие особенности объекта (отличительные признаки, величина, цвет, форма и др.).
6. Топонимы, отражающие социальные и экономические явления.

7. Отантропонимические топонимы.
8. Этнонимические топонимы.
9. Коммеморативные топонимы (посвящения).

Нашла своих последователей лексико-семантическая классификация О.Т. Молчановой, разделяющая лексико-семантические поля на два обширных класса: «Человек» и «Природа». Ею было выделено 70 семантических полей. Автор отмечает, что процесс номинации для топонимов, отражающих непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека, двусторонний, т.е., во-первых, практическая деятельность вызывает к жизни потребность назвать объект, выделив в нем тот признак, благодаря которому он и оказался вовлеченным в круг интересов человека; во-вторых, топонимия, как зеркало, отражает интересы общества, материальные и духовные, перенесенные на природу по ассоциации или другим причинам [98, 13]. Эта идея получила дальнейшее развитие в работах Р.З. Шакурова, А.Г. Шайхулова, Н.И. Жиленковой, К. Конкобаева, Е.А. Керимбаева, Г.Б. Мадиевой и др.

Так, Г.Б. Мадиева, изучая гидросистему Восточно-Казахстанской области, делит гидронимы на два обширных класса лексико-семантических полей: «гидроосновы, отражающие явления природы» – класс, несущий опосредованную характеристику связи явлений природы с практической деятельностью человека, и «гидроосновы, отражающие связь “человек–природа”» – класс, отражающий их непосредственную связь с жизнедеятельностью человека. В свою очередь каждый класс включает несколько подклассов, отдельные элементы которых являются составляющими обоих классов. В зависимости от свойств объекта, положенных в основу номинации водного источника, первый класс подразделяется на 12 подклассов, второй подкласс – на шесть тематических групп [90].

Е.А. Керимбаев, проводя лексико-семантический анализ оронимии Казахстана, приходит к выводу, что основными принципами номинации объектов являются следующие: 1) связанные с физико-географическими свойствами самих объектов; 2) связанные с духовной, социальной, хозяйственной, бытовой и другими сторонами жизни человеческого общества – номинатора [67, 17].

Р.З. Шакуров, исследовавший башкирскую топонимию бассейна реки Демы, считает, что при классификации топонимов по их семантике требуется учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы и выделяет две основные группы наименований

по их семантике: 1) названия, в которых определяющими признаками стали естественно-географические особенности реалий, и 2) названия, в которых определяющим признаком является результат практической деятельности человека [205, 6].

Подобная классификация, на наш взгляд, приемлема и для географических терминов. Придерживаясь в целом указанных выше классификаций при выделении тематических групп НГТ по смысловому значению, народные географические термины, бытующие в кыргызском языке, подразделены нами на два обширных класса: *природные географические термины* и *географические термины, связанные с деятельностью человека*. Выделены основные тематические блоки, внутри которых размещены лексико-семантические подгруппы (см. табл. 2.1):

I. Природные географические термины:

- ландшафтные;
- гидрографические;
- орографические;
- геоботанические.

II. Географические термины, связанные с деятельностью человека:

- типы поселений и жилищ;
- культовые и надгробные сооружения;
- хозяйственно-бытовые.

Тематические группы понимаются широко. Так, к *гидрографической терминологии* относятся не только термины, обозначающие названия водных объектов, но и указывающие на различные цветовые и вкусовые качества, характер течения, наличие разветвления, прилегающую местность и т.п. К примеру, термины, указывающие на различные характерные особенности рек: *мукур* (короткая река, теряющаяся в песках), *аркыроо* (бурно текущая река), *бурул* (извилистая река), *бугулмө* (крутый изгиб реки), *жинди суу* (бесноватая, выходящая из берегов река), *ичке суу* (узкая полоса реки), *кара суу* (река, питающаяся выходами грунтовых вод; родниковая речка), *сары суу* (степные реки, протекающие по глинистым территориям, с мутной водой; широкая река), *курдүм* (бурная и мутная вода во время половодья), *өркөчтүү суу* (бурное течение реки, с вздымающимися волнами) и др.

Гидротермины по характеру обозначаемых ими объектов объединяются в пять тематических групп:

1. Проточные объекты, которые в свою очередь делятся на подгруппы:

- термины со значением *река; приток*;
 - термины, указывающие на различные характерные особенности рек.
2. Фонтанирующие водные объекты.
 3. Стоячие водоемы (сюда относятся и болота).
 4. Искусственные водные объекты. Эта группа в большей степени относится к классу *географических терминов*, связанных с деятельностью человека, но так как термины называют водные объекты, то эти слова мы включили в состав тематического объединения слов *гидротермины*. (Подмечено, что термины, касающиеся поливного хозяйства в основном ираноязычные.)
 5. Прилегающая к водным объектам местность, берега, острова, отмели и др.

Таблица 2.1

Основные классы	Терминологические блоки	Лексико-семантические подгруппы с компонентом:	Число терминов и понятий
1	2	3	4
Природные географические термины	Ландшафтные	местность	20
		равнина	16
		пустыня	10
		степь, поле	8
		почва	12
Гидрографические	Гидрографические	река; приток	13
		указывающие на различные характерные особенности рек	27
		фонтанирующие водные объекты	9
		стоячие водоемы, в том числе болота (гелонимы)	24
		искусственные водные объекты	17
		прилегающая к водным объектам местность, берега, острова, отмели	23

Продолжение табл. 2.1

1	2	3	4
	Орографические	<i>Положительные:</i> гора, возвышенность, вершина предгорье гребень горы склон скала холмы, бугры; холмистая местность перевал седловина пастбище	18 6 3 27 12 21 8 4 14
		<i>Отрицательные:</i> ущелье, теснина яр, обрыв овраг, расщелина впадина; ложбина долина яма, углубление пещера низменность	10 8 10 34 4 3 2 3
	Геоботанические		11
	Географические термины, связанные с деятельностью человека	Типы поселений и жилищ Культовые и надгробные сооружения	17 11
	Хозяйственно-бытовые	сельскохозяйственные промышленные транспортные (типы дорог) иrrигационные	11 1 18 см. искусственные водные объекты

К составу лексики, обозначающей ландшафты и компоненты ландшафтов, мы отнесли термины, обозначающие объекты природной среды с отражением нейтрального рельефа, пространства (равнинные ландшафты, местности, луговые и степные геосистемы). Сюда же была включена ячейка «Почва», содержащая термины, характеризующие свойства грунта и почвенных покровов.

Блок *Орографические термины* содержит две группы: *положительные* (выпуклые формы рельефа, относительно повышенные участки земной поверхности различной высоты) и *отрицательные* (вогнутые формы рельефа, пониженные участки поверхности суши).

Климатические условия Кыргызстана способствовали формированию сезонных пастбищ, а также пастбищ, используемых в течение всего года. Несмотря на то что родовое понятие *жайллоо* (пастбищное угодье) относит слово к видам сельхозугодий (примеры, когда в структуру значения входят семы, имеющие отношения к иным тематическим объединениям), тем не менее, конкретизирующая часть определения, указывающая на форму рельефа, на возвышенность, позволила включить термин в группу географических наименований «Орографические термины».

В структуре блока *Геоботанические термины* нашли отражение термины, связанные с растительным миром.

Тематический класс *Географические термины, связанные с деятельностью человека* объединяет термины, отражающие непосредственную связь человека с природой. Народные географические термины этого класса связаны с различными сторонами хозяйственной, культурной и духовной жизни человека. К этому классу относятся следующие тематические группы: термины, обозначающие населенный пункт, поселения, жилища; культовые и надгробные сооружения и хозяйственно-бытовые термины. В большинстве случаев термины, вошедшие в эти тематические группы арабо-иранского происхождения.

Лексика блока *Типы поселений и жилищ* отражает все основные особенности заселенных мест: от населенных пунктов до становищ кочевников и привалов.

В блок *Хозяйственно-бытовые термины* вошли следующие разделы: 1) *сельскохозяйственные*, к которым относятся пахотные и сенокосные угодья, 2) *транспортные*, включающие обозначения сухопутных коммуникаций, равнинных и горных дорог, 3) *промышленные*.

Считаем, что такое расположение материала позволит представить семантическую характеристику НГТ в разумной логической последовательности. Подробная семантическая классификация народных географических терминов приводится в прил. 2.

Некоторые НГТ в силу их многозначности могут входить сразу в несколько тематических групп, например, *өзөн* не только река, но и горная долина, по которой она протекает. На изменчивость семантики термина свое внимание обращал еще Э.М. Мурзаев: «Семантика одного и того же термина может быть полярной в двух соседних районах и обозначать как положительную, так и отрицательную форму рельефа, болото и в то же время сухую возвышенность среди болот и т.д.». К группе полисемичных географических терминов можно отнести:

- айрык*
 - расщелина; ложбина между двумя возвышенностями;
 - место слияния двух горных рек;
- ача*
 - развилина, развилка; место впадения притока или разделения русла на протоки;
 - широкая ложбина, долина (южн. д.);
- байтак*
 - широкая степь;
 - узкая, еле заметная тропа;
- жыбыт*
 - небольшой овраг, ложбина, впадина;
 - русло, ложе ручья;
- жылга*
 - длинная впадина, ложбина, балка, овраг;
 - речка, ложе ручья;
- кол*
 - речная долина;
 - рукав, приток, русло реки, река;
- кысык*
 - теснина, горное ущелье, узкий проход;
 - пролив;
- мойнок*
 - крутой горный перевал;
 - перешеек, тесный участок реки;

<i>ооз</i>	вход в ущелье; выход горной реки на равнину;
<i>сай</i>	сухое русло небольшой реки, малая горная река; ложбина, ущелье;
<i>сандык</i>	межгорная котловина; глыбовые горы;
<i>тороо</i>	рукав реки, разливок, разветвление; отрог хребта;
<i>чам</i>	удлиненная каменистая возвышенность; часть горы; междуречье; разветвление реки.

Все эти термины находятся на периферии и пересечении двух тематических групп географической лексики: они одинаково могут включаться и в гидрографические, и в орографические группы терминов.

Не вошли в таблицу составившие своеобразную группу термины-метафоры, но подробно проанализированные в отдельном параграфе.

Для изучения лексико-семантической группы целесообразно применение компонентного анализа, разработанного в исследований В.Г. Гака, О.С. Ахмановой, Д.Н. Шмелева, Э.В. Кузнецовой и др. Сущность этого метода заключается в исследовании лексического значения слова, в разложении значения на минимальные составные части – семы. Компонентный состав значения слова включает в себя гиперсему, дифференциальные семы (ДС) и потенциальные семы (ПС). Гиперсема – это общая сема родового значения для лексико-семантической группы слов, которая конкретизируется дифференциальными семами, являющимися семами видового значения. Постараемся проиллюстрировать это на материале отдельных кыргызских географических терминов. Остановимся на тематической группе *стоячие водоемы* лексико-семантического поля *водные объекты* и более подробно рассмотрим концепт *саз* «болото». Термин *саз*, обозначающий «болото, мочажина, мокрые луга, заболоченные участки около озер и рек», а по определению Э.М. Мурзаева, «избыточно увлажненное топкое место, нередко заросшее растительным покровом,

местами с окнами стоячей воды, имеющее слой торфа» [106, 90], имеет широкий ареал и является общеизвестным понятием для всех современных тюркских языков (ср., в тат. яз. *саз* – болото, к.-калп. *саз* – глина (почва), хак. *сас* – болото, трясина, каз. *саз* – глина, топкое болотистое место, болотисто-луговая местность, уйг. *саз* – болото, трясина, болотистая местность, тув. *сас* – стоячее зловонное болото, алт. *сас* – болото, болотистый; трясина). Такое же широкое распространение имеет термин *саздақ* (*саздык*) с тем же значением, образованный при помощи непродуктивных словообразовательных аффиксов *-лак/-дак*.

Терминов, обозначающих болотистое место, в кыргызском языке небольшое количество. К ним можно отнести: *саз*, *саздақ*, *тартма саздақ*, *опкун*, *сормо*, *былкылдак* и др. Незначительная часть кыргызской тельмографической (болотоведческой) терминологии (ТТ) обусловлена географическими особенностями территории, где в основном встречаются болота низинного типа или солончаковые болота, тогда как болота верхового типа не имеют широкого распространения. В.М. Мокиенко, со ссылкой на П. Нитше, отмечает, что эти термины не всегда имеют значение «болото», а иногда обозначают более общее понятие – «низменное место» [97, 74]. Болота Кыргызстана отличаются от типичных равнинных и представляют собой неглубокие скопления воды, частично или полностью закрытые сверху растительностью (сазовые луга).

Также могут иметь значение «болото, болотистые места» термины, возникшие в результате семантического переноса, к примеру, растения *шабыр*, *копо*, относящиеся к болотным и произрастающие в болотистых местах. В северном диалекте термином *чөңгөк* принято называть большую кочку на болоте, общепринятое значение этого термина – «кочковатое болото, главным образом находящееся в горах» [101, 871].

Гиперсемой, т.е. семой, свойственной целым группам слов, объединяющей в лексико-семантическую группу слова *саздақ* (*саздык*), *тартма саздақ*, *баткак*, *опкун*, *сормо*, *былкылдак*, *копо* и др., является «саз». Слова этой группы имеют семантические связи между собой и одно общее название – *саз*, которое является родовым понятием и может заменять собой любое слово из этой группы, обозначающее видовые понятия. Кроме того, само слово *саз* является членом этой группы, т.е. представляет собой как наименование родового класса, так и отдельный член данного класса. Среди НГТ со значени-

ем «болото» можно выделить семантические группы, по которым они были образованы:

1) термины, образованные по признаку зыбкости, сырости, наличия слоя воды или жидкого ила: *былкылдак*, *балчык*, *чалчык*;

2) термины, образованные по признаку топкости, к которым относятся *опкун*, *сормо*, *тартма саздақ*, с общей семантикой «топь, трясина». Данные термины образованы от глагольных основ:

оп + -кун (*оп-* вдыхание, втягивание + -гын// -кын);

сorp + -мо (*сор-* всасывать + -ма);

тарт + -ма (*тарт-* тянуть, тащить + -ма);

3) термины, образованные по признаку наличия растительности: *шабыр*, *копо*;

4) термины, связанные с характером поверхности (кочковатая поверхность): *чөңгөк* и др.

Из данных словарных толкований можно выделить следующие компоненты термина *саз*:

1. Вид: болото, болотисто-луговая местность, заболоченные берега рек и озер.

2. Состояние почвы: зыбкое, топкое, илистое, грязевое, торфяно-глинистое, кочковатое.

3. Растительный покров: моховое, осоковое, камышовое.

В семной структуре термина *саз* выделяются следующие дифференциальные семы (ДС):

- 1) низинность;
- 2) сырость, влажность;
- 3) избыточное скопление воды;
- 4) стоячий характер воды;
- 5) заболоченность места;
- 6) зыбкость;
- 7) увлажненный грунт;
- 8) торфяно-глинистая почва;
- 9) наличие растительности (мох, осока, камыш).

Такие семы, как низинность, топкость, зыбкость, сырость, заболоченность, глинистая почва, наличие растительности, отмечаются почти в каждом термине.

Анализ тельмографических терминов показал, что все они образуют одно семантическое поле «болотистое место». Фактором, способствующим объединению разных семантических лексем в единое

поле, является наличие в семной структуре общей семы родового значения «саз».

Дифференцирующие семы могут быть *описательными и относительными*. Описательные семы отражают внешние особенности объекта (размеры, внешний вид, устройство и т.д.), относительные – отражают отношения данного предмета к другому (назначение, функция, местоположение и пр.) [36, 14–15]. В нашем примере описательной семой в значении слова *саз* будет «заболоченные участки, имеющие торфяно-глинистую почву и моховой и осоковый растительный покров», относительной – «избыточное скопление воды в низине, увлажняющий грунт, размывающий и заболачивающий берега рек и озер».

Семы, возникающие на основе ассоциаций и реализованные в переносных значениях, называются *потенциальными*. Возьмем, к примеру, термин *таш*, потенциальными семами которого являются: 1) «величина, громадина» – *төө таш* (валун); 2) «сила, мощь» – *таш билек* (могучая рука).

В коммуникации выражение состояния, восприятия, оценки, эмоции говорящего является *коннотацией*. «Коннотация – это аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодировано выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение» [207, 14]. Коннотативной семой, несущей эмоционально-оценочную информацию гиперсемы *таш*, является «качественная, оценочная характеристика», например: 1) выражение гордости, восхищения, восхваления – «*ташы тегеренин турат*» (у него идут дела), «*ташы өөдө кулап турат*» (его дела идут великолепно), «*бир ташы да кем эмес*» (он ничуть не хуже); 2) отрицательная характеристика – «*таш боор*» (жестокосердный).

Таким образом, общая схема лексико-семантической группы слов *саз*, *таш* представлена как определенная иерархическая структура, где существует гиперсема, дифференциальные семы, потенциальные семы, коннотативные семы, выражающие эмоции, оценки и т.п. Таким же способом можно разложить на семы и другие лексико-семантические группы слов.

2.2. К вопросу об истории изучения словообразования топонимов и НГТ в топонимии

Классификация лексического материала тесным образом связана с процессом словообразования, так как словообразовательный анализ основывается на подробном изучении языкового значения слова. В исследованиях целесообразно сочетание лексико-семантического и словообразовательного принципов анализа: первый выявляет богатство лексики, позволяет устанавливать закономерности в принципах номинации, а второй определяет словообразовательные ресурсы языка. По утверждению Д.Ф. Ермаковой, помимо основных признаков ЛСГ слов (наличие одинаковой грамматической семы, общей категориально-лексической семы (архисемы), набора дифференциальных (уточняющих архисему) компонентов лексического значения и др.), существует еще один общий признак – словообразовательный потенциал, и «именно в единстве словообразовательного потенциала проявляется тесная спаянность всех членов лексико-семантической группы, ее внутренняя организация» [52, 46].

В современной ономастике существуют различные подходы к изучению имен собственных в словообразовательном аспекте, а следовательно, и разные классификационные схемы. Классификацию славянских топонимов проводили В.Н. Топоров, А.В. Суперанская, Е.О. Отин, В.А. Никонов, Ю.А. Карпенко, И.А. Воробьева и другие ученые.

Так, А.В. Суперанская словообразование топонимов рассматривает в синхронном аспекте, сосредоточив свое внимание на современной морфологии. Все топонимы подразделяются ею на топонимы-существительные и топонимы-прилагательные. В свою очередь, среди топонимов-существительных выделяются следующие названия: генитивные, простые, сложные и словосочетания. В топонимах-прилагательных исключаются генитивные именования. Подробный анализ каждой подгруппы позволил автору вывести о том, что самым продуктивным способом образования географических названий в русской топонимии является суффиксация (1964).

Н.В. Подольская предлагает рассматривать топонимы в следующих группах: 1) аффиксация, 2) сложение, 3) несобственно сложение – соположение, 4) плюрализация, 5) субстантивация, 6) аббревиация, 7) эллипсизация [135, 6–7].

В.А. Никонов выделяет пять основных структурно-грамматических типов имен собственных среди русских топонимов: 1) основа имени существительного в «чистой» форме, без каких-либо внешних изменений и формальных элементов; 2) именная основа со служебными формантами; 3) двусловные названия; 4) словосочетание в его разных видах; 5) косвенный падеж с предлогом (1962).

К проблеме словообразования тюркских топонимов обращались многие ученые-туркологи. Лингвистический анализ тюркских имен проводился Г.И. Донидзе, В.А. Никоновым, А.А. Абдрахмановым, Т.Д. Джанузаковым, Г.Ф. Саттаровым, К.Ф. Гриценко, О.А. Султанъяевым, Д. Исаевым, К. Конкобаевым, С.М. Молла-Заде, С. Атаниязовым, А.А. Камаловым, О.Т. Молчановой, Ф.Г. Гариповой и многими другими исследователями, отмечавшими, что каждый вид географических объектов имеет свои специфические способы образования. Однако, по утверждению В.А. Никонова, в построении топонимов тюркских языков имеются некоторые общие черты (1978).

Г.И. Донидзе, анализируя тюркские топонимы, обозначает, что для тюркской топонимии характерны одно- и многословные топонимы. Однословные топонимы образуются как аффиксальным, так и безаффиксальным способами. Способы связи между компонентами многословных топонимов: примыкание, изафет, управление и согласование (1971).

С.М. Молла-Заде отмечает, что в образовании азербайджанских топонимов используются лексический, морфологический и синтаксический способы словообразования, хотя степень их активности в образовании географических имен отлична от аналогичной функции в литературном языке (1978).

На основе словообразовательного анализа тюркских топонимов Горного Алтая О.Т. Молчанова (1982) выделяет лексико-семантический и лексико-синтаксический (как для аффиксальных, так и безаффиксальных словоформ) способы словообразования географических имен.

Исследование гидронимов Восточного Казахстана позволило Г.Б. Мадиевой выделить основные способы образования казахских гидронимов. Гидронимы ВКО с точки зрения структурно-морфологического анализа образованы лексико-семантическим, синтаксическим и морфологическим способом. Однако, как отмечает автор, степень их регулярности в образовании гидронимических названий различна (1990).

При структурно-словообразовательной характеристике гидронимов башкирского происхождения, Р.Я. Халитов (2002) все водные объекты Оренбуржья делит на две группы: 1) непроизводные (корневые); 2) производные, которые в свою очередь делятся на простые производные (корень+аффикс) и сложные производные гидронимы.

Анализу конструкций топонимов и словообразовательным моделям кыргызских географических наименований отводится должное место в трудах К. Аширалиева, Б. Орузбаевой, Д. Исаева, К. Конкобаева и многих других. Так, Д. Исаев в своей исследовательской работе дает описание лексико-грамматической структуры топонимов Северного Кыргызстана, в которой топонимы подразделены им на две основные модели: простые топонимы и сложные топонимы. К простым топонимам он относит однословные названия, образованные: а) способом нулевой аффиксации, без специальных ономастических формантов, топонимизации апеллятивна и б) образованные с помощью аффиксов. Сложные топонимы состоят из двух и трех компонентов. Характерным являются двухкомпонентные топонимы, в которых, как правило, первый компонент выступает в роли определения, второй – в роли определяющего по модели «определение+определяемое».

К.К. Конкобаев при рассмотрении топонимов Южного Кыргызстана определяет простые (непроизводные простые, производные – аффиксальные), сложные (двухкомпонентные, аффиксальные), многокомпонентные сложные структуры кыргызских топонимов. Он отмечает, что наибольшую часть южнокыргызских топонимов составляют двухкомпонентные географические имена, и приходит к заключению, что двух- и трехкомпонентные топонимы функционируют в положении атрибутивной и предикативной синтагмы.

Сделав краткий обзор структурно-словообразовательных классификаций, имеющихся в исследованиях топонимических систем, отметим, что общим для всех исследований является разделение топонимов на простые, сложные и составные, что соответствует основным способам словообразования: аффиксации, словосложению, словосочетанию.

Ни одно исследование по топонимии не может обойтись без изучения терминологической лексики, так как она является важным источником топонимообразования. Исследования показали, что топонимия использует те же словообразовательные средства, что и в апеллятивной лексике. Так, В.А. Никонов обращает внимание на за-

кономерности развития имен собственных: «Имя – слово и, как все слова, подчиняется законам языка...» (1976). Т.Д. Джанузаков в своей работе «Основные проблемы ономастики казахского языка» указывает, что «при образовании собственных имен любого языка используются словообразовательные формы апеллятивной лексики» [42, 62]. Это отмечает и А. Камалов, который, исследуя башкирскую топонимию, приходит к выводу, что «во всех языках функционирует единая система в способах образования слов», и считает, что «топонимия использует почти те же словообразовательные средства, которые применяются в производстве новых слов в апеллятивной лексике» [63, 29]. Из всего многообразия словообразовательных средств на определенной территории используется лишь определенное число типов, наиболее приемлемых для данной местности [176, 89], что связано с историей, этническими и языковыми процессами, происходившими на этой территории.

Проблемам словообразования географических терминов разных языковых групп посвящены многие исследования, монографии и статьи. Над вопросами структуры и путей образования географических терминов работали В.А. Никонов, Н.А. Баскаков, О.Т. Молчанова, Г.Ф. Саттаров, Р.Я. Тюрина, З.С. Дерягина, В.М. Мокиенко, З.С. Камалетдинова, М.С. Багдасарян, Т.Н. Чернораева и многие другие.

Так, М.С. Багдасарян, анализируя способы словообразования терминов физической географии, приходит к выводу, что термины создаются на базе существующих в международной и русской терминологии корневых морфем, слов и словосочетаний «с использованием их звуковой материи, структуры и семантического содержания» (1992).

В.И. Новичихин (1993), исследовавший географическую терминологию костромских говоров, отмечает различную продуктивность отдельных способов словообразования. Так, самыми продуктивными способами образования на исследуемой территории местных географических терминов явились суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы образования, а также слова, образованные путем словосложения, сопровождаемым суффиксацией, однако им не было зафиксировано ни одного случая префиксального образования слов.

Проблема формирования и функционирования кыргызской терминологии является достаточно разработанной. К проблеме словообразования терминологической лексики в кыргызском языке обращались многие ученые-кыргызоведы.

Следуя основным способам словообразования в кыргызском языке, народную географическую терминологию мы рассматриваем лексико-семантическим, морфологическим и синтаксическим способами. В процессе нашей работы мы не будем подробно останавливаться на описании каждого из этих способов, о них имеется достаточная литература.

2.3. Кыргызские народные географические термины лексико-семантического способа образования

Словообразование является важнейшим источником пополнения состава географических терминов Кыргызстана. Географические термины образуются не стихийно, а соответственно правилам, сложившимся исторически по мере развития языка. Одним из древнейших способов образования географической терминологии является лексический, сущность которого заключается в образовании термина без изменения его структуры, путем создания омонима, метонимического или метафорического переноса. Как указывает Б.О. Орзубаева, «киргизская лексика, обогащаясь постоянно, сохранила свой основной состав древнего периода, что подтверждает устойчивость стержневого лексического фонда всего тюркского языкового рода. Обогащение происходило не только за счет появления новых слов – лексического обозначения новых понятий, предметов, дальнейшего словообразовательного (морфологического) процесса, но и в результате лексико-семантического развития, которое явилось отражением в языке все более расширявшегося кругозора носителей языка, когда сравнительное моделирование дало возможность развиться явлению многозначности, за которым последовала все более усложнявшаяся многоплановая языковая (лексическая) трансформация (появление омонимичных рядов, развитие переносных значений, различных синонимических рядов и др.) [125, 265–266].

Словообразование географических терминов рассматривается нами с лексической и грамматической стороны, т.к. «все словообразование в целом может и должно изучаться и со стороны плана содержания, и со стороны плана выражения, т.е. в равной мере и с семантической, и с грамматической точек зрения» [80, 6].

Связь топонимов с НГТ основана на метафоризации или метонимизации. Метафорическая онимизация связана с действительным или кажущимся сходством каких-то свойств именуемого объекта с другим [136, 44]. Кыргызская народная географическая терминология насчитывает большое количество терминов, основанных на переносе значения слова к какому-либо типу географического объекта. Так, широкое распространение в качестве географических терминов имеют названия частей тела человека, животных, одежды и жилища. «Географическая терминология связана в лексемном, а в широком плане и в смысловом отношении с другими терминологическими сферами, в первую очередь с названиями частей тела...» [188, 246]. Лексемы, присущие терминам частей тела, в основном употребляются в сфере орографических и гидрографических терминов. Э.М. Мурзаев, отмечая, что термины-метафоры анатомического происхождения занимают первое место по частоте употребления независимо от языка и территории, писал: «Термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых четко прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины, преобладающие преимущественно геоморфологической (орографической) и гидрографической семантикой» [104, 134]. В составе народной географической терминологии встречаются также термины, связанные с предметами домашней утвари и одежды, объясняемые тем, что предметы быта были неотъемлемой частью кочевой жизни кыргызского народа. Возникновение ассоциативных географических терминов во многом определено образным мышлением человека. «Благодаря ассоциациям существуют такие языковые закономерности, как полисемия, метафора, метонимия» [180, 93].

Термины-метафоры по тематическим группам можно классифицировать следующим образом:

- термины, обозначающие анатомическую лексику;
- термины, связанные со словами, обозначающими животных или их части;
- термины, связанные с наименованиями, обозначающими жилище человека;
- термины, указывающие на одежду.

Таблица 2.2

Термины, обозначающие анатомическую лексику

Термины	Буквальный перевод	Географическое значение	Участие в образовании топонимов
1	2	3	4
<i>алкым</i>	горло, глотка	предгорье; место схождения подошвы горы и долины, откуда вытекает горная речка	встречается редко
<i>арка (арт)</i>	спина, спинной хребет	горный хребет, высокогорный перевал	изредка служит географическим названием
<i>аяк</i>	нижняя часть, конец; нога	устье реки, ее нижнее течение	иногда встречается в топонимии
<i>баш</i>	голова	верховье; начало; исток реки	имеет широкое распространение
<i>бел</i>	поясница, талия	горный хребет, широкий горный перевал	часто входит в состав географических названий
<i>бет</i>	лицо, щека	поверхность чего-л.; склон горы	не имеет широкого распространения
<i>богоз (богуз)</i>	горло, глотка	горный проход, место схождения ложбин; узкий пролив	входит в состав некоторых топонимов
<i>боор</i>	печень	склон горы	продуктивен в топонимии
<i>бөйрөк</i>	почка	впадина на склоне горы	иногда встречается в географических наименованиях
<i>төбө</i>	макушка, темя	иногда то же, что <i>дөбө</i>	нередко встречается в топонимии
<i>жсон</i>	спинной хребет	гребень горы, кромка хребта	часто можно встретить в географических названиях
<i>жото</i>	хребет	гребень горы, горный хребет	примеры не обнаружены

Продолжение табл. 2.2

1	2	3	4
<i>журөкчө</i>	сердце	небольшой холм в горной местности	примеры немногочисленны
<i>кабак</i>	веко, надбровные дуги	рытвина, впадина; обрыв	нередко присутствует в топонимии
<i>кабырга</i>	ребро	склон горы, косогор	иногда потребляется в качестве собственного географического названия
<i>каптал</i>	бок, боковая часть груди	склон горы	изредка встречается в топонимии
<i>каш</i>	бровь	возвышенность; берег	не имеет широкого распространения
<i>кол</i>	рука	рукав, приток, русло реки, река; речная долина	изредка встречается в географических названиях
<i>колтук</i>	подмышка	угол, тупик; тупиковое окончание оврага	примеры не обнаружены
<i>көз (булактын көзү)</i>	глаз	место выхода воды в источнике	изредка встречается в топонимии
<i>кулак</i>	ухо	разветвление арыка	топонимы не найдены
<i>моюн</i>	шея	узкая полоса воды, перешеек	нередко встречается в топонимии
<i>мурун</i>	нос	мыс, вершина горы, пик	изредка встречается в топонимии
<i>ооз</i>	рот	вход в ущелье; выход горной реки на равнину	не имеет широкого распространения в географических наименованиях
<i>тамак</i>	горло	устье реки; вход в ущелье	непродуктивен в топонимии
<i>таман</i>	подошва	дно реки, озера; ущелье	входит в состав некоторых географических названий

Окончание табл. 2.2

1	2	3	4
<i>төши (дөши)</i>	грудь	часть горы выше подошвы, нижняя часть склона, пригорье	не имеет широкого распространения
<i>чеке</i>	лоб	край, сторона	примеры не найдены
<i>чоку</i>	макушка	вершина, макушка горы, пик	активен в образовании топонимов
<i>эрин</i>	губа	залив с устьем реки; береговой вал	непродуктивен в топонимии

Таблица 2.3

Термины, связанные со словами, обозначающими животных или их части

Термины	Буквальный перевод	Географическое значение	Участие в образовании топонимов
1	2	3	4
<i>азуулуу аска</i>	зд. азуу – «клык»	скала с остриями	примеры не найдены
<i>жсал</i>	грива	вал, гряды; гребень горы, заметная возвышенность, вытянутая в определенном направлении	иногда присутствует в топонимии
<i>кашика</i>	лысина; животные с отметиной на лбу	голые пики, лишенные растительности; безлесные долины; голые холмы	часто встречается в наименованиях
<i>кой таш</i>	досл. бараньи камни	разбросанные камни на возвышенности, издали напоминающие пасущееся стадо овец	примеры немногочисленны

Окончание табл. 2.3

1	2	3	4
<i>мойнок</i>	верблюжья шея	перешеек, тесный участок реки; крутой горный перевал	формирует многочисленные географические названия
<i>төө таш</i>	зд. төө – «верблюд», в значении большой, огромный	валун	примеры не найдены
<i>төө карын</i>		небольшая впадина на склоне горы	непродуктивен в топонимии
<i>тумицук</i>	клюв, нос	мыс, длинный отрог горы, продолговатый выступ предгорья	топонимы не обнаружены

Таблица 2.4

Термины, связанные с наименованиями, обозначающими жилище человека

Термины	Буквальный перевод	Географическое значение	Участие в образовании топонимов
1	2	3	4
<i>босого</i>	порог, дверной косяк	возвышенность	термин нередко встречается в географических названиях
<i>капка</i>	ворота	вход в ущелье; ущелье	топонимы немногочисленны
<i>капкак таш</i>	крышка, покрышка	нависшая скала	топонимы немногочисленны
<i>сандык</i>	сундук	межгорная котловина; урочища, расположенные в понижениях или на ровных поверхностях; глыбовые горы	термин обладает большой топонимической активностью

Окончание табл. 2.4

1	2	3	4
<i>тарак</i>	гребешок, расческа	горные гребни с изобилующими пиками	примеры не найдены
<i>укөк</i>	ящик, сундучок	плоская гора, высокое нагорье, плоская высоко-горная долина	термин входит в состав многих географических названий
<i>төр</i>	почетное место в юрте	высокогорное пастбище, верхняя часть горной долины	термин обладает большой топонимической активностью
<i>эшик</i>	дверь	узкое место ущелья, глубокое горное ущелье с рекой	примеры не обнаружены

Таблица 2.5

Термины, указывающие на одежду

Термины	Буквальный перевод	Географическое значение	Участие в образовании топонимов
<i>жака</i>	воротник	берег реки или водоема; предгорье	топонимы с этим термином немногочисленны
<i>кемер</i>	ременный пояс	подмытый водой берег, круча; обрыв; склон горы	примеры не обнаружены
<i>коюн</i>	пазуха	небольшая горная долина; небольшой залив	непродуктивен в топонимии
<i>этек</i>	подол, низ	равнинная местность, расположенная у подошвы горы	примеры не найдены

Для кыргызских НГТ свойственно и метонимическое изменение appellativa – перенос термина с одного объекта на другой по смысловой ассоциации без морфологических и синтаксических изменений. К примеру, в географических терминах *асаба* «флаг» – высокая гора, *бутак* «ветка» – приток реки, проток, *жинди суу* – бесноватая, выходящая из берегов река, *тамчы* – скучный родник, *төө таш* – валун и др. усматривается именно этот принцип.

К разновидностям лексико-семантического способа словообразования Н.М. Шанский и А.Н. Тихонов относят морфолого-синтаксический способ. Он заключается в образовании новых лексических единиц в результате перехода одного грамматического класса в другой [206, 65]. При этом способе (*транспозиция*) переход слова из одной части речи в другую происходит без всякого материального изменения. Из всех разновидностей транспозиции в НГТ представлена *субстантивация* – переход различных частей речи в класс существительных. Этот способ Е.С. Кубрякова (1981) не относит к подлинному словообразованию, хотя при субстантивации лексем и происходит изменение статуса лексемы.

В результате субстантивации народные географические термины, образованные от прилагательных, глаголов, причастий, приобретают признаки существительных – обозначают объект. Например: от имен прилагательных – *ала*, *бөксө*, *жазы*, *түз*, *такыр*, *кара* и др.; от глагола – *кечүү*, *өтмөк*, *тебинди*, *бурул*, *жөлөнүш* и др.; от причастий – *жалама*, *секиртме*, *жантайма*, *бүгүлмө*, *эйме* и т.д.

Наиболее распространенным является переход имени прилагательного в имя существительное. Сочетания таких слов, как *ак суу*, *кызыл суу*, *сары суу*, *кара жер*, *ала тоо* и др., являются терминологичными. О терминологичности этих сочетаний в топонимии высказывались Э.М. Мурзаев, А.Н. Кононов, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и др. Более подробно морфолого-синтаксический способ образования НГТ рассматривается в последующих параграфах второй главы.

2.4. Кыргызские народные географические термины морфологического способа образования

Одной из важнейших задач в изучении любого языка является выявление структурных моделей и словообразовательных средств. Каждый язык имеет свои словообразовательные средства, при помощи

которых пополняется словарный состав. В кыргызском языке, обладающем большим разнообразием словообразовательных средств, они складывались постепенно, на протяжении всей истории развития языка.

«Наглядной иллюстрацией взаимосвязанности и взаимообусловленности в развитии внутренних элементов языка является прослеживаемый лингвистической наукой на протяжении многих веков длительный процесс формирования современного основного словарного фонда и его ядра с широким семантическим кругом и богатой морфологией от первоначальных корней, в большинстве случаев ныне мертвых, но когда-то вполне живых самостоятельных слов, количественно ограниченных на древнейших этапах истории языка в силу их наипростейшей структуры... На современном этапе развития киргизского и других родственных ему языков базой для словообразования служат также реальные, живые лексические и грамматические единицы – корневые слова, исторически разложимые в большинстве случаев, и словообразовательные живые аффиксы» [214, 11, 14].

В классификации тюркской топонимии исследователями выделяются различные способы структурно-словообразовательного анализа географических наименований, выделяются различные способы образования тюркских топонимов, однако все едины во мнении, что для тюркской топонимии характерны одно- и многословные топонимы. Однословные топонимы образуются как аффиксальным, так и безаффиксальным способами. Способами связи между компонентами многословных топонимов являются примыкание, изафет, управление и согласование. Рассмотрим перечисленные способы словообразования на основе народных географических терминов.

В настоящей работе при описании способов образования НГТ мы опираемся на труды Б.М. Юнусалиева и Б.О. Орзубаевой по проблемам словообразования в кыргызском языке. Изучая кыргызские НГТ со структурной точки зрения, предлагается классифицировать термины как простые (производные и непроизводные), сложные и составные. Классификацию кыргызских НГТ по структуре иллюстрирует следующая схема (рис. 2.2).

Морфологический тип словообразования является активным способом образования в кыргызской географической терминологии, содержание которого составляет «совокупность аффиксальных средств современного киргизского языка, при помощи которых образовывались и образуются новые лексические единицы, отличные по значению от семантики корневой морфемы или производной основы

(но близкой с ней)» [120, 48]. Простые односоставные кыргызские народные географические термины состоят из имен существительных и прилагательных, где корневая морфема по своему составу может быть производной (аффиксальной) и непроизводной (безаффиксальной).

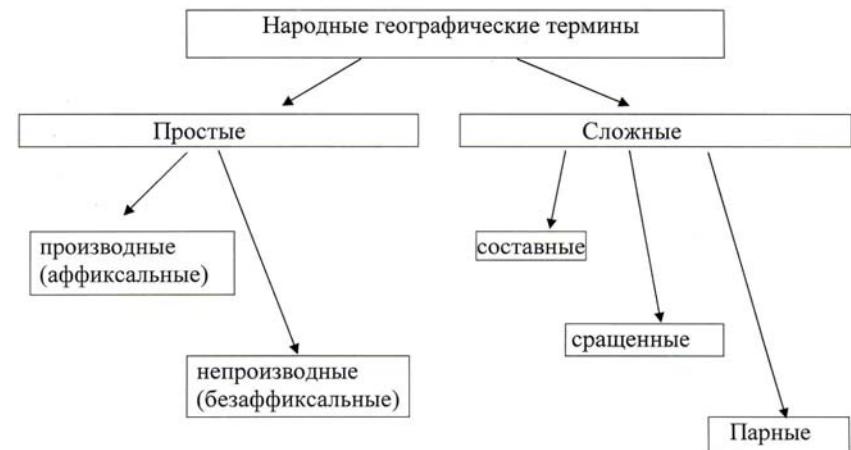

Рис. 2.2

2.4.1. Непроизводные (корневые) НГТ

Группу непроизводных (корневых) народных географических терминов составляют слова, не имеющие в своей морфемной структуре словообразовательных формантов. При определении корня мы склонны применить определение, данное Б.М. Юнусалиевым: «Корень есть исторически простейшее слово с конкретным значением. Или корень есть звук или звуковой комплекс, не подлежащий дальнейшему морфологическому расчленению и служащий для обозначения конкретного понятия о предмете (явлении) или действии (состоянии)» [214, 43]. Термин «корень» употребляется тюркологами в значении корневого слова, неразложимого на современном этапе развития языка. Б.М. Юнусалиев предлагает разграничивать понятие о корне и понятие о корневом слове, по его мнению, корневое слово – «есть то неразложимое в языковом восприятии на современном этапе

слово (или основа слова), которое служит семантически осмысливаемой продуктивной базой для дальнейшего словообразования» [214, 54]. Он считает, что в понятие «корневое слово» не входят корни, лишенные в настоящее время внутренней формы (лексического значения), но на ранних этапах развития языка служившие в качестве самостоятельного слова. Например, в языковом восприятии современного кыргыза *ба-*, *са-* и т.д. не являются словами, поэтому они не могут служить основой для дальнейшего словообразования [214, 52–54].

Непроизводные НГТ, распространенные на территории Кыргызстана, характерны для оронимии, гидронимии, микротопонимии. К терминам, где невозможно морфологическое членение, относятся: оронимы – *адыр*, *аска*, *боом*, *бөк*, *жал*, *жар*, *зоо*, *тоо*, *бел*, *дөң*, *дөбө*, *жай*, *айыш*, *аң*, *коо*, *куй*, *кыр*, *кыя*, *обо*, *оң*, *ор*, *өр*, *сырт*, *өрөөн*, *түз*, *чап*, *чат*, *чоку*, *чың*, *эгиз*; гидронимы – *көл*, *сүү*, *арык*; гелонимы – *саз*; дримонимы – *токай*, *бак*; инсуллонимы – *арал*; ойконимы – *айыл*, *абад*, *кала*; агронимы – *дың*; дромонимы – *жол* и многие другие, выраженные именем существительным; оронимы, выраженные именем прилагательным – *ала*, *боз*, *жазы*, *кара*, *таз*, *төк*, *түз* и др. Некоторые НГТ в силу их многозначности могут входить сразу в несколько групп, так как в большинстве случаев трудно с абсолютной точностью определить, к какому слову или значению слова относятся, например: *айры*, *сай*, *өзөн*, *жылга*. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Л.В. Щербы относительно полисемии: «Неправильно думать, что слова имеют по нескольку значений: в сущности, говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. В самом деле, мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений» [209, 107]. По происхождению преобладающее большинство их является древнетюркскими, имеют одинаковое значение в современных тюркских языках и семантически легко объяснимы. Наиболее многочисленную группу безаффиксных НГТ, выраженных именем существительным и прилагательным, составляют орографические апеллятивы, что объясняется физико-географическими особенностями страны.

Одно из важных мест в тюркологии занимает изучение корневой лексики тюркских языков. Интерес тюркологов к тюркскому корню А.Т. Кайдаров объясняет тем, что «именно в нем наилучшим образом находят концентрированное свое отражение истоки формирования тюркской языковой общности и к нему же восходят пути исторического развития современных тюркских языков. Корень сло-

ва, будучи простейшим, но основным и существенным элементом языка, так же древен, как древен сам язык, и без него невозможно представить генетическое родство, в частности, современных тюркских языков, гомогенность основного лексического фонда, на котором зиждятся грамматический строй каждого из языков и многовековой процесс словотворчества» [61, 9].

Однако до сих пор проблему тюркского корня нельзя считать полностью изученной, все еще достаточно много спорных, дискуссионных вопросов, не нашедших единого мнения, в том числе в вопросе о первичности структурного корня. Так, некоторые тюркологи (Г. Вамбери, В.В. Радлов, Е.Д. Поливанов, Н.А. Баскаков, Ф.М. Мальков и др.) считают, что для тюркского языка первичным являются корни типа СГС. Известный тюрколог Н.А.Баскаков, исследовавший на материале некоторых тюркских языков фономорфологическую структуру корневых лексем, пишет: «Фонетическая структура слова, прежде всего, характеризуется трехзвучностью его корневой морфемы. Каждый корень в тюркских языках состоит из закрытого слога, состоящего из начального согласного, среднего гласного и конечного согласного, т.е. по схеме СГС. Все остальные двузвучные или однозвучные корни в тюркских языках представляют собой редкие исключения и исторически восходят к трехзвучным корням с утраченным в результате фонетического развития начальным или конечным или тем и другим согласным. Что же касается корней, состоящих более чем из трех звуков, то последние относятся либо к словам, заимствованным из других языков, либо к словам, исторически восходящим к сложным словообразовательным формам, структура которых состоит из корневой морфемы СГС+мертвые или непродуктивные живые аффиксы словообразования» [11, 89].

Иного мнения придерживаются Э.В. Севорян, Г.И. Рамстед, А.А. Зайончковский, А.Н. Кононов, Б.М. Юнусалиев, И.В. Кормушин, Х.Г. Нигматов и другие, отрицающие первичность закрыто-сложных структур. Сторонники этой гипотезы утверждают, что конечная согласная в глагольных корнях типа СГС служит детерминативом – показателем залога или вида для глагольных основ. Так, А.Н. Кононов конечную согласную в структуре СГС определяет как залоговый показатель (при глагольных корнях) или как словообразовательный аффикс (при именных корнях) [78, 76].

Считая вопрос о первичности корневых морфем одной из самых малоизученных и трудных проблем в связи с вариативностью и фо-

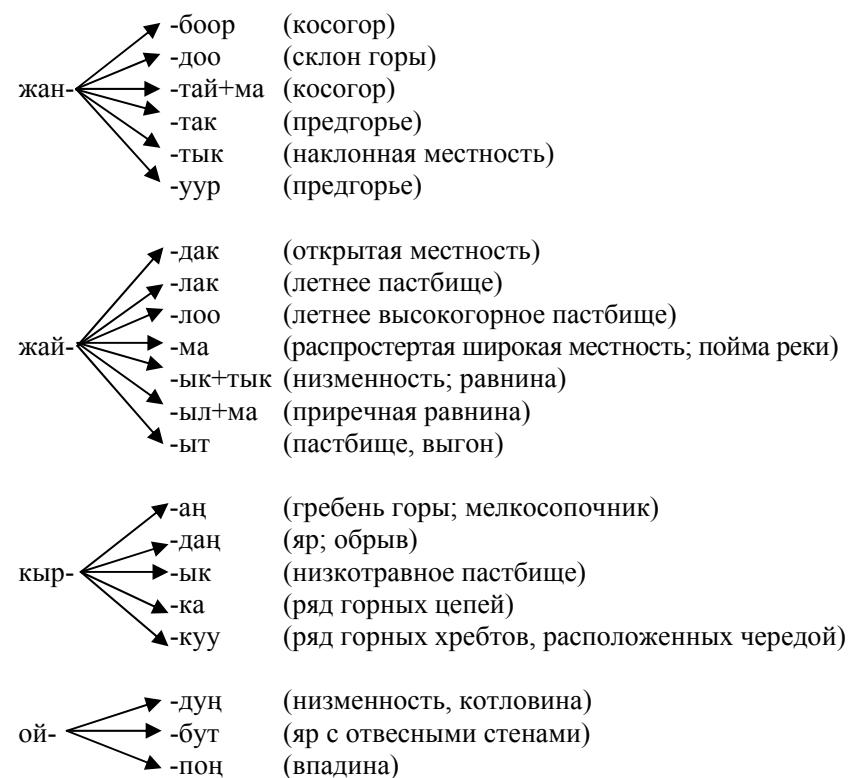
нетической изменчивостью корня, А.Т. Кайдаров, исследовавший структуру ОКО в казахском языке, пишет: «Мы не можем согласиться с категоричностью постановки вопроса об идеальном и исключительном положении ОКО типа СГС, к которому возводятся все прочие разновидности корней. Во-первых, потому, что изменения и сдвиги в структуре корней разноплановы и разнонаправлены: СГС теоретически и практически в языковом развитии могут превращаться в ГС или СГ, точно так же, как последние могут, наоборот, перейти в СГС. В каждом конкретном случае они могут иметь свои причины. Во-вторых, всякие изменения корневых морфем в сторону расширения или сужения их структуры представляют собой результат вполне закономерных фономорфологических факторов, действующих на всем протяжении исторического развития тюркских языков. В таком случае формирование корней согласно структурным типам Г, СГ, ГС, СГС, ГСС, СГСС и последующее их перераспределение относится к явлениям вторичного порядка, а потому и признание приоритета корней типа СГС не есть еще окончательное определение статуса изначального или пратюркского корня» [61, 14–15].

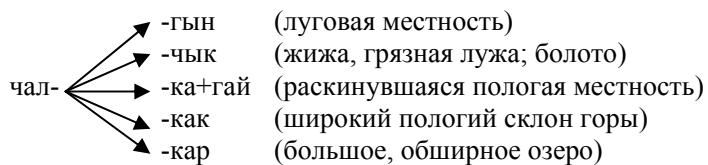
Этот вопрос до сих пор остается актуальным в тюркологии. Несмотря на споры, касающиеся вопросов первичности корневых морфем, количественное преобладание односложных корней типа СГС в тюркских языках признано большинством тюркологов: «Мы признаем доминирующее положение СГС среди других типов ОКО в ... тюркских языках на данном этапе их развития не только по количеству, но и по степени функциональной активности и древности» [61, 17]. На характерность для современного состояния кыргызского языка структурного типа СГС указывает Ч.К. Дыйканова, исследовавшая структурные особенности ОКО в кыргызском языке: «Первоначальная структура корня, по всей вероятности, могла быть как открытой, так и закрытой, но со становлением определенной корневой структуры, уже закончившимся к периоду орхено-енисейских памятников, типичным, самым многочисленным типом корня становится структура СГС» [51, 150].

В настоящей работе мы не ставили своей целью изучение данного вопроса, однако, учитывая, что нет специальных работ, посвященных анализу структурных типов ОКО топонимических терминов, мы обзорно попытаемся установить количественное соотношение структурных типов односложных корней и основ на материале кыргызских НГТ.

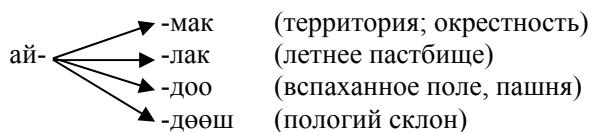
Проведя статистический анализ ОКО среди кыргызских географических (топонимических) терминов, нами было обнаружено преобладание структурного типа СГС. Из рассмотренных нами 272 односложных корневых слов и основ 61 восходят к структуре типа СГС, затем следуют типы СГСГС (52), ГСГС (31), СГСГ (19), ГССГС (14), ГССГ (11), СГГС (8), ГС (7), СГГ (5), ГСГ (5), СГСС (4) и т.д., а самыми малочисленными являются слова типа ГСС, СГСГ, ГСГГ, ГСГСГ – всего по одному примеру.

Хотелось бы отметить, что многосложные корневые термины по сравнению с ОКО многочисленны, но они менее продуктивны. В приведенных ниже примерах видно, что от однословных корневых основ образуются лексические единицы с самостоятельной семантикой:

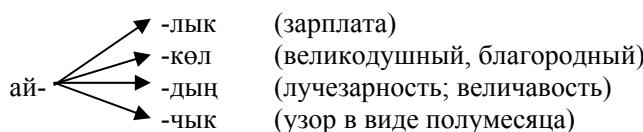

Однако по этим схемам не должно сложиться впечатление, что эти корни образуют только термины топонимического значения – их возможности намного шире. Возьмем, к примеру, корень *ай-* (имеющий конкретное значение *луна, месяц*, а также абстрагированное понятие *мир; вселенная*), послуживший основанием для образования народных географических терминов:

Корень *ай-* является не только благодатным материалом для образования НГТ, но и базой для образования лексем с иной семантикой:

2.4.2. Производные НГТ

Основным словообразовательным средством кыргызской народной географической терминологии является аффиксация. Современная система аффиксов тюркских языков – результат их длительного исторического развития, в течение которого из ее состава могла выпасть некоторая часть форм, восходящих непосредственно к значимым словам, или видоизмениться до неузнаваемости. Она пополнилась и за счет усвоения иноязычных элементов. Особенности образования того или иного конкретного аффикса вполне объяснимы общими звуковыми закономерностями, семантикой значимой основы и служебной морфемы и др. [120, 76–77]. Наиболее древняя и рас-

пространенная в современных тюркских языках форма – простые производные слова, где атрибутив выражается производным существительным или прилагательным.

По степени участия в образовании географических терминов аффиксы делятся на продуктивные, малопродуктивные, непродуктивные.

Статистический анализ исследуемого материала показал, что наиболее продуктивными аффиксами в образовании географических терминов в кыргызском языке являются следующие:

1) аффиксы наличия, преобладания, качества, свойства *-лы/-ды/-ты*, с различными фонетическими вариантами *-лык* (*-лик*, *-лук*, *-лук*), *-дык* (*-дик*, *-дук*, *-дук*), *-тык* (*-тик*, *-тук*, *-тук*), *-луу* (*-дуу*, *-туу*). Среди кыргызских НГТ нами были отмечены простые производные с аффиксом: *томпоктук* (бугор), *тегиздик* (равнина), *түздүк* (степь, равнина), *кечмелик* (брод), *шабырлуу* (местность, покрытая мелким камышом), *кумдук* (песчаник), *саздык* (болотистое место) и др.;

2) аффикс *-ма*, образующий существительные от глагольных основ: *жайма* (широкая пойма реки, низменность = от глаг. *расстлаться, распростереться*), *жайылма* (пойма, приречная равнина = возвр.-страд. *раскинуться, распростереться*), *сормо* (трясины = от глаг. *засасывать*), *жалама* (гладкая, ровная местность без шероховатостей = от глаг. *вылизывать*), *жантайма* (косогор = от глаг. *покоситься, скривиться набок*), *куйма* (приток реки = от глаг. *наливать, вливаться, впадать*), *бугулмө* (изгиб реки = возвр.-страд. *сгибаться*), *оюлма* (южн. горная дорога, тропа = страд. *выдалбливать*), *эйме* (река с крутыми изгибами = от глаг. *вить, свивать; разорвать*), *кулама* (скат, уклон = от глаг. *свалиться, рухнуть*), *жылбышма* (осыпь, каменистые россыпи на склонах и на плоских вершинах плато = от глаг. *сдвигаться, скользить, соскальзывать*), *сокмо* (узкая тропинка = от глаг. *плести; класть*), *жарма* (расщелина = от глаг. *колоть, раскалывать*), *шаркыратма* (водопад = от глаг. *бурлить, грохотать*) и др.;

3) аффикс *-оо/-уу*, образующий имена действия: *кечүү* (брод, мелкое место); имена, указывающие место назначения: *кыштоо* (зимнее пастбище, зимовка), *жайлоо* (летовка, летнее пастбище), *куздөө* (осеннее пастбище), *көктөө* (весенне пастбище), *жандоо* (склон горы) и др.

Малопродуктивные словообразовательные аффиксы несколько идентичны с непродуктивными. Непродуктивные аффиксы Б.О. Орузбаева называет аффиксами с ограниченной ответственностью, так как

«в большинстве случаев такие аффиксы функционально-генетически не соотносительны с другими структурно-идентичными формами, они одновариантны» [120, 171]. Отличительные признаки малопродуктивных и непродуктивных аффиксов почти совпадают: образуемое ими малое количество слов; неспособность в настоящее время образовывать новые слова; в некоторых словах основа сохраняет лексическое значение.

В тюркской литературе нет единого мнения по этому вопросу, поэтому в настоящей работе мы решили объединить их в одну группу:

1) аффикс *-ча*, с уменьшительным значением: *булунча* (заводь), *дөбөчө* (холмик), *жыбытча* (небольшой овраг; ложе ручья), *жылгача* (небольшая ложбина; ложе ручья), *каналча* (маленький канал), *обочо* (небольшая возвышенность, холм), *тектириче* (небольшое горное плато), *шаарча* (городок), *жонокчо* (гребень невысокой горы), *бакча* (небольшой сад), *белесче* (небольшой отрог) и др. Несмотря на широкое употребление аффикса *-ча*, он не является продуктивным, так как им не образуются новообразования с новым лексическим значением;

2) аффикс *-ык*, образующий имена от глагольных основ: *жарык* (трещина, теснина), *кысык* (теснина, узкий проход; пролив), *кырык* (южн. низкотравное пастбище), *жалак* (углубления, образуемые вследствие вылизывания животными солонцеватой почвы), а также указывающий на качество, свойство, к примеру, *жазык* (равнина) и др.;

3) аффикс *-чык*, образует слова с уменьшительным оттенком в значениях: *көлчук* (озерко; лужа), *борчук* (небольшая острая скала на вершине горы), *урчук* (узкий отрог горы) и др.;

4) отглагольно-именной аффикс *-гак/-как* (*-ак/-ык*), образующий имена со значением свойства, качества: *баткак* (топкое место, жидкая грязь), *баскак* (небольшая седловина на горном перевале), *дөңгөк* (небольшая возвышенность, холмик), *чалкак* (широко раскинувшийся пологий склон горы) и др.

5) аффикс *-лак/-дак*, со значением обилия, наличия, качества, свойства: *кумдак* (песчаник), *таштак* (каменистая местность), *саздак* (болотистое место), *шордок* (солонцеватая почва) и др.;

6) аффикс *-ан/-ың*, образует имена, указывающие на качество, свойство: *түзөң* (равнина, поляна), *кезең* (горная впадина, седловина, перевал), *борпон* (рыхлая, мягкая почва) и др.;

7) именной аффикс *-дың*: *ойдуң* (низменность, впадина, котловина), *айдың* (горное озеро с прозрачной водой; пустынная безлюдная местность; место, освещенное луной) и др.;

8) аффикс *-мак*, со значением наличия: *бұдурмак* (бугор, холм, мелкая возвышенность), *адырмак* (холмистая местность, увалы), *әттөк* (брод, проход), *сокмок* (тропинка) и др.;

9) на исследуемой территории встречаются единичные термины, образованные при помощи отглагольно-именного аффикса *-ыш*, например, *жәлөнүш* (небольшой склон, небольшое возвышение), *конуши* (становище, место расположения айыла), *айрылыш* (развилка дороги; разветвление реки), *куюлүш* (слияние рек; нагромождение щебня на склоне гор). И хотя эти аффиксы в кыргызском языке являются продуктивными, небольшое число образованных ими НГТ говорит об их непродуктивности в образовании топонимической терминологии.

Стоит обратить внимание на редкоупотребительные аффиксы, которые относятся к группе непродуктивных аффиксов. Так, вызывает интерес термин *әткөөл* – горный проход; брод, переправа (от *әт*- (переходить) + аффикс *-көөл*). Б.О. Орузбаева относит *-көөл* к мертвым аффиксам, объясняя тем, что «специфика мертвых форм такова, что они органически спаяны со своими корневыми основами и составляют с ними как бы одно целое» [120, 162]. Корневая морфема этого термина сохранила свою лексическую самостоятельность, а данный аффикс не соотносится с другими корневыми основами.

К редкоупотребительным аффиксам относятся также именной аффикс *-ал/-ыл*: *арал* (остров); именной аффикс *-ат/-ыт*: *колот* (лог, узкая горная долина), *бүйгат* (ложбина на склоне горы), *жайыт* (пастбище, выгон), *кашат* (высокий берег); именной аффикс *-сө/сөө*: *бөкөсө* (предгорье; весеннее пастбище), *дөңсөө* (небольшая возвышенность), *каксоо* (каменистое, покрытое галькой или песчаное сухое место); именной уменьшительного значения аффикс *-га/-ка*: *жылга* (ложе ручья; длинная впадина, овраг), *бүйгә* (укрытие, укромное место), *жырака* (щель), *кырка* (ряд горных цепей), *зоока* (утес, скала), *жәлөңкө* (пологий склон между равниной и крутым подъемом), *ката* (ущелье); аффикс *-ган*, присутствующий в составе отглагольных имен причастного происхождения, например, *куйган* (устье реки; место впадения реки в озеро) и др.

Не все аффиксы можно считать мертвыми, некоторые аффиксы, оставаясь продуктивными, могут обнаруживаться в составе окостеневших, архаичных производных основ. Другие же, не являясь мертвыми, могут оставаться непродуктивными. «Подлинно мертвыми аффиксами могут считаться такие, которые в целом перестают служить живым словообразовательным или грамматическим средством, обнаруживаясь лишь в составе некоторых застывших образований

какrudименты некогда живых форм» [120, 166]. Например, к ним относятся ныне неразложимые основы *айрык* (горная ложбина; место слияния горных рек), *айыр* (развилок), в которых утратили лексическое значение не только корень *ай-*, но и аффикс *-ыр/-ры*.

Из приведенных примеров видно, что многие географические термины являются производными существительными, образованными от непроизводных путем прибавления к корню словообразательных аффиксов. Термины образуются путем присоединения к основе одного (напр.: *көл+мө*) или нескольких (*кеч+ме+лик*) аффиксов, однако следует отметить, что чаще всего в словообразовании терминов участвует лишь один аффикс.

Лексико-семантическая классификация позволила отметить, что большинство народных географических терминов являются диалектными. Такие термины, как *жасалак* (солонцеватая почва; большие углубления, образуемые вследствие вылизывания животными солонцеватой почвы), *сокмо* (*сокмок*) (узкая тропинка), *как* (углубление, оставшееся от высохшего болотца; яма, где задерживается дождевая вода), *мукур* (короткая, пересыхающая летом речка, теряющаяся в песках), *тебин* (*тебинди*) (пастбище; место, где трава вытоптана скотом) и др., определяют узкоспецифические черты объекта. На появление диалектных узколокальных терминов в кыргызской топонимической терминологии влияет территориальность, конкретная географическая среда, особенности природных условий или иноязычность их происхождения. К примеру, термины *авиз* (небольшой искусственный водоем для хозяйственных нужд), *агача* (река, распадающаяся на две части; длинная впадина ложбина), *айлак* (летнее пастбище), *анаар* (большой арык), *биабан* (пустынная степь, пустыня), *гадыма* (дорога, тропа, идущая по склону горы), *жсангел* (лес, лесная чаща; заросли кустарника) и др. имеют распространение только на юге Кыргызстана. Один и тот же термин может иметь диалектные варианты, которые отличаются друг от друга грамматическим оформлением: *төш-дөш*, *гөр-көр*, *далаа-талаа* и др.

2.5. Кыргызские народные географические термины синтаксического способа образования

Одним из продуктивных способов образования географических терминов на территории Кыргызстана является синтаксический способ, объясняющийся тем, что кыргызские географические терми-

ны во многих случаях имеют описательный характер, где посредством атрибутива (определения) выдается информация о географическом объекте.

Еще с древнейших времен словосложение – это наиболее часто употребляемый способ словаобразования в кыргызском языке. Сложные словообразования состоят из двух компонентов – определения и определяемого. Ведущим компонентом в сложных терминообразованиях является определяемое, всегда выраженное именем существительным. Атрибутив выражается именем существительным, прилагательным, числительным или глагольными формами. Определение выделяет объект (географический объект) из ряда подобных объектов по какому-либо признаку, а определяемое относит его к определенному классу. Атрибутив находится в грамматической зависимости от определяемого, что выражается изафетом или примыканием.

Среди кыргызских народных географических терминов встречаются термины, представляющие собой словосочетания, состоящие из двух компонентов, изредка трехкомпонентные. Наиболее употребима модель «существительное + существительное». Выделяется несколько видов этой модели.

1. Этот вид представляет собой I тип изафета, где для компонентов характерно отсутствие морфологических показателей связи, например, *жар таш* – скалистый, каменистый обрыв (букв. «обрыв камень»), *жер суу* – грунтовая вода (букв. «земля вода»), *булуң токой* – отдельный участок леса, зарослей (букв. «залив лес»), *таш башат* – источник в каменистых местах (букв. «камень источник») и др. Параллельно может употребляться и конструкция II типа изафета: *булуң токой* – *булуң токою*, *жер суу* – *жер суусу*, *кабак жер* – *кабак жери* и др.

2. Для данного вида присуще наличие при определяемом притяжательного (релятивного) аффикса 3-го лица в форме *-ы/-и* после согласных, *-сы/-си* после гласных, свойственного II типу изафета, например: *дарыя арасы* (*дарыя ара-сы*) – междуречье, *сүү аралыгы* (*сүү аралык-ы*) – водораздел, *тоо кыркасы* (*тоо кырка-сы*) – горный хребет, *өзөн башы* (*өзөн баш-ы*) – верховье реки, исток и др. Как показывают топонимические данные, в современных тюркских языках наиболее распространен II тип тюркского изафета.

3. Третий вид – III тип изафета, для которого характерно наличие аффикса принадлежности 3-го л. при определяемом и аффикс род. п. при определении. Среди кыргызских НГТ их обнаружено все-

го несколько: *булактын көзү* (*булак-тын көз-ү*) – место выхода воды в источнике, *таштын үңкүру* (*таш-тын үңкүр-ү*) – пещера в скалах, *асканын түңгүюгү* (*аска-нын түңгүюг-ү*) – место под высокой отвесной скалой.

Некоторые термины, образованные путем словосложения лексико-синтаксическим способом, воспринимаются как неразложимый термин. По своей структуре сращенные термины представляют собой I тип изафета, когда последний компонент этой модели не имеет притяжательного аффикса. К примеру, путем словосложения С+С: *сайтаси* – (*сай* «русло реки; ложбина» + *таш* «камень») = галечник; *жсанбоор* (*жсан* «бок, сторона» + *боор* «склон горы») = косогор; *айкөл* – (*ай* «мир, вселенная; месяц; луна» + *көл* «озеро») = огромное, широкое озеро; *айдалаа* (*айталаа*) – (*ай* + *дала*, *талаа* «степь, поле») = необитаемое пустынное место, бескрайняя степь и др. Следует указать, что один и тот же термин может иметь диалектные варианты, отличающиеся друг от друга фонетическим и морфологическим оформлением, как в приведенном выше примере. Вызывает интерес ираноязычный термин *чарбак* со значением усадьбы или фруктового сада, однако вполне допустимо предположение, что данный термин является исконно кыргызским, образованным от сложения существительных *чар* (разнолесье по берегам рек) + *бак* (дерево; сад), употребление которого в данном значении может иметь место.

Обращают на себя внимание географические термины, образованные на основе редупликации и сочетания смежных по значению слов, создающие обобщенное понятие:

адыр-будур
адыр-күдүр
адыр-чыбыр
будур-будур

ан-дөң
бел-баскак
колот-койнот
конул-копшут
өбө-дөбө

холмистая, бугристая местность

неровная местность с ямами и буграми

небольшая седловина на горном перевале

горные долины и лога

разного рода углубления и впадины

бугры-холмы

өмбүл-дөмбүл
өңгөк-дөңгөк
үңкүл-чүңкүл
үңкүр-чүңкүр

бугорки и кочки

кочковатая, неровная местность

местность с ямами и рывинами

Придерживаясь лексико-семантической классификации парных слов, предложенной Б.О. Орзуевой, А. Кайдаровым, Д.Ш. Шукуровым и другими исследователями тюркских языков, кыргызские парные географические термины по структурно-семантическим особенностям подразделены нами на следующие группы:

- 1) полнозначные парные слова, оба компонента которых обладают самостоятельным лексическим значением: *адыр-будур*, *адыр-күдүр*, *адыр-чыбыр*, *ан-дөң*, *колот-койнот*, *конул-копшут*. Синтаксически независимые друг от друга равнозначные компоненты этой группы, обладают собственным лексическим значением и употребляются самостоятельно;
- 2) парные с утраченным лексическим значением одного из компонентов: *бел-баскак*, *өбө-дөбө*, *өмбүл-дөмбүл*, *өңгөк-дөңгөк* (фонетич. варианты *өңгүл-дөңгүл*, *өңгү-дөңгү*), *үңкүл-чүңкүл* (фонетич. варианты *үңкүр-чүңкүр*). Утратив самостоятельную семантику, эти компоненты употребляются лишь в парных сочетаниях;
- 3) парно-повторные слова: *бүдүр-бүдүр*. Из рассмотренных нами многокомпонентных народных географических терминов нами был обнаружен всего один пример парного термина, образованного путем повтора существительного *бүдүр* «холмистая местность». Повторы, как отмечает Б.О. Орзуева, «как и другие разновидности парных слов, двусоставны, в предложении выполняют роль одного его члена, хотя лексическому значению сопутствует и усиительный оттенок» [120, 258].

НГТ, обозначающие различные признаки географических объектов и образованные по модели «прилагательное+существительное», имеют несколько разновидностей:

- а) где прилагательное обозначает цвет: *ак жер*, *ак суу*, *кара булак*, *кызыл суу*, *сары булак*, *сары жол* и др.;
- б) где прилагательное отражает физическую характеристику (характер течения, качество воды и почвы) географического объекта: *кайнар булак*, *жинди суу*, *кургак жер*, *какыыган чөл* и др.;

в) где прилагательное обозначает размер, форму и другие особенности географического объекта: *ири суу, бөксө тоо, ичке жол, жалпак тоо* и др.

В кыргызской географической терминологии незначительно количество НГТ, где определительным компонентом является глагольная форма. В сложных терминах глагольной конструкции происходит смысловое подчинение глагола имени существительному, где большую роль в связи компонентов играют аффиксы причастий: *кайнар булак* (*кайнар* – кипучий, бурлящий) + *булак* (родник, источник) = горячий источник; *кысык жер* (*кысык* – сжатый, сдавленный) + *жер* (место, местность) = теснина, узкий проход; *кынтык жер* (*кынтык* – наклонный) + *жер* (земля, местность) = место с уклоном; небольшой косогор; *шарпылдак көл* (*шарпылдак* – сильно ударяющиеся о берег волны; сильно шуршащая трава) + *көл* (озеро) = бурное озеро.

Географическая терминология с глагольной конструкцией в основном представлена НГТ, сочетающими причастную форму глагола на *-ма* с именем существительным в имен. п., *жалама зоо* (гл. *жала* – лизать), в значении гладкий, ровный, без шероховатостей + *зоо* (скала) = высокая гладкая скала); *кайырма алыши* (гл. *кайыр* – отворачивать, поворачивать), в значении отводной + *алыши* (канал) = отводной оросительный канал); *секиртме аиуу* (гл. *секир* – вскакивать, прыгать) + *т-* (понуд. от *секир*-), в значении с уступами, с обрывами + *аиуу* (горный перевал) = горный перевал с труднопроходимыми уступами, обрывами); *тартма саздак* (гл. *тарт* – тянуть, тащить) + *саздак* (болото) = трясина), *жантайма түздүк* (гл. *жантай* – покоситься, покривиться) + *түздүк* (равнина) = подгорная равнина; *эшме сай* (гл. *эш* – разорвать; размельчить; свить) + *сай* (сухое русло реки) = русло реки с крутыми изгибами.

Реже встречается модель, представляющая сочетание причастия на *-луу* с именем существительным в И.п., *кайылуу бел* (гл. *кайы* – вогнутый), в значении с впадиной, с седловиной + *бел* (горный перевал) = горный перевал с седловиной); *жөлөңкөлүү керүү* (гл. *жөлөн* – возв. от *жөлө* – подпирать что-л., прислонять к чему-л.) + *-кө* (отглагольно-именной афф.) + *-луу* (афф. преобладания) + *керүү* (склон) = отрог с пологим склоном).

Изредка встречается сложная конструкция, состоящая из причастия прошедшего времени на *-ган/-кан* и географического термина, например: *какыыган чөл* (гл. *какыы* – сохнуть, высыхать, пересыхать) + *чөл* (степь) = сухая (иссохшая) степь; *эшилген кум* (*эшил* –

страд. от *эш* – разорвать; размельчить; свить) + *кум* (песок) = сыпучий песок; большие пески.

Отдельного рассмотрения требуют НГТ, образованные путем транспозиции. В результате субстантивации географические термины, образованные от прилагательных, наречий, глаголов, выступают в функции имени существительного. Наиболее распространенным является переход имени прилагательного в имя существительное. Так, прилагательное *кең* «широкий, просторный; обширный», субстантивируясь, без каких-либо морфологических изменений приобретает признаки существительного – обозначает объект: *кең түз* «равнина», где *түз* также является субстантивированным существительным. Другой пример, географический термин *кууши сай*, образованный посредством соединения имени прилагательного *кууши* «тесный, узкий» с именем существительным *сай* «сухое русло реки; ложбина», обозначает именное понятие «теснина».

Выше упоминалось уже о нецветовой семантике прилагательных в сложных терминообразованиях, поэтому их также можно отнести к субстантивированным образованиям.

Отглагольное существительное *чалкак*, образованное морфологическим способом путем присоединения к основе глагола *чалкай-* (*чалкы-*) «раскинуться, распространяться (широко, величественно)» малопродуктивного аффикса *-к//ак//ык*, обозначает опредмеченное качество – «раскинувшийся пологий склон горы». В многокомпонентных образованиях может являться ведущим компонентом – определяемым, может быть и атрибутивом: *чалкак тоо* – величественная гора; *өндүрлүү чалкак* – узкая долина между двух гор, перерезанная вдоль речкой.

Термин *айры* широко представлен в тюркских языках в различных фонетических вариантах: тат. *айырча, айыры* – «приток реки, рукав реки; речка», алт. *айры* – «рукав реки, проток, ответвление, отрог, раздел двух рек; место, где одна речка отделяется от другой», тув. *адыр* – «приток реки, раздел двух рек», хак. *азыр* – «развилка, разветвление; рукав реки; водораздел», узб. *айри*, башк. *айырса* – «развилка, развилка». Э.В. Севортян, исследуя существительное *айыр* [*ай-* (ы) *р*], указал, что это «глагольное имя в форме *-ар*» [160, 45]. В кыргызской географической терминологии глагольно-именное сочетание *айры кезең* (*айры, айыр* «раздваивать; разрывать; раздвоенный, развилка»; *кезең* «впадина, седловина») выполняет функцию имени существительного – расщелина (горная).

Вследствие адъективации образованы географические термины, указывающие на размер и форму, физическую характеристику объекта. Например, имя существительное *төө* (верблюд) выступает в значении огромный, большой: *төө таш* (*таш* «камень») – валун или *чыбыр таш* (*чыбыр* «холмик; местность с мелкими холмами») – мелкий камень, галька; *занғел тоо* (*занғел* «скала», *тоо* «гора») – скалистая гора; *түпсүз түңгүюк* (*түп* «дно» + *-сүз* (афф., образующий имя прилагательное с указанием на отсутствие предмета, качества) *түңгүюк* «пропасть») – бездонная пропасть и др.

Следует отметить значительную роль географических терминов в образовании топонимов Кыргызстана. Наиболее типичная модель построения наименований топонимов Кыргызстана – двухосновная с присутствием географического термина. «Тюркские топонимы очень часто (или даже в большинстве) двухосновны – образованы сложением двух основ. При этом первый компонент преимущественно (но не всегда) служит определением, а второй содержит нарицательный географический термин, многократно повторяющийся в географических названиях» [113, 91]. Находясь в постпозиции двухосновной модели, термины определяют смысловое содержание топонимов. В атрибутивной функции, как уже отмечалось выше, выступают существительные, прилагательные, числительные, глаголы, например, рч. *Көл-Кудук*, оз. *Ысык-Көл*, р. *Кара-Баткак*, г. *Кара-Кум*, ур. *Беш-Талаа*, с. *Керме-Тоо* и т.д. Нередко встречаются трехкомпонентные географические наименования: пер. *Катта-Кашка-Суу*, р. *Кош-Кара-Таш*, хр. *Көк-Ирим-Тоо*, рч. *Кургак-Кызыл-Суу* и др.

Трехкомпонентных моделей кыргызских народных географических терминов небольшое количество. Они подробно описывают географическую реалию и обычно представляют сочетание слов по формуле С+С+Т или П+С+Т, к примеру, *көлчүк кара суу* (родниковая речка с оконцами; стоячая вода), *көк кашка булак* (родник с чистой прозрачной водой), *көк ала майдан* (зеленая лужайка, зеленый луг), *арка берии жер* (смежная земля, смежный участок земли) и др. Однако следует указать, что, по утверждению В.А. Никонова, топонимы, состоящие из трех форматов, вопреки их написанию, двухосновны: «один из видимых компонентов относится не к каждому из двух остальных, а к ним обоим, как к единому целому. Это не три основы одного уровня, а две, из которых одна в свою очередь двухосновна» [113, 91]. Этого же мнения придерживаются и исследователи кыргызской топонимии (Д. Исаев, К. Конкобаев и др.). Сказанное в полной

мере можно отнести и к географическим терминам, где последние два компонента характеризуют географический термин и соединяются между собой посредством атрибутивного сложения или примыкания. К примеру, *бийик тоолуу жайыт* (высокогорное пастбище), где орнитомический термин *тоолуу жайыт* (горное пастбище) является определяемым словом по отношению к *бийик* (высокий; высоко).

Итак, проанализировав народные географические термины Кыргызстана, мы пришли к выводу, что наиболее распространенной моделью многокомпонентных образований является двухосновная модель. Географическую терминологию составляют слова, выраженные именами существительными, прилагательными, глагольными конструкциями. Трехкомпонентных моделей, образованных по формуле С+С+Т или П+С+Т, небольшое количество. Многокомпонентные образования могут соединяться между собой при помощи изафета и примыкания.

Таблица 2.6

Модель слово-сложения кыргызских народных географических терминов	Семантическая характеристика моделей народных географических терминов	Многокомпонентные народные географические термины
1	2	3
Сущ.+сущ. I тип изафета		ай көл, айна булак, арка тоо, аска таш, балчык суу, булук токой, жар таш, жер суу, кабак жер, какыр талаа, капка таш, капкак таш, каптал тоо, капчал жол, кой таш, кол арык, коо арык, кыр таш, кырка тоо, кыя жол, кыя таш, өзөн булак, өзөн суу, сайран жер, сайран талаа, таш башат, таш майдан, төө карын, туу бел, туу жон, туу чоку, көлчүк кара суу, арка берии жер
II тип изафета		дарыя арасы, капитал этеги, өзөн башы, суу аралыгы, суу аягы, суу башы, тоо башы, тоо кыркасы, тоо чокусу, тоо этеги

Окончание табл. 2.6

1	2	3
III тип изафета		<i>булактын көзү, таштын үкүрү, асканын түңгүюгү</i>
Прил.+сущ.	Обозн. цветовые качества	<i>ак жер, ак суу, ала тоо, боз талаа, боз топурак, жашыл көл, кара айдоо, кара булак, кара жер, кара жол, кара күңгөй, кара суу, кара тоо, кара топурак, кара чото, көк ала майдан, көк кашка булак, көк жайык, көк чап, кызыл суу, кызыл топурак, кызыл чөл, сары булак, сары жол, сары майдан, сары талаа, сары топурак, сары суу</i>
	Обозн. физич. характеристику объекта	<i>агын суу, айдың жер, айдың талаа, айдоңшү жер, аңғы суу, аран талаа, ач бел, ач талаа, бетегелүү булүүч, будурмактуу тоо, жинди суу, занғел тоо, какшыган чөл, кашка суу, куба чөл, күмдүү чап, кургак жер, күү жол, күү калып, күү талаа, күү түз, кынтык жер, өркөчтүү суу, өркөчтүү тоо, таз талаа, таз башат, таз чоку, түпсүз түңгүюк, шор жер, шор суу, тараашалуу керүү, шабылдуу көл, эски нук</i>
	Обозн. размер, форму, протяженность объекта	<i>бөкө тоо, жалпак тоо, ири суу, ичке суу, ичке жол, келки тоо, күүши сай, тайпак жер, тайпак тоо, бийик тоодуу жайыт</i>
Глагольная форма+сущ.		<i>айры жол, айры кезең, жалама боор, жалама зоо, жантайма түздүк, кайнар булак, кайылуу бел, кайырма алыш, кынтык жер, кысык жер, секиртме ашуу, тартма саздак, жөлөңкөлүү керүү, шарпылдак көл, эйме сай</i>

Как видно из табл. 2.6, в образовании кыргызской географической терминологии по модели «существительное + существительное», наиболее широко употребляется первый тип тюркского изафета, реже II тип изафета. III тип тюркского изафета представлен только тремя географическими терминами.

Парные географические термины имеют собирательно-предметное значение и состоят из семантически близких синонимов. В кыргызской географической терминологии они образованы от имен существительных и не обладают переносностью значений.

Наибольшее количество терминов, образованных по формуле «прилагательное + существительное», составляют НГТ, отражающие физическую характеристику объекта: рельефные особенности, цветовую характеристику, внешний облик, качество и др. Имя прилагательное в сложных конструкциях всегда находится в препозиции по отношению к определяемому и не принимает никаких формообразующих аффиксов.

В географических терминах, состоящих из именных сочетаний с глаголами, большую роль в связи компонентов играют аффиксы причастий.

Модель «числительное + существительное» в кыргызской топонимии имеет широкое распространение, к примеру, гора Беш-Булак в Таласской обл., реки Бир-Суу, Уч-Көл в Иссык-Кульской обл., речка Беш-Мойнок в Ошской обл., урочище Беш-Талаа, речка Он-Арча в Нарынской обл. и др., где в состав топонимов вошли количественные числительные в сочетании с географическим термином. В топонимии Кыргызстана данная модель продуктивна, однако среди географических терминов нами был обнаружен только один пример, где определяющий компонент выражен именем числительным – *төрткүл* (числ. «четыре» + *кул* «зора, пепел» – четырехугольный), означающий развалины, пепелища древнего населенного пункта, крепости, имеющей форму четырехугольника.

Атрибутив в сложных народных географических терминах, образованных путем субстантивации, обозначает опредмеченное качество. Так, в сложном термине *шор жер* атрибутив *шор* может обозначать «солончак» или «соленный»; *кысык жер* – *кысык* «сжатый, сдавленный» или «теснина, узкий проход; пролив».

В географических терминах, образованных путем транспозиции, разграничению частей речи способствует система грамматических и семантических средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследованию кыргызской народной географической терминологии, можно сделать следующие выводы.

Народные географические термины Кыргызстана формировались в течение длительного времени под влиянием различных исторических и экстраконцептуальных факторов. Кыргызская географическая (топонимическая) терминология складывалась в течение многих веков, так как в ее состав входят термины, по своему происхождению относящиеся к разным историческим периодам, иноязычные, свидетельствующие о пребывании здесь разных племен и народностей. И топонимы, и географические (топонимические) термины дают ценные сведения о духовно-культурной, социально-экономической жизни народов, населяющих территорию, а также о миграционных процессах.

Исследования языковых пластов в географической терминологии Кыргызстана позволяют определить не только языковую принадлежность, но и частично историю заселения края. Миграция племен, многолетнее сосуществование различных народностей нашли непосредственное отражение в народных географических терминах. Особенности этнической истории территории обусловили наличие здесь разнообразных по языковой принадлежности народных географических терминов: тюркских (древнетюркских, собственно кыргызских), арабских, персидских и русских. Кроме того, имеется большое число лексических параллелей в кыргызской географической терминологии с южносибирскими тюркскими (алтайский, тувинский, хакасский, шорский) и монголо-бурятскими языками, что свидетельствует о прошлой генетической связи. Диахронический анализ показывает, что доминирующее положение среди установленных языковых пластов занимает тюркский пласт, основная масса народных географических терминов образовалась на базе кыргызского языка. Заемствованная терминология становится неотъемлемой частью словарного состава кыргызского языка и в практическом употреблении не вызывает впечатления заимствованности.

Физико-географические условия местности способствовали появлению специализированной географической терминологии, такой, как равнинная, рельефная, болотная, детализированная терминология водных объектов. Хозяйственно-культурные традиции кыргызов отразились в географических терминах, связанных с охотой, скотоводством, земледелием, добычей и разработкой полезных ископаемых. Кочевое скотоводство – традиционный многовековой способ хозяйствования кыргызов – повлияло на формирование пастбищной терминологии. Большое число насчитывают термины, обозначающие части тела человека и животного (термины-метафоры), они встречаются почти во всех современных тюркских языках.

Некоторые географические термины требуют специальных толкований, так как им присуща архаичность, что свидетельствует о давности их возникновения. Обращают на себя внимание некоторые термины, вышедшие из современного употребления и потому требующие глубокого этимологического анализа с тем, чтобы дать им точную семантическую характеристику, например такие термины, как *сөңүр, арашан, агач, дабаан* и др.

Таким образом, исследуемая кыргызская географическая терминология содержит в себе старые и новые языковые пласти, обусловленные экстраконцептуальными факторами.

Терминология Кыргызстана развивалась как за счет основного своего словарного фонда посредством внутренних словообразовательных средств языка, так и за счет заимствований, происходивших еще с древнейших времен, подчиняясь правилам кыргызской грамматики в процессе словообразования и словоизменения. Комплексное изучение топонимии и географической терминологии позволило рассмотреть некоторые теоретические вопросы, касающиеся структурно-словообразовательного и семантического аспектов исследования. По своей семантической мотивированности кыргызские народные географические термины делятся на два тематических класса: 1) НГТ, отражающие природно-географические признаки реалий, которые указывают на отдельные признаки объектов: цвет, величину, объем, местонахождение, дают эмоционально-оценочную (положительную и отрицательную) характеристику; 2) НГТ, отражающие практическую деятельность человека. Каждый из этих классов подразделяется на тематические группы. Всего отмечено восемь основных тематических групп, каждая из них в свою очередь подразделя-

ется на семантические подгруппы (до 40). Перечень семантических групп приведен в прил. 2 данной работы.

Итак, терминология на современном этапе представляет собой не просто совокупность разнородной терминологической лексики, а совокупность упорядоченную и системно организованную. Примерное соотношение семантических групп НГТ можно представить в следующей таблице:

Тематическая группа НГТ	Всего
1. Ландшафтные	79
2. Орографические	187
3. Гидрографические (в том числе гелографические)	113
4. Геоботанические	11
5. Хозяйственно-бытовые	30
6. Комографические	17
7. Метафорические	50
8. Культовые и надгробные сооружения	11

Статистический анализ показал, что наиболее многочисленную группу корневых НГТ составляют орографические и гидрографические термины, что объясняется физико-географическими особенностями страны – горно-равнинный ландшафт с множеством водных объектов.

Важнейшим видом лексикологического анализа является компонентный анализ, сущность которого сводится к выявлению семантических компонентов отдельных лексем. Семная структура слова построена по иерархическому принципу, где важнейшим в понятийной части лексического значения слова является гиперсема. Более конкретно она уточняется дифференциальными семами.

Многие из рассмотренных наименований географических терминов имеют сложную семантическую структуру. В результате различных семантических переходов появляется новое географическое значение: от названий частей тела, животных, жилища, одежды.

Народные географические термины по преимуществу однозначны, но также встречаются и многозначные, например: *сай*, *жылга*, *өзөн* и др.

Словопроизводство в народной географической терминологии идет по известным в современном кыргызском языке моделям. В работе нами выделены две основные группы географических терминов:

а) непроизводные (корневые) народные географические термины;
б) производные народные географические термины.

Среди рассмотренных нами непроизводных кыргызских НГТ превалируют географические (топонимические) термины структурного типа СГС. Географическую терминологию Кыргызстана составляют слова, выраженные именами существительными, прилагательными, глагольными формами, иногда наречием. Наиболее многочисленную группу корневых НГТ, выраженных именем существительным и прилагательным, составляют орографические термины.

С точки зрения структуры и словаобразования, все кыргызские НГТ делятся на: непроизводные (корневые) и производные. Производные в свою очередь делятся на простые (корень + аффикс) и сложные производные. К сложным производным географическим терминам относятся: сращенные, составные, парные.

Среди кыргызских географических терминов доминируют простые производные. В образовании народных географических терминов активное участие принимают имена существительные, имена прилагательные, глагольные формы.

Преобладающим типом словаобразования является аффиксация. Исследованный материал позволяет говорить о том, что простые по структуре аффиксальные термины, распространенные преимущественно в оронимии, гидронимии, микротопонимии, характеризуются многообразием аффиксов, среди которых наиболее продуктивными являются следующие: аффиксы наличия, преобладания *-лы/-ды/-ты*, с различными фонетическими вариантами *-лык* (-лик, -лук, -лук), *-дык* (-дик, -дук, -дук), *-тык* (-тик, -тук, -тук), *-луу* (-дуу, -туу) = *кумдук* (песчаник), *саздык* (болотистое место); аффикс *-ма*, образующий существительные от глагольных основ = *куйма* (приток реки = от глаг. наливать, влияться, впадать), *бүгүлмө* (изгиб реки = возвр.-страд. сгибаться); аффикс *-оо/-уу*, образующий имена действия = *кечүү* (брод, мелкое место); имена, указывающие место назначения: *кыштоо* (зимнее пастбище, зимовка), *куздөө* (осеннее пастбище). К редкоупотребительным аффиксам относятся такие, как: *-ал/-ыл*; *-ат/-ыт*; *-сө/-сөө*; *-га/-ка*; *-ган* и др.

Одним из древнейших способов образования народных географических терминов является лексический способ, когда в результате метафорического и метонимического переноса образуются новые слова. Так, географические термины *асаба*, *эшик*, *тарак*, *тумиук* и другие образуются на основе ассоциативных связей в сознании людей.

Образование сложных народных географических терминов произошло лексико-синтаксическим способом. Многокомпонентные образования могут соединяться между собой при помощи изафета и примыкания и воспринимаются как неразложимый термин, т.е. выступают в качестве единого лексического целого. Наиболее распространен первый тип тюркского изафета.

Анализ народных географических терминов, изучение различных картографических, статистических, источниковедческих и других материалов позволили установить этапы формирования и функционирования терминов, что дало возможность лингвистическому описанию географической терминологии Кыргызстана. Наблюдения над ареалом НГТ показали, что большая часть слов известна на всей территории страны. Отмечены также термины, имеющие ограниченную территорию распространения. Актуальность исследования географической (топонимической) терминологии заключается, прежде всего, в том, что подобное научное исследование дает возможность наглядно проследить закономерности развития, функционирования и ареального размещения НГТ, особенности их структуры и семантики.

Приложение 1

Словарь

кыргызских народных географических терминов⁴

О построении словаря

Каждый термин со всем относящимся к нему материалом образует словарную статью. Расположение материала в словарных статьях следующее:

1. Термины, отражающие особенности рельефа, гидрографии, ландшафта и др. Затем следует принятая Международная тюркская транскрипция на основе латинской графики:

Гласные

Аа – а
Ää – э
Үү – ы
Іі – и
Оо – о
Öö – ё
Үү – ү
Ее – е
Ju – ю
Ja – я

Вв – б
Vv – в
Gg – г
Үү – ғ
Dd – д
Žž – дж
Zz – з
Jj – ў
Кк – ка
K'к' – ке
Ll – л
Mm – м

Согласные

Nn Nn – н
Dj – н
Pp – п
Rr – р
Ss – с
Tt – т
Ff – ф
Hh – х
Cc – ц
Čč – ч
Šš – ш

Диакритические знаки над буквами

: долгота
' мягкость

⁴ Условные обозначения и сокращения см. на с. 5–7.

В случаях заимствования термина из языков других народов в скобках указывается его вероятное происхождение. Далее указывается значение или несколько значений (перевод) термина, с указанием их территориальной принадлежности. Географические термины, при которых нет указаний на их место употребления, являются обычными для всей территории Кыргызстана. Термины и другие слова, приводимые в словаре, переданы в их современном кыргызском написании с учетом литературного произношения. Слова даны в единственном числе, кроме редких исключений (когда употребляются только во множественном).

Слова представлены в строгом порядке, принятом в современном кыргызском алфавите, составленном на основе русской графики, состоящем из 36 знаков: все 33 буквы русского алфавита с добавлением кыргызских **ө**, **ү**, **ң**.

Ударение не проставлено, поскольку оно в кыргызском языке фиксированное и падает на последний слог.

2. Языковые параллели даны векторе: казахский, узбекский, уйгурский, татарский, башкирский, алтайский, тувинский и другие современные тюркские языки.

3. Примеры географических названий иллюстрируют употребление слова в кыргызской топонимии.

4. Даны ссылка на термины, близкие по языку или по значению, но помещенные в других словарных статьях, напр.: **чункур** то же, что **чукур** (см.).

Абад [abad, abat] (ир.) – населенный пункт, благоустроенное, заселенное место. У Радлова В.В. *абад* – «обитаемый, в хорошем состоянии», *abatlık* – «населенный; населенная местность» [141, 624]; уйг. *абад*, узб. *обод* имеют такое же значение. Термин часто употребляется в качестве второго компонента в сложных топонимах, напр.: гор. Жалал-Абад, с. Жаңы-Абад в Джалаал-Абадск. обл.; с. Беш-Абад в Ошск. обл. и др.

Абыз [abyz] (араб., южн. д.) – небольшой искусственный водоем для хозяйственных нужд. В узб., туркм. языках – *ховуз*, в азерб. – *новуз*.

Авак [avak] – место замкнутое, не имеющее выхода, напр.: начало яра, горная тропа, ущелье, упирающееся в скалу. Конкобаев К.

указывает на присутствие термина в говоре памирских кыргызов [75, 147].

Авга [avşa] – высокий перевал. По сведениям Конкобаева К., термин употребляется в говоре кыргызов Заминского района Узбекистана [75, 147].

Авет [avet] (батк. г.) – дорожка на краю пахоты [75, 145].

Агач [aşač] (уст., в совр. кырг. яз. – жыгач [žugač]) – дерево, лес. У Радлова В.В. *агач* – «дерево, деревянный» [141, 149]. Термин имеет широкое распространение в современных тюркских языках, напр.: хак., башк. *агас*, алт., каз. *агаш*, азерб., туркм., тат. *агач* – в значении «дерево, деревянный; лес». В настоящее время как термин употребляется редко, но сохранился в составе собственных географических названий, напр.: рч. Жол-Агач (прав. пр. р. Чон-Кемин), пер. Жол-Агач (Кеминский хр.) в Чуйск. обл. и др.

Агача [aşača] (жерг. г.) – река, распадающаяся на две части; длинная впадина, балка, ложбина [75, 145].

Агба [auba] (тадж., жерг. г.) – перевал [75, 145].

Агым (агын) [aşum/aşın] – течение воды, поток. У Радлова В.В. *агым, агын* – «течение; текущий, проточный» [141, 154, 169–170]. У Махмуда Кашгари *aqīm, aqīn* – «поток, сток; струя» [47, 48]; хак. *агын* – «поток, быстрина; течение»; уйг. *еқин* – «течение; проточный, текущий; быстрая река»; башк., тат., каз. *агым*, азерб. *ахын*, туркм. *акым*, узб. *окиши* – «течение, поток; струя». Термин иногда входит в состав географических названий: пер. Кызыл-Агын (хр. Алайкуу), хр. Кызыл-Агын, р. Кызыл-Агын (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл. и др.

Агын суу [aşunsu:] – стремительная быстрая река, сток. У Радлова В.В. *аккан су, акар су, ақын су* – «проточная вода» [141, 87, 99]. Хак. *агын суг* – «проточная вода; быстро текущая река», такое же значение имеет и туркм. *акар сув*.

Агынды [aşyndy] – быстрое течение (напр.: во время паводков). У Радлова В.В. *агынды* – «имеющий быстрое течение; река, имеющая быстрое течение» [141, 156]. У Махмуда Кашгари *aqīndi suv* – «проточная вода» [47, 48].

Агыш [aşyş] – то же, что **алыш** (см.).

Адыр (адырмак) [adır/adırmak] – холмистая местность, взгорье (ср. **кудур**). Подробно у Мурзаева Э.М.: «Адыр – третичные предгорья, окаймляющие на периферии горные хребты Тянь-

Шаня. Обычны в Фергане, в Семиречье и других местах. Адыры расчленены сухими оврагами и имеют ландшафт полупустыни или даже пустыни, где большую роль играет эфемеровая растительность» [101, 319]. В др.-турк. *adır* – «отделение, ответвление, развилина» [47, 11]. У Радлова В.В. *adır, adыр* – «холм, неровная местность; гористая страна» [141, 492, 494]. У Койчубаева Е. каз. *адыр* – «сопки, небольшие горные кряжи, холмистые предгорья из рыхлых пород. В Семиречье их иногда называют прилавками» [70, 16]; уйг. *edır* – «бугор, возвышенность, холм», также тув. *адыр*, узб. *adır*. Термин широко распространен в Кыргызстане: г. Адыр-Төр (хр. Адыр-Төр) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Кек-Адыр (лев. пр. р. Кочкор) в Нарынск. обл.; гг. Кызыл-Адыр в Таласск. обл.; с. Адыр в Ошск. обл. и др.

Адыр-будур (будур) [adyr/budur] – холмистая местность (см. **будур**).

Адыр-күдүр (күдүр, чыбыр, адыр-чыбыр) [adyr/küdür/chybyr] – местность, покрытая буграми и ямами (см. **адыр**).

Адыр-чыбыр (адыр, адыр-күдүр, чыбыр) [adyr/chybyr/küdür] – бугры и холмики; холмистая местность (см. **адыр**).

Адырмак [adurmak] – то же, что **адыр** (см.).

Азуулуу аска [azu:lu:aska] (зд. азуу – «клык») – скала с остриями.

Айдай талаа [aidaitala:] – бескрайняя степь (см. **айдалаа**).

Айдалаа (айталаа, айдай талаа) [aidala:/aitala:/aidaitala:] – бескрайняя ровная степь (см. **талаа**). У Радлова В.В. *aidala* – «широкая степь» [141, 50]. Иногда встречается в топонимии, напр.: рч. Ай-Талаа в Нарынск. обл. и др.

Айдар [aidar] (уст., досл. чуб, коса у мужчин) – возвышенность с кучей камней на вершине. У Радлова В.В. *aidar* – «клочок волос; коса, которую носят мужчины» [141, 50]. Койчубаев Е. приводит два варианта для каз. яз.: холм в виде хохолка, или место, где водятся львы (от *айдар* – «лев») [70, 18]. Однако, у Конкашпаева Г.К. *айдарлы* – «конусообразная, выделяющаяся возвышенность, обычно с большой кучей камней, сложенной на самой вершине в виде конуса» [73, 5]. Изредка термин входит в состав собственного названия местности: с. Кек-Айдар в Джалил-Абадск. обл.; пик Айдарбек (Алайский хр.) в Ошск. обл. и др.

Айдоо [aido:] – вспаханное поле, пашня.

Айдөөш [aidö:š] – слегка отлогий, пологий склон.

Айдөшү жер [aidöšüzer] – отлогое, покатое место.

Айдың [aidyŋ] – место, освещенное лунным светом; широкий водем; горное озеро с прозрачной водой. В др.-турк. *ajdiŋ* – «лунный свет» [47, 28]. У Радлова В.В. *айдың* – «свет луны», *айдын* – «пустой, безлюдный, одинокий» [141, 51, 53]. Каз. *айдын* – «открытая водная поверхность большого озера; отдельные озеровидные плесы в русле и пойме рек» [73, 5].

Айдың көл [aidyŋköł] – зеркально чистое озеро. В каз. яз. *айдын-көл* – «большое открытое незаросшее озеро». Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: оз. Айдың-Көл в Иссык-Кульск. обл. и др.

Айдың талаа (ай талаа, айдалаа) [aidyŋtala:/aitala:/aidala:] – беслюдная ровная степь. У Радлова В.В. *айдын дала* – «пустыня, безлюдное поле» [141, 53].

Ай көл [aiköł] – огромное, широкое озеро. Обильны примеры в топонимии: оз. Ай-Көл (верх. р. Ак-Суу) в Баткенск. обл.; пер. Ай-Көл (хр. Жетим-Бел) в Иссык-Кульск. обл.; оз. Ай-Көл (близ устья р. Кекемерен) в Нарынск. обл.; рч. Ай-Көл (прав. пр. р. Арчалы) в Иссык-Кульск. обл.; с. Ай-Көл в Баткенск. обл. и др.

Айлак [ailak] (жерг. г.) – летнее пастбище.

Айланма (айланпа) [ailampa/ailanpa] – водоворот. У Радлова В.В. *айланма* – «водоворот» [141, 39]. Такое же значение имеют узб. *айланма*, хак. *айланчых*. Термин иногда встречается в географических названиях, напр.: г. Айланпа (хр. Сасык-Булак) в Таласск. обл. и др.

Айлана [ailana] – окрестность, округа. У Радлова В.В. *айлана* – «окружающее; окрестность», *äilänä* – «окружность, место, лежащее вокруг чего-либо» [141, 37, 664].

Аймак [aimak] – территория, край, область, окрестность. У Радлова В.В. *aimak* – «народ, род; деревня» [141, 63–64]. Каз. *аймақ* – «край»; башк. *аймак* – «территориальное объединение нескольких семей»; уйг., тув. *аймак* – «род, племя; район».

Айна булак [ainabulak] (досл. зеркальный родник) – родник с чистой прозрачной водой. У Радлова В.В. *айна* – «стекло, зеркало» [141, 17].

Айры (айыр) [airy/ajyr] – раздвоенный; развилина, разветвление, развилиок. У Радлова В.В. *айры* – «раздвоенный; ручеек, маленькая речка» [141, 26]. В др.-турк. языке *adri* – «раздвоенный, разветвленный» [47, 15]. Этот термин встречается почти во всех тюркских языках: тат. *айырча*, *айыры* – «приток реки, рукав ре-

ки; речка» [37, 15]; алт. *айры* – «рукав реки, проток, ответвление, отрог, раздел двух рек; место, где одна речка отделяется от другой» [25, 8]; тув. *адыр* – «приток реки, раздел двух рек»; хак. *азыр* – «развилка, разветвление; рукав реки; водораздел»; узб. *айри*, башк. *айырса* – «развилка, развилка». Термин очень част в топонимии: пер. Айры-Таш (хр. Ак-Төр), рч. Айры-Таш (верх. р. Каракол) в Ошск. обл.; рч. Айры-Төр (лев. пр. р. Кайчы) в Иссык-Кульск. обл.; с. Айры-Там в Джалал-Абадск. обл. и др.

Айры жол [airužol] – распутье.

Айры кезең [airukezeŋ] – горная впадина, расщелина (см. **кезең**).

Айрык [airyk] – разделение; разделенный; расщелина; ложбина, между двумя возвышенностями; место слияния двух горных рек. У Радлова В.В. *айрык* – «разделенный; маленький ручеек» [141, 27]. У Конкашпаева Г.К. *айрык* – «узкий прорыв (расщелина), образованный горной рекой между двумя возвышенностями; место слияния у подножья горного выступа двух речек, прорывающихся через горы; водораздел» [73, 5]. Термин широко распространен в Кыргызстане: пер. Кур-Айрык (хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; пер. Көк-Айрык (хр. Күнгөй Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Кызыл-Айрык (лев. пр. р. Көк-Суу) в Ошск. обл.; рч. Таш-Айрык (лев. пр. р. Жаны-Жер) в Нарынск. обл. и др.

Айрылыш (айрылыш жол, айры жол) [airylyš/airylyšžol/airyžol] – разделение, разделение; распутье. У Радлова В.В. *айрылыш*, *айрылыш жол* – «разделение; место, где расходится дорога, перекресток» [141, 29]. В др.-турк. *adriš* – «развилка дороги» [47, 15]; башк. *айрылыши* – «перепутье; развилка дороги»; каз. *айрылыс* – «разветвление»; уйг. *айрилиши* – «отделение; раздвоение».

Айыл [ajyl] – поселок, село, аул. У Радлова В.В. *ail* – «деревня, аул», *аул* – «юрты, находящиеся на одном месте; деревня» [141, 37, 75–75]. Каз., башк. *ауыл*, алт. *айыл*, хак. *аал*, тат. *авыл*, азерб. *аул* – в том же значении. Термин иногда употребляется в качестве наименования поселений: с. Казак-Айыл в Джалал-Абадск. обл.; с. Жаны-Айыл в Баткенск. обл. и др.

Айыр [ajur] – то же, что **айры** (см.). У Радлова В.В. *aip* – «разделить, разъединить» [141, 24].

Айыш [ajyš] – постепенное повышение рельефа гор. У Махмуда Кашгари *ayiš* – «возвышение, подъем» [47, 20].

Ак жер [akžer] (досл. белая земля) – каменистая почва со значительным содержанием подпочвенной влаги (см. **жер**). У Радлова В.В. *ak järp* – «ровная безлесная местность» [141, 94].

Ак суу [aksu:] (досл. белая вода) – проточная, стекающая с гор чистая река, с хорошей пресной водой; река, питающаяся снеговыми или ледниковыми водами. В том же значении каз., туркм., узб. *аксу*. Наиболее полно у Мурзаева Э.М.: «Под таким названием известны реки, истоки которых лежат в высокогорном поясе Тянь-Шаня. Питание их происходит за счет таяния запасов вечного снега и льда, почему они имеют ясно выраженный паводок в летние месяцы, когда по крутым и узким ущельям, искрься белой пеной на солнце, они устремляют свои холодные воды вниз» [101, 319]. Географические названия с данным термином широко распространены на территории Кыргызстана: р. Ак-Суу (лев. пр. р. Чу) в Чуйск. обл.; рч. Ак-Суу (верх. р. Катын-Арык) в Нарынск. обл.; пик Ак-Суу (Туркестанский хр.) в Баткенск. обл.; пер. Ак-Суу (хр. Күнгөй Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; с. Ак-Суу в Джалал-Абадск. обл. и др.

Ала [ala] (досл. пестрый, разноцветный, пегий) – комплексная равнина, где выделяются пятна разных почв и растительности [106, 44]. У Махмуда Кашгари *ala* – «геогр. местность с летними пастбищами вблизи Ферганской долины» [47, 33]. У Радлова В.В. *ала* – «пестрый; с большими пятнами» [141, 351]. Возможно, *ала* сходно с монг. *ола* или *ула*, что обозначает «гора». Термин активен в образовании географических названий: г. Ала-Мышык (хр. Нарын-Тоо) в Нарынск. обл.; р. Ала-Арча (лев. пр. р. Чу) в Чуйск. обл.; пер. Ала-Баш (хр. Тескей Ала-Тоо), оз. Ала-Көл (хр. Тескей Ала-Тоо), с. Ала-Баш в Иссык-Кульск. обл. и др.

Алай төш [alaitöš] (тал. г.) – склон.

Алайы [alajy] (батк. г.) – удобное для скота место, изобилующее травой.

Алап [alap] – бассейн реки или озера; пойма реки. По Конкашпаеву Г.К. *алап* – «а) обширная впадина крупного водоема с прилегающей местностью, имеющей уклон в сторону впадины; б) широкая долина крупной реки с прилегающей территорией; в) бассейн большого водоема или реки» [73, 6].

Ала тоо [alato:] (досл. пестрые горы) – горы с вечноноснажным покровом. У Радлова В.В. *ала тау* – «пестрые горы» [141, 351]; в казахском языке *алатай*, туркменском и азербайджанском – *ала-*

даг. У Мурзаева Э.М. находим: «Под этим термином известны только горы, обладающие вечноснежным покровом. Высоко-горная зона таких хребтов обычно пестра: здесь часты белые пятна снега, черные, лишенные растительности участки каменистых россыпей, зеленые альпийские лужайки, серые гранитные массивы и т.д.» [101, 320]. Известен хр. Кыргыз Ала-Тоо в Чуйск., Таласск. обл. и Сев. Тянь-Шань (Тенир-Тоо).

Алкак [alkak] – географический пояс.

Алкым [alkym] (досл. горло, глотка) – предгорье; место схождения подошвы горы и долины, откуда вытекает горная речка. У Радлова В.В. *алкым* – «горло, зоб» [141, 391]. Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: с. Алкым в Иссык-Кульск. обл.; с. Алкым в Нарынск. обл. и др.

Алыш [alyš] – оросительный канал; большой арык (см. **агыш**). У Радлова В.В. *aliu* – «запруда; выход канала» [141, 387]. Др.-турк. *alıš* – «устье реки; место впадения проточной воды в водоем» [47, 36]. Топонимы с этим термином многочисленны: рч. Алыш (прав. пр. р. Мукан) в Нарынск. обл.; рч. Алыш-Суу (лев. пр. р. Катта-Карамык) в Ошск. обл.; г. Шор-Алыш (хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; с. Жаны-Алыш в Чуйск. обл. и др.

Анаар [ana:r] (араб., южн. д.) – большой арык.

Ангар [angar] – широкая долина; далекий берег; расщелина; котловина.

Анна [anna] (ляйк. г.) – глубокий большой яр. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: с. Ана-Кызыл в Джалал-Абадск. обл. и др.

Аң [aŋ] – яма, промоина; длинный обрыв. В топонимии термин обычно встречается в словосложениях, напр.: рч. Туюк-Аң (лев. пр. р. Ат-Башы) в Нарынск. обл.; с. Аң-Өстөн в Иссык-Кульск. обл.; с. Аң-Арык в Таласск. обл. и др.

Аң-дөң [aŋdöŋ] – неровная местность с ямами и буграми.

Аңгек [aŋgek'] – яма, промоина; подмытый берег; (тяньш. г.) насыпь во впадине при проведении оросительной канавы (см. **апкел**).

Аңгел [aŋgel'] – овраг. Изредка встречаются топонимы с этим термином, напр.: рч. Ангели (верх. р. Арпа) в Нарынск. обл.

Аңги суу [aŋgisu:] – весенняя полая вода, небольшой горный поток.

Аңыз [aŋyz] – жнивье, стерня, залежь. У Махмуда Кашгари *aŋiz* – «жнивье, стерня» [47, 47]. Каз. *аңыз*, узб. *анғиз* имеют такое же значение, уйг. *etiz* – «поле, нива, пашня». У Радлова В.В. *аңыз* – «скошенное, пустое поле» [141, 185].

Аңыракай [aŋyrakai] – большая расщелина; широкое ущелье. У Радлова В.В. *аңар* – «трещина» [141, 184].

Апай (апай бет) [apai/apabiet] – плоский склон горы.

Апкел [apkel'] (тяньш. г.) – насыпь, возводимая во впадине при проведении оросительной канавы (см. **аңгек**).

Ар [ar] (пам. г.) – то же, что **аңгек** (см.).

Араан талаа [ara:ntala:] – пустыня (см. **талаа**). У Радлова В.В. *аран* – «луг, низменное место» [141, 251].

Арал [aral] – остров. В др.-турк. *aral* – «остров; чаща» [47, 50]. У Радлова В.В. *арал*, *apal* – «тальники на берегах реки; покрытые кустарником острова в реках; остров» [141, 252]. В алт. яз. *арал* – «лес; заросли кустарника, главным образом, по берегам рек и озер» [25, 10]; узб. *орол*, уйг., башк., каз. *арал*, хак. *олтырых* – «остров». Термин широко распространен в Кыргызстане: г. Арап-Төбө (хр. Жетим-Бел) в Иссык-Кульск. обл.; пер. Беш-Арал (хр. Терс) в Джалал-Абадск. обл.; р. Урум-Арал (лев. пр. р. Талас) в Таласск. обл.; рч. Арап-Сай (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл.; с. Арап в Нарынск. обл. и др.

Арашан [arašan] – минеральный целебный источник, теплый ключ.

У Радлова В.В. *арашан* – «горячий ключ, целебный ключ» [141, 260], так же каз. *арасан*, алт. *аржсан*. Термин формирует многочисленные географические названия: пер. Арашан (Чаткалский хр.) в Джалал-Абадск. обл.; пер. Арашан (хр. Жаны-Жер) в Нарынск. обл.; рч. Арашан (лев. пр. р. Ак-Суу) в Иссык-Кульск. обл.; с. Арашан в Чуйск. обл. и др.

Арашандуу жер [arašandu:žer] – место с минеральными источниками, теплыми ключами. У Радлова В.В. *арашанду* – «имеющий горячие ключи» [141, 260].

Арашуу [arašuh] (жерг. г.) – конусообразные близлежащие скалы, небольшие пики [75, 145].

Арка [arka] (досл. спина, спинной хребет) – горный хребет. В др.-турк. *arqa* – «спина» [47, 53]. У Радлова В.В. *арка* – «спина, задняя часть; хребет горный» [141, 285]. В том же значении каз., башк., туркм., алт., башк. и уйг. *арка*, хак. *арға*, тув. *оорга*. Термин иногда служит географическим названием, напр.: с. Арка в Баткенск. обл.

Арка бериш жер [arkaberisžer] – смежная земля, смежный участок земли.

Арка тоо [arkato:] (досл. горная спина) – горный хребет.

Аркыроо [arkyro:] – бурное течение реки.

Арна [arna] (сев. д.) – река. У Радлова В.В. *арна* – «канал, образованный рекой» [141, 303]. У Мурзаева Э.М. *арна* – «канал, образованный рекой, – естественное русло, позже превращенное в оросительный канал» [106, 55]. В казахском языке *арна* – «руслу реки».

Арт (артуу, артылмак) [art/artu:/artylmak] (досл. спина, задняя сторона) – высокогорный перевал, горный проход; ряд перевалов, следующих один за другим. Др.-турк. *art* – «нагорье, гора; горный перевал» [47, 55]. У Радлова В.В. *арт* – «задняя сторона, задняя часть; горный проход» [141, 308–309]. Термин имеет широкое распространение в тюркских языках, напр.: в каз., тув., башк., тат. языках *арт* имеет такое же значение.

Арык [aryk] – оросительный канал. Термин широко распространен в тюркских языках как «канал, канава, река, поток». Алт., тув., каз. *арык*, узб. *арик*, уйг. *ериқ* в значении «арык, оросительный канал; канава». В др.-турк. *ariq* – «ручей, арык» [47, 52]. У Радлова В.В. *арык* – «арык, канал, вырытый для того, чтобы провести воду на пашни» [141, 270]. Термин нередко встречается в топонимии Кыргызстана: р. Жоон-Арык (прав. пр. р. Кочкор) в Нарын обл.; рч. Жаңы-Арык-Сай (прав. пр. р. Узун-Акмат) в Таласск. обл.; рч. Кум-Арык в Чуйск. обл.; пер. Кен-Арык (хр. Молдо-Too) в Нарын обл.; с. Алма-Арык в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Асаба (асаба тоо) [asaba/asabato:] (зд. асаба – «флаг; высокий, огромный») – огромная гора [75, 145].

Аска [aska] – высокая скалистая гора. Термин входит в состав некоторых географических названий, напр.: пер. Кызыл-Аска (хр. Кичи-Алай) в Ошск. обл.

Аска таш [askataš] – вздымающаяся скала, утес (см. **таш**).

Асканын түнгүюгү [askanýntüŋgüjügu] – место под высокой отвесной скалой (см. **түнгүюк**).

Аскар (аскар тоо) [askar/askarto:] – высочайшая снеговая гора. У Радлова В.В. *аскар* – «больше» [141, 543]. Каз. *аскар* – «непрступная, очень высокая гора».

Ача [ača] – развилина, развилка; место впадения притока или разделения русла на протоки; (южн. д.) широкая ложбина, долина. В Казахстане *аша* – «развилина, место слияния двух рек; место ответвления притока» [73, 8]; уйг. *ача* – «разветвление, раздвоение; развилина, развилка; рукав реки»; к.-калп. *аша* – «развили-

на, водораздел»; башк. *аса* – «развилина». Немало имеется географических наименований с этим термином: рч. Ача (прав. пр. р. Ат-Башы), г. Ача-Таш (хр. Ача-Таш), с. Ача-Кайынды в Нарынск. обл. и др.

Ач бел [ačbel'] – необитаемый, пустынный горный перевал (см. **бел**). **Ач талаа (араан талаа) [ačtala:/ara:ntala:]** – пустыня (см. **талаа**).

Ачы [ačy] (суз. г.) – вытекающая из болотистой местности мутная, солончаковая вода. Каз. *аңы* – «солонцеватые понижения, встречающиеся обычно по долинам и поймам степных рек или по впадинам озер и соров. На таких понижениях развивается различная солелюбивая и влаголюбивая растительность, которая представляет собой хороший подножный корм для скота» [73, 9]. Термин нередко встречается в географических наименованиях, напр.: рч. Ачы (прав. пр. р. Көгарт) в Джалаал-Абадск. обл.; с. Ачы в Ошск. обл. и др.

Ашуу [ašu:] – горный перевал. У Радлова В.В. *асу* – «горный проход, перевал» [141, 542]. В каз. яз. *асу* – «перевал через горный хребет»; алт. *ажу* – «горный перевал (перевал на горной дороге)». Термин активен в образовании географических названий: пер. Алмалы-Ашуу (хр. Суусамыр-Тоо) в Чуйск. обл.; рч. Ашуу-Айрык (лев. пр. р. Чоң-Жылаңаң) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Ашуу-Айрык (прав. пр. р. Кара-Кулжа), пер. Жетим-Ашуу (Алайский хр.) в Ошск. обл. и др.

Баа [ba:] (узг.) – безлюдная степь.

Бадал [badal] – кустарники; заросли, мелколесье. В географических наименованиях встречается не особенно часто: рч. Бадал (лев. пр. р. Жоо-Жүрөк) в Нарынск. обл.; рч. Бадал-Таш (прав. пр. р. Ак-Суу) в Чуйск. обл. и др.

Байламта [bailamta] – запруда.

Байлоо [bailo:] – запруда.

Байтак, байтак талаа [baitak/baitaktala:] – широкая степь; (бат.) место, удобное для зимовки скота в предгорье или в горах; (чуйск.) узкая, еле заметная тропа [75, 146]. У Радлова В.В. *байтак* – «обширный, широко раскинутый, просторный» [141, 1429]. Термин иногда употребляется в качестве собственного географического названия, напр.: гг. Байтак в Баткенск. обл. и др.

Бак (бакча) [bak/bakča] (ир.) – сад, дерево. В др.-турк. *bay*, *bayčä* – «сад» [47, 77]. Так же у Радлова В.В. *бак* [141, 1435]. В туркм., азерб. яз. – *bag*, башк. – *бакса*, узб. – *бог*, *богча*, каз. – *бак*. Тер-

мин иногда входит в состав собственных географических названий, напр.: с. Кара-Бак в Баткенск. обл. и др.

Балкан (балкан тоо) [balkan/balkanto:] (сев. д.) – гора. У Радлова В.В. *балкан* – «крутые покрытые лесом горы» [141, 1499].

Балчык [balčyk] – глина, жидккая грязь. У Махмуда Кашгари *balčiq* – «ил, грязь» [47, 80]. У Радлова В.В. *балчык* – «глина, ил, грязь» [141, 1505]; каз. *балишык*, узб. *балчик*, турк. *пальчык*, башк. *балсык*, уйг. *балчук*, тув. *балгаш* – в том же значении.

Балчык суу [balčyksu:] – болотная грязная вода.

Балык [balyk] (уст.) – город. В др.-турк. *balıq* – «город» [47, 80]. Так же у Радлова В.В. *балык* [141, 1495].

Банд [band] (ир., южн. д.) – запруда, плотина; ущелье. У Радлова В.В. *байд* – «плотина, дамба, бассейн» [141, 1590]. Не часто можно встретить термин в топонимии, напр.: рч. Бант (верх. р. Көл) в Баткенск. обл. и др.

Баскак (бел-баскак) [baskak/bel'baskak] – небольшая седловина на горном перевале.

Баткак [batkak] – топкое место, жидккая грязь (см. **балчык**). У Радлова В.В. *баткак*, *баткак*, *батка* – «вязкий, топкий; болото, топкое место, лужа» [141, 1510, 1515]; у Мурзаева Э.М. – «ил на дне соленых озер, соленая грязь; жидккий грунт; болото, ил» [106, 75]; каз., к.-калп. *батпак* – «болото, топкое место, трясина, слякоть»; алт. *баткак* – «топь, топкое место; топкий, вязкий»; тат., башк. *баткак* – «грязь, слякоть, топь, жижа»; узб. *боткок* – «болото, трясина, топь»; турк. *батга* – «размякшая от воды почва»; хак. *пальчах* – «жидкая грязь, ил». Термин широко бытует в топонимии: рч. Баткак-Суу (лев. пр. р. Соң-Көл) в Нарынск. обл.; ледн. Кара-Баткак (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Баткал [batkal] – впадина на склоне горы, возвышенности.

Батуу [batu:] – впадина, низина. В др.-турк. *batıy* – «низкое влажное место; низина» [47, 89].

Баш [baš] (досл. голова) – верховье; начало; исток реки. Широко употребляется для обозначения верховьев рек, горных вершин. В др.-турк. *baš* – «голова; вершина, верхушка; верховье, истоки; начало» [47, 86]. У Радлова В.В. *баш*, *бас* – «начало, верховье; верхняя часть предмета, вершина» [141, 1546, 1524]; алт. *баш* – «начало, вершина; верхушка, верх» [25, 11]; каз. *бас*, *бастау* – «верховье; родник со значительным дебитом или ручей, являю-

щийся истоком реки» [73, 9]; тар., башк., уйг. *баш* – «начало, исток»; узб. *боши* – «исток реки, ручья»; хак. *пас* – «голова; верхушка, вершина; начало, верховье»; тув. *баш* – «источник, верховье реки». Термин широко распространен в топонимии: пер. Ала-Баш (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; р. Ат-Башы (лев. пр. р. Нарын) в Нарынск. обл.; ур. Баш-Булак (лев. берег р. Жууку) в Иссык-Кульск. обл.; с. Ак-Баш в Джадал-Абадск. обл. и др.

Башат (таш башат) [bašat/tašbašat] – источник, родник в каменистых местах; родничок, вода которого впитывается в землю недалеко от выхода [211, 120]. У Радлова В.В. *башат* – «источник» [141, 1552]. Термин часто употребляется в составе географических названий: г. Таш-Башат (зап. часть гор Кабак-Тоо) в Нарынск. обл.; рч. Беш-Башат (лев. пр. р. Чаткал) в Джадал-Абадск. обл.; с. Ак-Башат в Чуйск. обл. и др.

Беделик [bedelik`] – люцерник, люцерновое или клеверное поле. Такое же значение имеет *беделік* в казахском языке.

Бейит [bejít] – могила. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: пер. Ак-Бейит (хр. Ат-Башы), рч. Ак-Бейит (верх. р. Терек), рч. Бейит-Кашка-Суу (прав. пр. р. Кашка-Суу) в Нарынск. обл.; р. Кызыл-Бейит (прав. пр. р. Нарын), с. Кызыл-Бейит в Джадал-Абадск. обл. и др.

Бел [bel`] (досл. поясница, талия) – горный хребет, широкий горный перевал. В др.-турк. *bel* – «холм» [47, 93]. У Радлова В.В. *äl* – «холм, ущелье, узкий проход в горе» [141, 1607]. Башк., туркм. *бил*, каз., тув., азерб. *бел*, хак. *пил*, уйг. *вәл* – в значении «хребет, седловина, склон горы». Термин часто входит в состав географических названий: пер. Кара-Бел (хр. Терек-Тоо) в Ошск. обл.; ледн. Ак-Бел (хр. Ак-Шыйрак), оз. Бел-Көл (верх. р. Тарагай) в Иссык-Кульск. обл.; ур. Кум-Бел (хр. Карагатты), рч. Бел-Булак (верх. р. Кара-Саз) в Нарынск. обл.; р. Сары-Бел (лев. пр. р. Нарын) в Джадал-Абадск. обл.; с. Бел-Алды в Таласск. обл. и др.

Белес [beles] – пологие отроги; невысокая вытянутая возвышенность. У Радлова В.В. *beläc* – «холм» [141, 1611]; каз. *белес* – «холм, перевал». Термин иногда входит в состав собственного географического названия местности: пер. Кичи-Сары-Белес (хр. Какшаал-Тоо), пер. Кызыл-Белес (хр. Боор-Албас) в Нарынск. обл.; пер. Кара-Белес (Чаткальский хр.) в Джадал-Абадск. обл. и др.

Белесек [belesek'] (жжол.) – песчаная степь; поле с маленькими бугорками.

Белесче [belesče] – небольшие отроги.

Бет [bet] (досл. лицо, щека) – поверхность чего-л.; склон горы. В др.-турк. *bit* – «лицо» [47, 103].

Бетегелүү булун [betegelü:buluŋ] (зд. бетеге – «ковыль») – впадина в горах; небольшой склон с ковылем.

Биабан (бийаван) [biabán/bijaván] (ир., южн. д.) – пустынная степь; пустыня. В др.-турк. *bijaban* – «пустыня» [47, 98]. У Радлова В.В. *biávan* – «степь, равнина» [141, 1738]; узб. *biёbon*, уйг. *baiávan* – «пустыня»; туркм. *beývan* – «степь».

Бийиктик [víjik'tik'] (зд. бийик – «высокий») – высота, возвышенность. В др.-турк. *bedük* – «высокий» [47, 91]. У Радлова В.В. *bíklik*, *bíktik* – «высота» [141, 1751]. Башк. *beýklik*, *beýeklek*, тат. *biéklek*, тув. *bedik*, хак. *pözik* – «возвышенность».

Бийик тоолуу жайыт [víjik'to:lu:žajyt] – высокогорное пастбище (см. **жайыт**).

Богоз (богуз) [boýoz/boýuz] (южн. д., досл. горло, глотка) – горный проход, место схождения ложбин; узкий пролив. В др.-турк. *boýuz* – «горло, глотка» [47, 110]. В Средней Азии термин распространен как «проход, пролив, перевал». У Радлова В.В. *богаз* – «ущелье, пролив, устье реки» [141, 1650]; каз. *бұғаз* – «пролив, узкая полоса воды»; туркм. *богаз* – «узкий выход из залива», уйг., башк., азерб., уйг. *богаз* – «пролив»; тат., к.-калп. *bugaz*, узб. *bўgaz* – в том же значении. Юдахин К.К. отмечает о частом употреблении термина на юге [211, 137], однако Конкобаев К. сообщает, что сфера употребления термина в южном диалекте ограничена, слово встречается лишь в говорах кыргызов Таджикистана [75, 25]. Термин входит в состав некоторых топонимов, напр.: пер. Ак-Богуз (хр. Академика Адышева), рч. Ак-Богуз (лев. пр. р. Ой-Тал) в Ошск. обл. и др.

Богуздок [boýuzdok] – предгорье долины, ложбины [75, 146].

Бодур (бодур-бодур) [bodur] – холм, бугор (см. **будур**).

Боз (бозон) [boz/bozoŋ] (досл. серый, землистый) – сухая степь, покрытая ковылем, полынью и др. В др.-турк. *boz* – «серый» [47, 115]. Каз. *боз* – «степная трава, пригодная для пастбища скота; степь, целина» [70, 68], так же туркм., азерб. *bözgyr*, к.-калп., узб., башк. *bўz*. Термин формирует многочисленные географические названия: рч. Боз-Жар (верх. р. Кош-Кара-Таш) в На-

рынск. обл.; пер. Туура-Боз (хр. Борколдой), г. Боз-Ала-Таш (хр. Күнгэй Ала-Тоо), р. Боз-Жалпак (прав. пр. р. Баралбас) в Иссык-Кульск. обл.; с. Боз-Адыр в Баткенск. обл. и др.

Боз талаа [bozтala:] – безлесная степь, с низкорослой растительностью (см. **боз**).

Боз топурак [boztopurak] – серозем (см. **топурак**).

Боом [bo:m] – крутая, высокая скалистая стена в ущелье речной долины; утесы, скалы над рекой. Алт. *боом* – «крутое скалистое выступление; скала»; тув. *боом* – «обрыв горного хребта над рекой». Широко известен топоним с этим термином: ур. *Боом* (дол. р. Чу) в Чуйск. обл.

Боор [bo:r] (досл. печень) – склон горы. В каз. яз. *бауыр* – «склон, подошва горы, возвышенности». Термин очень продуктивен в топонимии: г. *Боор-Теке* (хр. Суусамыр-Тоо) в Таласск. обл.; рч. *Боор-Теке-Суу* (лев. пр. р. Арамза) в Чуйск. обл. и др.

Борпон [borgror] – рыхлая, мягкая почва.

Борчук [borçuk] – небольшая острая скала на вершине горы; скалистый выступ.

Босого [bosogo] (досл. порог, дверной косяк) – возвышенность. В каз. яз. *bosaga* – «сопка или другая возвышенность, круто спускающаяся к сравнительно широкому продольному понижению между горами или холмами» [73, 11]; туркм. *bosaga* – «возвышение речного дна», тат. *búsaǵa*, алт. *босого*, уйг. *bosuga* – в значении «возвышенность». Термин нередко встречается в географических названиях: рч. *Босого-Таш* (лев. пр. р. Кайынды) в Чуйск обл.; ущ. *Босого* (р. Ат-Башы) в Нарынск. обл.; с. *Ак-Босого* в Ошск. обл. и др.

Босток [bostok] (тяныш. г.) – место без растительности из-за нехватки воды. Изредка можно встретить термин в топонимике, напр.: г. *Бостак* (хр. Боз-Кыр) в Иссык-Кульск. обл.

Бостон [boston] (ир., южн. д.) – плодовый сад; цветник; огород. В др.-турк. *bustan* – «сад» [47, 127]. Также у Радлова В.В. *бостан* [141, 2111, 1680]. Термин иногда употребляется в качестве наименования поселения, напр.: с. *Бостон* в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Бөгөт [bögöt'] – запруда, плотина. У Радлова В.В. *бёгөт* – «плотина» [141, 2111, 1706]. Каз. *бөгөт*, туркм. *bovet* – «запруда, водоем». Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: с. *Бөгөт* в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Бөгүш [bögüš] (южн. д.) – ответвление арыка, оросительной канавы.

Бөйрөк [böjrök'] (досл. почка) – впадина на склоне горы. Термин иногда встречается в географических наименованиях: рч. Бөйрөк (верх. р. Ак-Суу) в Чуйск. обл.; рч. Бөйрөк-Булак (лев. пр. р. Корумду) в Нарынск. обл. и др.

Бөк [bök'] – холм, сопка, возвышенность. У Радлова В.В. *бök* – «холм» [141, 2111, 1703].

Бөксө [bök'sö] – предгорье; весенне пастбище. Изредка термин входит в состав собственного географического названия, напр.: с. Бөксө-Жол в Ошск. обл. и др.

Бөксө тоо [bök'söto:] – плоскогорье.

Бөктөр [bök'tör] – холмистая местность, наклонные равнины. У Махмуда Кашигари *büktir* – «возвышенность; скалистая вершина горы» [47, 132]. Каз. *бөктөр* – «полого-волнистый склон более или менее крупной возвышенности; наклонные равнины, призывающие к склонам, шлейфы гор» [73, 11].

Будур (адыр-будур, будур-будур, чыбыр) [budur/adyrbudur/chybyr] – холмистая, бугристая местность (см. *адыр*).

Будурмак [budurmak] – бугор, холм, мелкая возвышенность.

Будурмактуу тоо [budurmaktu:to:] – бугристые горы.

Бузук [buzuk] – место слияния двух рек. Термин принят в Алайском районе [75, 147].

Буйга (буйтка) [buı̇ya/buı̇tka] – укромное место, укрытие. Изредка можно встретить термин в географических названиях, напр.: рч. Буйга (лев. пр. р. Тар), с. Буйга в Ошск. обл. и др.

Буйгат [buı̇gat] – ложбина на склоне горы; верхние разветвления *жыбыт* (см.).

Буйтоот (буйтоот жер) [buı̇to:t/buı̇to:tžer] – укромное место в стороне от дороги.

Булак [bulak] – родник, ручеек, источник (ср. *башат*). В др.-тюрк. *bulaq* – «источник; канал, арык» [47, 121]. У Радлова В.В. *булак* – «источник, родник мутной воды» [141, 2111, 1837]. Термин широко распространен в тюркских языках: тат. *болак* – «река, речка, ручей, рукав реки, проток» [37, 78]; алт., уйг., к.-калп., туркм. *булак*, азерб. *булаг*, узб. *булок* – «родник, источник, ключ, ручей»; каз. *булак* – «родник, образующий ручей, с грунтовым питанием»; тув. *булак* – «ручей в степи, родник, исток; горная долина». Термин широко бытует в топонимии, напр.: рч. Айгыр-Булак (лев. пр. р. Чон-Нарын), пер. Булак-Ашуу (хр. Тескей Ала-тоо) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Узун-Булак (прав. пр. р. Чон-

Кемин) в Чуйск. обл.; г. Беш-Булак (прав. берег р. Калба), с. Ак-Булак в Таласск. обл. и др.

Булактын көзү [bulaktynközü] – см. *көз*.

Булан [bulan] – степь, поле, где много травы. По сведениям Конкобаева К., термин употребляется в ичкилийском говоре [75, 147].

Булун [buluŋ] (досл. угол) – залив, излучина реки. В др.-тюрк. *buluŋ* – «угол; страна света, направление горизонта, край» [47, 124]. У Мурзаева Э.М. – «залив, излучина реки, меандра, мыс, сторона» [106, 101]; туркм., азерб., узб. *бурун*, хак. *пулунъ*, алт. *булун* – «залив, мыс»; тат. *булун* – «долина, лощина, низменность, пойма». Термин нередко встречается в составе географических названий: рч. Булун-Төр (прав. пр. р. Кейкап), зал. Кара-Булун (оз. Иссык-Куль) в Иссык-Кульск. обл.; с. Ак-Булун в Нарынск. обл. и др.

Булун токой [buluŋtokoj] – отдельный участок леса, зарослей (см. *токой*).

Булунча [buluŋča] – заводь.

Бурана [burana] (араб.) – минарет, башня. На юге Кыргызстана – «красноглинистое, песчаное место, где под действием ветра и воды образовались разные силуэты» [75, 147]. Термин иногда встречается в топонимии: р. Бурана (лев. пр. р. Чу) в Чуйск. обл.; рч. Бурана-Чап (прав. пр. р. Арпа) в Нарынск. обл. и др.

Бурул [burul] – извилистая река.

Бурчук [burčuk] – каменистый выступ.

Бутак [butak] (досл. ветка) – приток реки, проток, ответвление. В др.-тюрк. *butaq* – «ветка; разветвление» [47, 129].

Бүгүлмө [bügül'mö] (досл. сгиб) – крутой изгиб реки.

Былкылдак [bytkyldak] – зыбун, трясина, болотистая местность.

Быткыл [bytkyl] – углубление, небольшая впадина; (южн. д.) холм с плоским или впалым верхом [211, 173]. В др.-тюрк. *bic̄yil* – «трещина (на почве)» [47, 105]. В каз. языке *быткыл* – «впадина; извилистая впадина».

Гадыма [yadyma] (южн. д.) – дорога или тропа, идущая по склону горы.

Галла жай [yalažai] (ир., южн. д.; зд. галла – «посевы хлебных злаков») – земля, занятая под посевы зерновых.

Галчагөчөк [yalčagöčök'] (жерг. г.) – родник, бьющий силой из-под земли [75, 147].

Ганда [yanda] (узг.) – большой арык, от которого идут более мелкие к посевам.

Гар [yar] (ир., южн. д.) – пещера, грот, глубокая вымоина; также может обозначать «гора; перевал». У Радлова В.В. *гар* – «пещера» [141, 1546], в том же значении тадж., узб. *gor*, башк. *gur*.

Ген [geŋ] (южн. д.) – широкая равнина (ср. **кен**).

Гере [gere] (узг.) – то же, что **быткыл** (см.).

Гери [geri] (жерг. г.) – подножие горы. У Радлова В.В. *keri* – «подошва горы» [141, 1095].

Гозок [yozok] (батк.) – низменность, впадина.

Голдов [yoldov] (ир., южн. д.) – глубокое место реки.

Гопо [yopo] (южн. д.) – место, изобилующее травой.

Гор [yor] (лайк. г.) – пещера, грот.

Губор [yubor] (южн. д.) – то же, что **кокту** (см.).

Гөр [yör] – могила (см. **көр**). В др.-турк. *gür* – «могила» [47, 195], также у Радлова В.В. *göp*, *göp*, *köp* [141, 1584, 1591, 1248].

Дабаан (дабан) [daba:n/daban] – высокий горный перевал. У Радлова В.В. *дабан*, *даван* – «горный проход» [141, 1643]. Алт. *даваа*, хак. *даба*, узб. *довон* – «горный перевал». Термин нередко входит в состав собственных названий местности: пер. Арча-Даван (Алайский хр.) в Ошск. обл.; пер. Селик-Даван (Туркестанский хр.), рч. Жаны-Дабан (прав. пр. р. Кожо-Ашкан) в Баткенск. обл.; пер. Дабан (Чаткальский хр.) в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Дайра (дарыя) [daira/daryja] (ир.) – крупная полноводная река. В Азии употребляется для обозначения больших рек. У Радлова В.В. *daира*, *därja* – «большая река; море; большая вода» [141, 1606, 1673]; туркм. *деря*, узб. *darë*, уйг. *däriä*, тат., к.-калп., башк. *därrä* – в значении «река». Термин изредка встречается в топонимии, напр.: р. Кара-Дарыя в Ошск. обл. и др.

Дала (далаа, талаа) [dala/dala:/tala:] – поле; степь, равнинная местность. В др.-турк. *tala* – «степь» [47, 528]. У Радлова В.В. *дала* – «степь, равнина; пустыня» [141, 1633]. Узб. *дала* – «поле»; башк., к.-калп., каз. *дала* – «степь, открытая плоская местность, равнина».

Данги (денги) [daŋgi/deŋgi] (ир., южн. д.) – теснина, каньон, узкое ущелье. Термин иногда присутствует в составе географических наименований, напр.: рч. Данги (прав. пр. р. Нарын) в Нарынск. обл. и др.

Дара (дере) [dara/dere] (ир.) – ущелье, теснина, овраг. У Радлова В.В. *däṛä* – «овраг» [141, 1670]. Тат. *dere*, узб. *dara*, азерб. *dərə* – «теснина, ущелье». Термин изредка встречается в топонимии Кыргызстана, напр.: рч. Алтын-Дара (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл. и др.

Дарат [darat] (южн. д.) – ложбина. Топонимы с этим термином немногочисленны: рч. Дароот (прав. пр. р. Кызыл-Суу), с. Дароот-Коргон в Ошск. обл. и др.

Дарбаза [darbaza] (досл. ворота) – ущелье, горный проход.

Даргат [dargat] (ир., южн. д.) – запруда, шлюз.

Дарыя арасы [daryja arasy] – междуречье (см. **дайра**).

Даш (дашт) [daš/dašt] (ир., южн. д.) – пустыня; степь; равнина.

Делбак [del'bak] (южн. д.) – то же, что **кокту** (см.).

Дениз (тениз) [deŋiz/teŋiz] – море; большое озеро. В др.-турк. *deyiz*, *teyiz* – «море» [47, 160], так же у Радлова В.В. *däñiz* [141, 1667]. Термин имеет широкий ареал распространения в тюркских языках: узб. *deniz*, каз. *teñiz*, азерб. *dəñiz*, туркм. *deñiz*, башк. *diñgez*.

Депсен [depsen] (ир.) – небольшая ровная впадина в горах; площадка.

Долон [dolon] (ир.) – горный проход. Интересно, что Койчубаев Е., со ссылкой на Джамгерчинова Б. [1946, 36], указывает на этническую основу *долон*, подтверждающую сказания о происхождении кыргызских родов «от легендарного Долон-Бия, который во времена Чингиз-хана убежал от него в направлении Андижана и Ходжента, а впоследствии в поисках своего брата Ырысдархана, плененного Чингиз-ханом, оказался в районе Нарына, где и поселился...» [70, 80]. Термин часто входит в состав географических наименований: пер. Долон (хр. Байдулу-Тоо) в Нарынск. обл.; с. Долон в Иссык-Кульск. обл. и др.

Дөбө (дөн) [döbö/döŋ] – холм, сопка, бугор (ср. **төбө**). Многочисленные примеры в топонимии: г. Көк-Дөбө (хр. Жумгал-Тоо), рч. Кара-Дөбө (прав. пр. р. Жорго-Сейит) в Нарынск. обл.; с. Ак-Дөбө в Ошск. обл. и др.

Дөбөчө (дөбөчүк) [döböčö/döböčük'] – холмик (см. **дөбө**).

Дөгдүр [dögdür] – холмик.

Дөлвөлөң [döl'völöŋ] (южн. д.) – ровная степь (см. **даш**).

Дөмбүл [dömbü'l] – бугристая местность.

Дөмөр [dömör] – кочка на болоте. Термин изредка входит в состав собственного географического названия, напр.: с. Дөмөр в Джалаал-Абадск. обл.

Дөмпөк [dömpök`] – выпуклая возвышенность; горка, бугор. В том же значении каз. *домбак*, узб. *дўмбок*.

Дөң [döŋ] – возвышенность, холм, бугор, гряда (см. **дөбө**). У Радлова В.В. *töŋ*, *döŋ* – «холм» [141, 1246]. Каз. *döŋ* – «выпукло-пологая сравнительно небольшая возвышенность, вытянутая в одном направлении» [73, 13]. Термин широко распространен в Кыргызстане: г. Мазар-Дөң (хр. Чон-Боор-Тоо) в Ошск. обл.; пер. Дөң-Корумду (хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; рч. Дөң-Кашка-Суу (прав. пр. р. Орто-Кууганды) в Нарынск. обл.; с. Дөң-Арык в Чуйск. обл. и др.

Дөңгөк [döŋgök`] – сравнительно небольшая возвышенность; холмик.

Дөңгүл [döŋgül`] – бугорок, холмик.

Дөңсөө [döŋsö:] – небольшая возвышенность.

Дөрөө [dörö:] (ир.) – горный проход. Термин нередко используется в топонимии: р. Дөрө-Суу (пр. оз. Иссык-Куль), г. Дөрөө (хр. Күнгөй Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Дөрөө (лев. пр. р. Чон-Кемин) в Чуйск. обл. и др.

Дөш (төш) [döš/töš] (южн. д., досл. грудь) – склон горы; нижняя часть склона (см. **төш**). Термин изредка используется в топонимии, напр.: с. Дөш в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Дың [dyŋ] – целина.

Дың жер [dyŋžer] – целинная земля.

Жаздоо [žazdo:] – летнее пастбище.

Жазы [žazy] (досл. широкий, просторный) – равнина; простор. В др.-турк. *jazı* – «степь, равнина» [47, 251]. У Радлова В.В. *jasы* – «плоский, широкий, ровный», *jazы* – «кровный, равнина, степь» [141, 219, 229]; в хак. яз. *чазы* – «поле, степь». Термин часто входит в состав географических наименований: р. Жазы (прав. пр. р. Кара-Дарыя) в Ошск. обл.; пер. Сары-Жазы (хр. Аңдыген-Тоо) в Баткенск. обл.; с. Жазы-Кечүү в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Жазык [žazyk] – ровная местность; равнина; простор. У Махмуда Кашгари *jazaq* – «пастбище» [47, 251]. Каз., узб. *жазык* имеет такое же значение, алт. *jazulu* – «раскинувшийся; ровный».

Жай [zai] – местность. В узб. языке – *жой*, в каз. и уйг. – *жай*. Термин нередко встречается в топонимии, напр.: с. Ак-Жай в Ошск. обл.; с. Жай-Терек в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Жайдак [žaidak] – голое место; открытая местность.

Жайлак [žailak] – летнее пастбище. В др.-турк. *jajlıq* – «летнее местопребывание, летний дворец» [47, 227]; хак. *чайлаг* – «летнее

пастбище»; тув. *чайлаг* – «летнее стойбище, пастбище». Термин иногда присутствует в составе некоторых географических названий, напр.: пер. Тер-Жайлак (хр. Суусамыр-Тоо), пер. Тер-Жайлак-Суу (хр. Суусамыр-Тоо) в Нарынск. обл. и др.

Жайлоо [žailo:] – летовка, летнее высокогорное пастбище. У Мурзаева Э.М. *жайлоо* – «летовка, летние пастбища, расположенные высоко в горах, на высотах свыше 2000–2500 м, и представленные высокогорными степями и субальпийскими лугами» [101, 322]. По его наблюдениям, самое известное жайлоо в Кыргызстане расположено в широкой горной долине Суусамыр, на юг от Кыргызского хребта. В др.-турк. *jajlay* – «летнее местопребывание, летовка» [47, 227]. Алт. *жайлу*, каз. *жайлай*, узб. *яйлов*, хак. *чайлаг* – «летнее пастбище; летовье; летняя стоянка». Термин имеет широкий ареал распространения: пер. Ат-Жайлоо (хр. Нарын-Тоо), рч. Жайлоо-Булак (лев. пр. р. Каракужур) в Нарынск. обл.; г. Жаны-Жайлоо (хр. Күнгөй Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; р. Кан-Жайлоо (прав. пр. Узун-Акмат) в Таласск. обл. и др.

Жайма (жайылма) [žaima/žajylma] – низменность; распостершая, широкая местность; пойма реки. Каз. *жайма*, *жайылма* – «широкая пойма реки; пониженная местность, заливаемая водой во время половодья». Термин иногда употребляется в качестве собственного географического названия, напр.: с. Жайылма в Чуйск. обл. и др.

Жайык [žajyk] – широкая, распостершая местность; равнина. У Радлова В.В. *jaŷik* – «широкий, распространенный», *jaŷyk* – «разостланный, разливающийся; поверхность воды, разлив воды» [141, 75, 77]. Термин иногда входит в состав географических названий, напр.: с. Көк-Жайык в Иссык-Кульск. обл. и др.

Жайыктык [žajyktyk] – низменность, низко расположенная равнина. В др.-турк. *jadıylıj* – «плоский, распостертый» [47, 225]

Жайылма [žajylma] – широкая пойма реки, приречная равнина (см. **жайма**).

Жайыт [žajyt] – пастбище, выгон.

Жака [žaka] (досл. воротник) – побережье; предгорье. В др.-турк. *jaqa* – «ворот, воротник» [47, 257]. У Радлова В.В. *jaka*, *jaga* – «ворот, воротник; край, берег» [141, 25, 39]. Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: с. Жака в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Жал [žal] (досл. грива) – вал, гряды; гребень горы; в некоторых местах то же, что **алыш** (см.). У Махмуда Кашгари *jal* – «грива; загривок» [47, 227]. В каз. яз. *жал* – «более или менее значительная вытянутая возвышенность с относительно крутыми склонами, с ясно выраженным гребнем и подошвой» [73, 15]. Такое же значение имеют тув. *чал*, азерб., туркм. *ял*. Термин иногда присутствует в топонимии Кыргызстана, напр.: г. Айгыр-Жал в Нарынской обл.; с. Жал в Чуйск. обл. и др.

Жалак [žalak] – солонцеватая почва; большие углубления, образуемые вследствие вылизывания животными солонцеватой почвы (см. **марча**). Термин изредка присутствует в составе собственного географического названия: пер. Жалак-Бел (хр. Кара-Жорго) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Жалама [žalama] – гладкая, ровная местность без шероховатостей.

Жалама боор [žalamabo:r] – гладкий склон горы (см. **боор**).

Жалама зоо [žalamazo:] – высокая, гладкая скала (см. **зоо**).

Жалаң [žalaŋ] – голая, открытая местность. В др.-турк. *jalanj*, *jalij* – «голый, нагой» [47, 227]. В алт. яз. *жалан* – «поле, долина, равнина; открытое, голое место».

Жалпак тоо [žalpako:] (зд. жалпак – «плоский») – плоскогорье.

Жалтыр (жылтыр) [žaltyr/žyltyr] (досл. блестящий) – открытая водная поверхность. В др.-турк. *jaltır* – «сверкать, блестеть» [47, 250]. В каз. яз. *жалтыр* – «открытое, не заросшее травой озеро, открытая водная поверхность, гладь» [73, 15].

Жанбоор [žanbo:r] – то же, что **жантайма** (см.).

Жандоо [žando:] – склон горы.

Жантайма [žantaima] – косогор. У Радлова В.В. *jandai* – «покатый, пологий» [141, 92].

Жантайма түздүк [žantaimatüzdük'] – подгорная равнина.

Жантак [žantak] (южн. д.) – предгорье.

Жантык [žantyk] – наклонная местность. У Радлова В.В. *jantyk* – «косой, пологий; наклонившийся», *jandaklyk* – «покатость» [141, 92].

Жануур [žanu:r] – предгорье, взгорье [75, 149].

Жангел [žaŋgel'] (ир., южн. д.) – лес, лесная чаща; заросли кустарника.

Жапан [žapan] – дикая, безлюдная местность. У Радлова В.В. *japan* – «степь, поле» [141, 261]. В каз. *жапан* – «бездлюдная, необитаемая степь или местность».

Жапкак (жапкак таш) [žapkak/žapkaktaš] – нависающая скала.

Жапкак таш [žapkaktaš] – см. **жапкак**.

Жар [žar] – яр, обрыв, овраг, круча. В др.-турк. *jar* – «яр, овраг» [47, 258]. У Радлова В.В. *jar* – «крутое берег, крутизна; пропасть, отвесная скала» [141, 100]. В туркм., к.-калп., узб., каз. *жар* – «яр, обрыв; крутое берег реки»; хак. *чар* – «берег, яр»; алт. *jar*, тат. *jar*, башк. *яр*, азерб. *ярган* – «яр, обрыв». Термин формирует многочисленные географические названия, напр.: пер. Жаман-Жар (гг. Калча-Башы) в Баткенск. обл.; рч. Боз-Жар (верх. р. Кош-Кара-Таш) в Нарынск. обл.; рч. Козу-Жар (прав. пр. р. Чычкан), с. Ак-Жар в Таласск. обл. и др.

Жар таш [žartaš] – утес, скалистый обрыв.

Жарма [žarma] (досл. расколотый) – расщелина.

Жарык (жартык) [žaryk/žartyk] – трещина, щель; трещина в почве; теснина. В др.-турк. *jaruq*, *jerük* – «трещина, брешь; треснутый, расколотый» [47, 247, 258]. У Радлова В.В. *жарык*, *jaryk* – «щель» [141, 121, 133]. В каз. *жарык* – «местность, изрезанная текучими водами; проток или рукав реки; трещина в почве» [73, 16]. Алт. *жарык*, азерб. *ярыг*, туркм., тат. *ярык*, узб. *ёрик*, хак. *чарык* – в значении «трещина; трещина в почве». Термин изредка встречается в топонимии, напр.: г. Туюк-Жарык (хр. Күңгөй Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.

Жартык [žartyk] – см. **жарык**.

Жарым арал [žarymaral] – полуостров (см. **арал**).

Жарым чөл [žarymčöl'] – полупустыня (см. **чөл**).

Жашан [žašaŋ] (досл. (о траве) зеленый, молодой) – зеленый луг.

Жашыл көл [žašylköl'] (досл. зеленое озеро). Обильны примеры в топонимии: оз. Жашыл-Көл (верх. р. Чоң-Нарын) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Жашыл-Көл (прав. пр. р. Ак-Терек) в Баткенск. обл.; г. Жашыл-Көл (хр. Көк-Ойрок), оз. Жашыл-Көл (басс. р. Чоң-Кемин) в Чуйск. обл. и др.

Жая [žaja] – пологий горный выступ. Термин иногда входит в состав географического названия, напр.: ур. Баш-Жая в Чуйск. обл. и др.

Жер [žer] – земля; местность. В др.-турк. *jer* – «земля; место; страна» [47, 257]. У Радлова В.В. *järp* – «земля, место» [141, 337–336]. Каз. *жер*, туркм., азерб., башк., узб. *er*, хак. *chir*, тув. *cher* имеют то же значение. Нередко встречаются топонимы с этим термином: хр. Жаны-Жер, рч. Жер-Көчкү (прав. пр. р. Көкө-

мерен) в Нарынск. обл.; пер. Жер-Казган (хр. Бабаш-Ата) в Таласск. обл.; с. Жаңы-Жер в Баткенск. обл. и др.

Жерге [žerge] – население нескольких айылов (см. **айыл**); стойбище. Топонимы с этим термином немногочисленны: пер. Жерге-Тал (Алайский хр.) в Ошск. обл.; рч. Жерге-Тал (лев. пр. р. Узун-Акмат) в Таласск. обл.; с. Жерге-Тал в Нарынск. обл. и др.

Жергүй (куй, кургүй) [žerγui/kui/kuryui] – глубокая яма, вымоина; расщелина.

Жер суу [žersu:] – грунтовая вода (см. **суу**).

Жинди суу [žindisu:] (досл. бешеная вода) – бесноватая, выходящая из берегов река. Многочисленны примеры в топонимии: рч. Жинди-Суу (прав. пр. р. Каракол) в Чуйск. обл.; р. Жинди-Суу (лев. пр. р. Кара-Үңкүр) в Джадал-Абадск. обл.; рч. Жинди-Суу (лев. пр. р. Чоң-Кемин) в Чуйск. обл. и др.

Жол [žol] – дорога, путь, тропа. В др.-турк. *jol* – «дорога» [47, 270]. У Радлова В.В. *jol* – «дорога, улица» [141, 429]. Каз., к-калп. *жол*, узб. *йўл*, хак. *чол*, алт. *жол*, туркм., азерб. *йол* – «дорога, путь, направление». Термин широко распространен в топонимии: пер. Ак-Жол (хр. Суусамыр-Тоо) в Нарынск. обл.; рч. Чоң-Жол (лев. пр. р. Урум-Арал) в Таласск. обл.; г. Кой-Жолу (Алайский хр.) в Ошск. обл.; рч. Ак-Жол (лев. пр. р. Кара-Суу) в Джадал-Абадск. обл.; с. Жаңы-Жол в Чуйск. обл. и др.

Жон [žon] (досл. спинной хребет) – гребень горы, кромка хребта. У Конкашпаева Г.К. *жон* – «пологая, широкая, удлиненная возвышенность со сглаженным верхом; удлиненное плато. Вместе с тем термин имеет оттенок необитаемости и безводности» [73, 17]. Термин часто можно встретить в географических названиях: пер. Жон-Ашуу (хр. Какшаал-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; ур. Балыкты-Жон (хр. Какшаал-Тоо), рч. Сары-Жон (прав. пр. р. Каракол) в Нарынск. обл.; хр. Сары-Жон (хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; с. Бешик-Жон в Джадал-Абадск. обл. и др.

Жонокчо [žonokčo] (сев. д.) – гребень невысокой горы.

Жонос [žonos] – край, берег ложбины, оврага; место, поросшее высокой травой, осокой.

Жото [žoto] (досл. хребет) – гребень горы, горный хребет. В каз. яз. *жота* – «гряды, или горный хребет».

Жошо [žošo] – сурик, красная глина. Термин иногда употребляется в качестве собственного географического названия: рч. Жошо (лев. пр. р. Кенкол) в Таласск. обл.; рч. Жошо (верх. р. Карап-

март) в Джадал-Абадск. обл.; р. Жошолу (прав. пр. р. Гүлчө) в Ошск. обл. и др.

Жөлөнүш [žölönüş] – небольшой склон, небольшое возвышение.

Жөлөңкө [žölönkö] – пологий склон между равниной и крутым подъемом.

Жөлөңкөлүү керүү [žölönkölü:kerü:] – отрог с пологим склоном (см. **керүү**).

Журт [žurt] страна; (южн. д.) – селение, населенный пункт. У Радлова В.В. *jurt* – «место жительства, стоянка, жилище; страна; народ» [141, 548–549]. Уйг. *журт*, узб., туркм. *юрт*, хак., тув. *чурт*, каз. *жүрт* – «страна; население».

Жуука [žu:ka] – теснина, каньон. Термин иногда употребляется как собственное географическое название: г. Жууку (хр. Тескей Ала-Тоо), пер. Жууку (хр. Тескей Ала-Тоо), р. Жууку (пр. оз. Иссык-Куль) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Жүрөкчө [žürök`čö] (досл. сердце) – небольшой холм в горной местности. В др.-турк. *jüräk* – «сердце» [47, 286]. Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: пер. Жүрөк (хр. Какшаал-Тоо) в Нарынск. обл. и др.

Жыбыт [žybyt] – небольшой овраг, ложбина, впадина; русло, ложе ручья.

Жыбытчы [žybytča] – то же, что **жыбыт** (см.), но меньших размеров.

Жыкма [žykma] – место отвода арыка.

Жылаңаң [žylaŋač] (досл. голый, обнаженный) – голое, открытое место. В др.-турк. *jalaŋ* – «голый, нагой» [47, 227]. Немало примеров в топонимии: пер. Жылаңаң (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; пик Жылаңаң (Туркестанский хр.) в Баткенск. обл.; рч. Жылаңаң (лев. пр. р. Жаңы-Жер) в Нарын обл.; рч. Жылаңаң-Сай (прав. пр. р. Чок-Тал) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Жылбышма [žylbyšma] – осыпь, каменистые россыпи на склонах и на плоских вершинах плато.

Жылга [žylga] – речка, ложе ручья; длинная впадина, ложбина, балка, овраг. У Радлова В.В. *jylga* – «ручей, река» [141, 486]. Термин широко распространен в тюркских языках: каз. *жылга* – «ручей, речка, текущая в овраге»; тув. *жалга* – «ложина, ложбина, овраг, балка, ров»; узб. *жилга* – «ручей, проток»; уйг. *жىلغا* – «ложбина, балка, овраг, ручей, речка, русло реки»; башк. *йылга* – «река». В современном татарском языке *йылга* употребляется не только для обозначения небольших речек,

притоков более крупных рек, как было в прошлом, но и для обозначения больших линейных объектов [37, 32]. Термин активен в образовании географических названий: рч. Ат-Жылга (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл.; гг. Кара-Жылга в Таласск. обл.; рч. Чет-Кара-Жылга (верх. р. Көк-Кыя), рч. Орто-Жылга (верх. р. Ак-Сай) в Нарынск. обл.; с. Он-Бир-Жылга в Чуйск. обл. и др.

Жылгача [žylgača] – то же, что **жылга** (см.), но меньших размеров.

Жылтыр [žyltyr] – то же, что **жалтыр** (см.).

Жыра [žyra] – ущелье, овраг; промоина, подмытый водой обрыв. Каз. *жыра* – «балка, лощина, овраг».

Жырака [žyraka, žaraka] – щель.

Жээк (кылаа) [žä:k'/kyla:] – берег озерный, речной, кайма, край; узкая полоса суши. Термин не обладает заметной топонимообразующей активностью: с. Жээк в Чуйск. обл. и др.

Завир (завур) [zavir/zavur] (ир., южн. д.) – рытвина, промоина.

Зангар [zaŋgar] – высокая гора.

Зангел [zaŋgel'] – огромная скала.

Зангел тоо [zaŋgel' to:] – скалистая гора.

Зов [zov] (южн. д.) – то же, что **зоо** (см.).

Зонкок [zoŋkok] – вершина, возвышающаяся над окружающими горами.

Зоо [zoo] – недоступная дикая скала. Термин нередко употребляется в составе собственного географического названия, напр.: г. Ак-Зоо (хр. Молдо-Тоо), рч. Кара-Зоо (прав. пр. р. Сары-Күнгөй) в Нарынск. обл.; р. Тон-Зоо (лев. пр. р. Ой-Тал) в Ошск. обл.; хр. Ак-Зоо (хр. Какшаал-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Зоока [zo:ka] – утес, скала.

Зыңгыр (зыңгыр тоо) [zyŋgyrto:] – величественная лысая гора.

Ийрим [ijrim] – пучина, омут; водоворот.

Ири суу [irisu:] – крупная река.

Ирим [irim] – пучина, омут; заводь; водоворот; отдельные озерки; плесы. У Радлова В.В. *irım* – «залив, затон, плес; место, удобное для рыбной ловли» [141, 1464]. В каз. языке *irım* – «отдельные мелкие плесы, на которые распадается мелководная река» [73, 18]. Термин изредка входит в состав географических названий: хр. Көк-Ирим-Тоо, р. Көк-Ирим (лев. пр. р. Нарын) в Нарынск. обл. и др.

Ичке суу [ičkesu:] (зд. «ичке» – тонкий, узкий) – узкая полоса реки. У Радлова В.В. *ičkä* – «тонкий, маленький» [141, 1518]. Топони-

мы немногочисленны, напр.: рч. Баш-Ичке-Суу (лев. пр. р. Ак-Сай), р. Орто-Ичке-Суу (лев. пр. р. Ак-Сай) в Нарынск. обл.; рч. Ичке-Суу (прав. пр. р. Чон-Кемин) в Чуйск. обл.; р. Ичке-Суу (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл. и др.

Ичке жол [ičkežol] – тропинка по ущельям и ложбинам.

Кабак [kavak] (досл. веко, надбровные дуги) – рытвина, впадина; обрыв. В др.-турк. *qabaq, qaraq* – «веко» [47, 399, 420]. У Радлова В.В. *kabak* – «косогор, яр, берег» [141, 435]. В каз. *kabak* – «высокий берег реки или озера, обрыв; карниз над пропастью; терраса» [73, 18]. Башк. *kabak* – «обрыв (обычно у реки)». Термин нередко присутствует в топонимии: гг. Кабак-Тоо (хр. Молдо-Тоо), хр. Кабак-Тоо в Нарынск. обл.; рч. Кара-Кабак (прав. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл.; с. Кабак в Иссык-Кульск. обл. и др.

Кабак жер [kavakžer] – лощина.

Кабыр [kabyr] (араб.) – могила; надгробие; мавзолей. У Радлова В.В. *kabîr* – «могила» [141, 453].

Кабырга [kabyrga] (досл. ребро) – склон горы, косогор. У Радлова В.В. *kabyrga* «косогор» [141, 451]. Хак. *хабырга*, каз. *kabyrga*, башк. *кабыра* – «склон». Иногда термин употребляется в качестве собственного географического названия, напр.: рч. Кабырга (пр. оз. Иссык-Куль) в Иссык-Кульск. обл.

Кадам жай (кадамжай) [kadamžai] (араб.-ир., южн.) – место, где ступала нога святого или пророка; могила святого; святое место. Иногда употребляется в качестве собственного географического названия, напр.: пгт Кадам-Жай в Баткенск. обл. и др.

Кадуу [kadu:] – склон горы. Термин нередко встречается в топонимии: рч. Кадуу-Булак (верх. р. Сары-Күнгөй), пер. Кадуу (хр. Молдо-Тоо) в Нарынск. обл.; хр. Кадуу в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Кадыма [kadyma] (южн. д.) – тропинка.

Кайкаң [kaikaŋ] – небольшая горная седловина.

Кайкы [kaiky] – небольшая впадина между гор, седловина. В каз. языке *kaiky* – «небольшие пологие долины, встречающиеся на небольшой высоте в горах среди скал и мелких сопок» [73, 18].

Кайкылуу бел [kaikylu:bel'] – горный перевал в виде седловины (см. бел.).

Кайнар (кайнар булак) [kainarbulak] – сильно бьющий источник, ключ, бурлящий родник. В др.-турк. *qaına* – «кипеть, вариться, бурлить, клокотать» [47, 407–408]. У Радлова В.В. *kaiñar* –

«сильно бьющий источник» [141, 16]. Каз. *кайнар*, азерб. *гайнар*, уйг. *кайнар булак* – «горячий источник». Обильны примеры в топонимии, напр.: пер. Кайнар (хр. Ат-Башы-Тоо) в Нарынск. обл.; с. Кайнар в Таласск. обл.; оз. Кайнар (хр. Борколдой-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Кайырма алыш [kajurma alyš] – отводной канал (см. **алыш**).

Как [kak] – углубление, оставшееся от высохшего болотца; яма, где задерживается дождевая вода. В др.-турк. *qaq* – «лужа, стоячая вода» [47, 422]. По Радлову В.В., *как* – «стоячая вода, пруд, лужа» [141, 57]; в алт. *kaak* – «суша, твердый грунт, сухая почва» [25, 15]; в каз. *kak* – «плоское неглубокое озеро (чаще небольшое) с пресной водой, которое к концу лета высыхает совершенно или становится солоноватым» [73, 19]. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: рч. Какты-Булак (лев. пр. р. Кара-Сай) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Каксоо [kakso:] – каменистое, покрытое галькой или песчаное, сухое место.

Какшаал [kakša:l] – суровая, дикая местность; валежник. У Радлова В.В. *kakšaal* – «сохнуть; иссыхать; гибнуть; сухое дерево; куча леса, нанесенная водой, нанос речной» [141, 67–68]. Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: р. Какшаал (басс. р. Тарим) в Нарынск. обл.; хр. Какшаал-Тоо в Иссык-Кульск. обл. и др.

Какшыган чөл [kakšyγančö'l] – сухая степь (см. **чөл**).

Какыр [kakyr] – сухое место, куда не доходит вода. Иногда термин употребляется в качестве собственного географического названия, напр.: рч. Какыр (прав. пр. р. Нарын) в Нарынск. обл.; с. Какыр в Ошск. обл. и др.

Какыр талаа [kakytala:] – безжизненная пустыня (см. **талаа**).

Кала (калаа) [kala/kala:] – крепость; город. В др.-турк. *qala* – «укрепленная часть города; город» [47, 410], так же каз., башк., тат., узб. *kala*, азерб., туркм. *gala*.

Калкагар [kalkaγar] – нависший утес, обрыв горы; высокая скалистая гора. Термин изредка употребляется в качестве собственного географического названия: г. Калкагар в Иссык-Кульск. обл.; рч. Калкагар (верх. р. Терек) в Нарынск. обл. и др.

Камал [kamal] – укрепление, крепостная стена. У Радлова В.В. *kamal* – «крепость, окопы» [141, 480]. В каз. *kamal* – «укрепление, вал; крепость».

Канак [kanak] – оросительный канал, арык.

Канал [kanal] – во всех значениях канал.

Каналча [kanalča] – маленький канал.

Кандек [kandek'] (ир., тяньш. г., тал. г.) – трещина в земле, яма; (уст.) крепостной ров.

Капка [karpa] (досл. ворота) – вход в ущелье; ущелье. В др.-турк. *qarpa* – «ворота» [47, 420]. Топонимы с этим термином немногочисленны: пер. Капка (хр. Такталык), ущ. Кичи-Капка (гг. Ак-Таш) в Таласск. обл. и др.

Капкак таш [karpkaktaš] (зд. *kapkak* – «крышка, покрышка») – на-висшая скала. В др.-турк. *qaraq* – «покрышка, крышка» [47, 420]. Топонимы немногочисленны: оз. Капка-Таш (верх. р. Ка-ра-Суу), рч. Капка-Таш (верх. р. Кара-Суу) в Таласск. обл.; рч. Капка-Таш (лев. пр. р. Чычырканак) в Ошск. обл. и др.

Каптал [kaptal] – склон горы, откос, покатость. У Радлова В.В. *kaptal* – «косогор» [141, 427]. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: с. Уч-Каптал в Ошск. обл. и др.

Каптал тоо [kaptalto:] – пологая гора (см. **тоо**).

Каптал этеги [kaptalätegi] – подошва горы, подошва склона (см. **этек**).

Капчал [kapčal] – скалистое ущелье; каньон. У Радлова В.В. *kapčal* – «непроходимое место; утес, отвесная скала» [141, 429]. В алт. языке *kapčal*, в тув. – *kašpal*.

Капчал жол [kapčalžol] – дорога по скалистому ущелью (см. **жол**).

Капчыгай [karpžyγaj] – горное ущелье; узкая и длинная горная долина с рекой. У Махмуда Кашгари *qaršaq* – «место слияния реки с притоком» [47, 420]. Каз. *kapčyγai* – «глубокое скалистое ущелье в горах, по которому течет река» [73, 19]. Термин нередко употребляется в топонимии: пер. Ак-Капчыгай (Мискенский хр.) в Джалаал-Абадск. обл.; ур. Капчыгай в Нарын обл.; рч. Капчыгай (верх. р. Торкент) в Таласск. обл. и др.

Кара [kara] (досл. черный) – не покрытое снегом место в горах (ср. **кара күнгөй**). В др.-турк. *qara* – «черный» [47, 422]. У Радлова В.В. *kara* – «земля, суша» [141, 142]. По Конкашпаеву Г.К., *kara* – «сопка и сравнительно крупная возвышенность, сложенная из твердых горных пород с частыми обнажениями, обычно темного цвета. Силуэт такой возвышенности, вырисовываясь на горизонте, издали кажется темным» [73, 19]. Алт. *kara* – «место, лишенное растительности», так же в тув., башк., тат. Термин *kara*

входит в состав многих географических названий: пер. Кара-Бел (хр. Какшаал-Тоо) в Нарынск. обл.; гг. Кара-Бий (Алайский хр.) в Ошск. обл.; р. Кара-Булак (лев. пр. р. Суусамыр) в Чуйск. обл.; ледн. Кара-Баткак (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; с. Кара-Буура в Таласск. обл. и др.

Кара айдоо [karaido:] – свежевспаханное поле.

Кара булак [karabulak] – грунтовый родник (см. **булак**). В гидронимах выступает в значении «грунтовая, почвенная» [70, 119].

Кара жер [karažer] (досл. черная земля) – земля; земля, не покрытая снегом. У Радлова В.В. *kara jäp* – «черная земля; чернозем» [141, 137].

Кара жол [karažol] – широкая грунтовая дорога (см. **жол**).

Кара күнгөй [karaküngöj] – свободный от снега южный склон горы. Обильны примеры в топонимии, напр.: г. Кара-Күнгөй (лев. берег. р. Жети-Өгүз) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Кара-Күнгөй (прав. пр. р. Көкөмерен) в Нарынск. обл.; с. Кара-Күнгөй в Таласск. обл. и др.

Кара суу [karasu:] (досл. черная вода) – река, питающаяся выходами грунтовых вод; родниковая речка. У Радлова В.В. *kara sү*, *kara sүг* – «источник, ключ, родник, ручей» [141, 133, 137]. Конкаш-паев Г.К. приводит несколько значений *karasу*: «а) отдельные более или менее крупные плесы, на которые летом распадается маловодная степная река; б) небольшие озера, образовавшиеся во время разлива в понижениях поймы (в старицах, в различных протоках и т.п.), лишившиеся после спада воды связи с рекой; в) река, питающаяся грунтовыми водами ниже конуса выноса горных речек вдоль предгорий; г) родник, стоячая вода и река с грунтовым питанием» [73, 20]. В алт. *kara-suу* – «родник, родниковый, родниковая вода; ключ (источник), ключевой; ручей; прозрачная река» [25, 16]; хак. *karasug* – «родник, ключ; речка, берущая свое начало из ручья, родника»; тув. *kara sүг* – «ключ, родник, ручеек». Обильны примеры в топонимии: пер. Бел-Кара-Суу (хр. Орток-Тоо) в Нарынск. обл.; р. Кара-Суу (лев. пр. р. Нарын) в Таласск. обл.; оз. Кара-Суу (басс. р. Кара-Суу) в Джалаал-Абадск. обл.; рч. Кара-Суу (лев. пр. р. Ак-Терек) в Иссык-Кульск. обл.; с. Кара-Суу в Чуйск. обл. и др.

Кара тоо [karato:] (досл. черные горы) – горы, не имеющие летом снежного покрова. У Мурзаева Э.М.: «В отличие от Ала-Тау, под Кара-Тау известны низкие горы и хребты, которые не име-

ют летом снежного покрова. Ландшафт кара-тау, как низких гор, пустынный и полупустынный, только в верхних поясах располагаются степи. Кара-Тау маловодны и дают начало хотя и многочисленным, но небольшим рекам, доходящим обычно только до подгорных равнин, где они сразу же иссякают, отдавая воды на орошение, фильтрацию и испарение» [101, 325]. Топонимы с этим термином многочисленны, напр.: г. Кара-Тоо в Баткенск. обл.; гг. Кара-Тоо (хр. Нарын-Тоо), с. Кара-Тоо в Нарынск. обл. и др.

Кара топурак [karatopurak] (досл. черная почва) – чернозем (см. **топурак**). Мурзаев Э.М. отмечает, что *kara topurak* – «черноземовидные почвы, встречающиеся на Тянь-Шане только в горах, в зонах лиственных лесов, на участках, лишенных леса, и в луговой степи. Доходит в южной Киргизии до высоты 3200–3300 м абсолютной высоты» [101, 325].

Кара чопо [karačoro] – чернозем (см. **чопо**).

Каш [kaš] (досл. бровь) – возвышенность; берег. В др.-турк. *qaš* – «бровь; край, берег, бровка, граница» [47, 431]. У Радлова В.В. *kac*, *kashi* – «возвышенный край, берег большой реки или моря; выпуклость, возвышение, вал, сторона, рубеж» [141, 375, 386]. Каз. *kac*, хак. *hac*, башк., уйг., тат. *kai* – в значении «возвышенность».

Кашага [kašaga] (южн. д.) – подмытый берег.

Кашат [kašat] – высокий берег. У Радлова В.В. *kashat* – «овраг, холм» [141, 392]. Изредка встречается в топонимии, напр.: ур. Кара-Кашат, с. Ак-Кашат в Чуйск. обл.; с. Көк-Кашат в Таласск. обл. и др.

Кашка [kaška] (досл. лысый; животные со звездочкой на лбу) – голые пики, лишенные растительности; беслесные долины; голые холмы. В др.-турк. *qašya* – «белая отметина на лбу животного, звездочка» [47, 431]. Радлов В.В. приводит несколько значений термина *kashka* – «лысый, лысина; белое пятно на лбу лошади; сухой, высыхать» [141, 394–395]. Часто встречается в составе географических наименований: пер. Кашка-Жол (Кеминский хр.) в Чуйск. обл.; пер. Катта-Кашка-Суу (Алайский хр.) в Ошск. обл.; рч. Уч-Кашка (лев. пр. р. Каркыра) в Таласск. обл.; пер. Кашка-Төр (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; с. Кашка-Терек в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Кашка суу (көк кашка суу) [kaškasu:/kök'kaškasu:] – чистая прозрачная река. Обильны примеры в топонимии: пер. Кашка-Суу

(хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Баш-Кашка-Суу (прав. пр. р. Мұдұрұм) в Нарынск. обл.; рч. Кашка-Суу (верх. р. Күркүрө) в Таласск. обл.; рч. Кашка-Суу (прав. пр. р. Чоң-Кемин) в Чуйск. обл. и др.

Кебер (кебер шор) [keber/keberšor] – всученный, потрескавшийся солончак; солончаковая пустыня.

Кезен (айры кезен) [kezeŋ/airykezeŋ] – горная впадина, расщелина, седловина, перевал. У Радлова В.В. *кезәң* – «углубление, низменность», *кезәк* – «прорезь, проход, ущелье» [141, 1173].

Келки тоо [keľkito:] – глыбовая гора.

Кемер [kemer] (ир.) – подмытый водой берег, круча; обрыв; склон горы. У Радлова В.В. *кемәр* – «узкая долина, узкая низменность» [141, 1207]. Каз. *кемер* – «ряд возвышеностей, расположенных в виде полукруга вокруг пониженной местности; обрыв, береговой вал или берег; урез воды» [73, 21].

Кен [ken] (ир.) – рудник, копи, прииск. У Радлова В.В. *кән* – «рудник» [141, 1063].

Кент [kent] (ир.) – поселение; город. В др.-тюрк. *känd* – «город» [47, 290]. У Радлова В.В. *кәнт* – «город, деревня, местечко» [141, 1069–1080]. В топонимии термин обычно встречается в составе наименований поселений, напр.: с. Бешкент в Баткенск. обл. и др.

Кептеш [kepteš] – то же, что **салаа** (см.), т.е. ложбина, но глубже и с отвесными берегами, которая заканчивается тупиком.

Кери, керүү [keri, kerü:] – верх горы, склон высокой горы. У Махмуда Кашгари *keriš* – «верхушка горы» [47, 301].

Кечмелик (кечүү) [kečmelik'/kečy:] – брод. В др.-тюрк. *kečüg* – «брод, переправа» [47, 292]. У Радлова В.В. *gäçit* – «проход, брод», *käčiw*, *käčy* – «брод, переправа» [141, 1148].

Кечүү [kečy:] – брод, мелкое место (см. **кечмелик**). Тат. *кичү*, алт. *кечү*, хак. *кичіг*, азерб. *кечид*, *кечмә*, узб. *кечув*, *кечик*, тув. *кечүг*, турк. *гечиши*, *гечме* – «брод, переправа». Изредка употребляется как собственное географическое название, напр.: с. Кечүү в Джалал-Абадск. обл.

Килбото [kil'boto] (ир.) – глина голубоватого цвета.

Кобул [kobul] – выемка; рытвина.

Койнот [koinot] – овраг, лог. В др.-тюрк. *qoj* – «дно долины» [47, 453]. У Радлова В.В. *коi* – «маленький залив, узкий проход» [141, 501].

Кой таш [koitaš] (досл. бараны камни) – мелкосопочник, валуны; разбросанные округлые камни на возвышенности. Каз. *койтас* – «округлые гранитные глыбы, разбросанные на возвышенности; издали они напоминают стадо пасущихся овец» [73, 22]. Примеры немногочисленны, напр.: с. Кой-Таш в Чуйск. обл., а также в Джалал-Абадск. обл. и др.

Кокту [koktu] – лог, ложбина; впадина в предгорьях. У Радлова В.В. *koktu* – «овраг» [141, 514]. В алт. *кообы*, *кобы* – «лог; лощина, ложбина; ущелье». Термин иногда употребляется в качестве наименования местности, напр.: с. Кара-Кокту в Ошск. обл.

Кол [kol] (досл. рука, из монг. «гол» – река) – рукав, приток, русло реки, река; речная долина. У Махмуда Кашгари *qol* – «рука; ответвление, рукав; долина» [47, 453]. У Радлова В.В. *kol* – «разветвление; низменность, долина; русло реки, холм на склоне горы» [141, 581–583]. Хак. *хол* – «долина; сухое русло реки; лог»; тув. *хол* – «сухое русло»; алт. *коол*, *кол*, туркм. *гол*, каз. *кол*, узб. *кўл* – в значении «руслу реки, приток». Термин изредка встречается в географических названиях: пер. Аккол (хр. Суусамыр-Тоо) в Таласск. обл.; г. Кичи-Каракол (Алайский хр.) в Ошск. обл.; гор. Каракол в Иссык-Кульск. обл.; оз. Кенкол (верх. р. Карага-Үнкүр) в Джалал-Абадск. обл. и др.

Кол арык [kolaryk] – маленький арык (см. **арык**).

Колот [kolot] – лог, продолговатая впадина между двумя возвышенностями; узкая горная долина. У Радлова В.В. *колот* – «низменность» [141, 592]. Каз. *колат* – «долина, горная долина». Немногочисленны топонимы с этим термином: рч. Кара-Колот (лев. пр. р. Каракол), г. Чийде-Колот (хр. Молдо-Тоо), рч. Коэнду-Колот (лев. пр. р. Ат-Башы) в Нарынск. обл.; с. Ак-Колот в Ошск. обл. и др.

Колот-койнот [kolotkoinot] – горные долины и лога (см. **колот**).

Колтук [koltuk] (досл. подмышка) – угол, тупик; тупиковое окончание оврага. В др.-тюрк. *qoltıq* – «подмышка» [47, 454]. У Радлова В.В. *koltyk* – «место в стороне от дороги, закоулок» [141, 597]. Каз. *колтық* – «залив, далеко вдающийся в сушу; защищенная от ветра горная долина» [73, 22]; уyg. *koltyk* – «залив, морская губа; затон; лиман; заводь»; башк., тат. *kultyk* – «залив, затон».

Конолго [konolgo] – место привала; становище.

Конуш [konuš] – становище; место расположения айыла (см. **айыл**).

У Радлова В.В. *коныш*, *конуши* – «остановка; ночлег, гостиница, жилище, поселение» [141, 539, 542]. Каз. *коныс* – «стоянка аула с пастбищем; угодья». Изредка можно встретить топоним с этим термином, напр.: с. Конуш в Чуйск. обл.

Конул [koŋul] – небольшое углубление, впадина.

Конул-копшут [koŋulkorpšut] – разного рода углубления и впадины (см. **копшут**).

Коо [ko:] – лог, ложбина, овраг; желоб. Ср. в др.-турк. *qobi*, *qovi* – «пустой, полый; дуплистый» [47, 451, 461]. Каз. *кобы* – «горная долина»; тув. *коошта* – «промоина, овраг, балка; желоб»; хак. *кооп* – «канава»; алт. *кобы* – «лог, ложбина, ущелье». В топонимии термин обычно встречается в качестве второго компонента в сложных топонимах, напр.: р. Сары-Коо-Сай (прав. пр. р. Орто-Суу), рч. Кең-Коо (прав. пр. р. Терек) в Нарынск. обл.; рч. Кыр-Коо-Суу (прав. пр. р. Кара-Сай), ур. Кыр-Коо (лев. берег р. Жаак-Таш), с. Кара-Коо в Иссык-Кульск. обл. и др.

Коо арык [ko:aryk] – большой арык (см. **арык**), но не головной (см. **алыш**).

Копо [koro] – болото, покрытое осокой; трава, образовавшая бугор, густая и высокая. У Радлова В.В. *kona* – «озеро, заросшее густым камышом» [141, 652]; так же в каз. *кона* – «озеро или болотистое место, поросшее густым камышом, осокой».

Копшут [koršut] – углубление; впадина.

Коргон [korgon] – крепость, укрепление; глиnobитная ограда у могилы; развалины. Такое же значение имеют узб. *қўргон*, башк., тат. *курган*, каз. *қорған*. Термин часто употребляется в качестве географических наименований, напр.: г. Кыз-Коргон (хр. Кичик-Алай), рч. Асан-Коргон (прав. пр. р. Көк-Суу) в Ошск. обл.; рч. Коргон-Таш (верх. р. Жаманты) в Нарынск. обл.; вдхр. Базар-Коргон в Джалаал-Абадск. обл.; р. Коргон-Шанык (лев. пр. р. Узун-Акмат), с. Ак-Коргон в Таласск. обл. и др.

Коргул (коргул таш, корум) [korγul/korγultaš/korum] – груда больших камней, отвалившихся от скал; нагромождение камней в русле рек (см. **корум**).

Короо [koro:] – овечий загон, помещение для скота. Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: рч. Ак-Таш-Короо (лев. пр. р. Чоң-Кемин) в Чуйск. обл.; сай Таш-Короо (хр. Кыргызский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; с. Таш-Короо в Ошск. обл. и др.

Корук [koruk] (южн. д.) – места по берегам рек, поросшие кустарником (в былые времена принадлежащие власть имущим); огороженное место, заповедник; охраняемое пастбище. В др.-турк. *qorūj* – «угодия феодала, запретные для других (обычно охраняемые), заказник, засека» [47, 458]. У Радлова В.В. *корук* – «место, защищенное забором или стеной» [141, 556]. Термин иногда входит в состав географических наименований, напр.: с. Темир-Корук в Ошск. обл.

Корум [korum] – каменистая осыпь на склонах гор, по которой часто течет вода; каменные потоки; груда больших камней (см. **коргул**). В др.-турк. *qorūm* – «каменные россыпи, обломки скал, валуны» [47, 460]. У Радлова В.В. *корым*, *корум* – «россыпь горной породы; мелкие камни, образующиеся от разрушения скалы» [141, 555, 561]; уйг. *корам* – «щебень; камень, горная порода»; хак. *хорым* – «громада скал; каменистые россыпи»; каз. *қорым* – «каменная осыпь; нагромождение камней на скате гор, в русле рек»; алт. – *корум*. Термин активен в образовании географических наименований: пер. Кара-Корум (хр. Молдо-Too), рч. Жар-Корумду (прав. пр. р. Кочкор) в Нарынск. обл.; ур. Корумду-Чукур (Алайская впад.) в Ошск. обл.; рч. Кичи-Корумду (лев. пр. р. Сары-Жаз), с. Корумду в Иссык-Кульск. обл. и др.

Көбөөл [köbö:ł] – вымоина; нора, углубление в береге, в камнях.

Көв [köv] (ир., южн. д.) – яма.

Көз (булактын көзү) [köz/bulaktynközü] (досл. глаз) – место выхода воды в источнике. В др.-турк. *köz* – «глаз» [47, 320].

Көк [kök`] – местность с зеленой растительностью; зеленое пастбище; небо. В др.-турк. *kök* – «небо; голубой, синий, сизый» [47, 312]. Термин имеет широкое распространение в тюркских языках: тув., каз. – *көк*, узб. – *қўқ*, башк. – *кук* и др. Обильны примеры в топонимии: рч. Көк-Адыр (лев. пр. р. Кочкор) в Нарынск. обл.; пер. Көк-Бел (хр. Кенкол) в Таласск. обл.; ур. Көк-Түз (хр. Күнгөй Ала-Тоо), с. Көк-Дөбө в Иссык-Кульск. обл. и др.

Көк ала майдан [kök`alamaidan] – зеленая лужайка, зеленый луг (см. **майдан**).

Көк жайык [kök`žajyk] – зеленая горная поляна (см. **жайык**).

Көк кашка булак [kök`kaškabulak] – родник с чистой, прозрачной водой.

Көктөө [kök`tö:] – весеннее пастбище. У Радлова В.В. *köktö* – «зеленеть, покрываться зеленью» [141, 1228].

Көк чап [kök'čap] (досл. синий склон) – зеленый склон горы (см. чап).

Көл [köl'] – озеро. В др.-турк. *köl* – «озеро, водоем» [47, 313]. У Радлова В.В. *кул*, *köl* – «озеро» [141, 1465, 1267]; азерб., туркм. – *köl*, тат., башк. – *кул*, тув. – *хөл*, хак., алт. – *köl*, узб. – *кўл*. Термин обладает большой топонимической активностью: оз. Ак-Көл (средн. теч. р. Ак-Көл) в Нарынск. обл.; оз. Баш-Көл (дол. р. Баш-Көл), рч. Жылдыз-Көл (лев. пр. р. Ак-Терек) в Иссык-Кульск. обл.; пер. Көл-Кайынды (хр. Алайкуу) в Ошск. обл.; оз. Көл-Төр (дол. р. Чон-Кемин) в Чуйск обл. и др.

Көлмө (көлмөк) [köl'mö/köl'mök'] – пруд, водоем. У Юдахина К.К. көлмө – «стоячая вода; место, где собирается стоячая вода или где вода течет очень спокойно, напр. на переездах небольшой речки, где она расширяется» [211, 420]. В др.-турк. *kölmän* – «небольшое озеро, водоем» [47, 314]. У Радлова В.В. *kölmäk* – «пруд» [141, 1275]. Термин иногда встречается в топонимии, напр.: рч. Көлмө (лев. пр. р. Орто-Кууганды) в Нарынск. обл.; с. Көлмө в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Көлмөк [köl'mök] – то же, что **көлмө** (см.).

Көлчөк [köl'čök'] – небольшое озеро.

Көлчүк [köl'čük'] – озерко; лужа, лужица. Каз. *көлик* – «маленькое озеро, озерко»; тув. *хөлчүк* – «озерко, пруд; лужа»; узб. *қўлмак* – «лужа».

Көлчүк кара суу [köl'čük'karasu:] – заболоченная речушка с окончаниями.

Көр (гөр) [kör/gör] – могила. В др.-турк. *gür* – «могила» [47, 195]. У Радлова В.В. *göp*, *gör*, *kör* – «могила» [141, 1584, 1591, 1248]; так же в узб. *gür*, каз. *көр*, тув. *хөөр*, туркм. *gör*.

Көр дере [kör'dere] – замкнутая теснина, овраг (см. дере).

Көрүстөн [körüstön] (ир.) – кладбище. У Радлова В.В. *körüstän* – «могила, кладбище, курган» [141, 1257].

Көтөрмө [kötörmö] – дамба, запруда.

Көч [köč] – кочевка, место стоянки, становище кочевников. В др.-турк. *köč* – «кочевка, кочевые» [47, 311]. У Радлова В.В. *köč*, *köshi* – «перекочевка, переселение, путешествие» [141, 1286, 1304].

Көчкү [köčkü] – оползень, лавина, снежный обвал. В каз. языке *көшкін*, тув. *көшкө*, башк. *кускен*. Термин иногда присутствует в топонимии: рч. Жер-Көчкү (прав. пр. р. Чычкан) в Иссык-Кульск. обл.; с. Жер-Көчкү в Нарынск. обл. и др.

Көчө [köčö] (ир.) – улица. Термин имеет широкий ареал распространения в современных тюркских языках: каз. – *көше*, узб. – *кўча*, азерб. – *кучə*, туркм. – *көче* и др.

Куба [kuba] (досл. белый, бледный) – засушливая местность.

Куба чөл [kubasölg'] – засушливая пустыня.

Кудук [kuduk] – колодец. В др.-турк. *quduy*, *quduu* – «колодец; берег» [47, 463, 464]. У Радлова В.В. *кудук* – «колодец; источник; прорубь во льду» [141, 1002]; тув., узб. – *күдүк*, каз. – *күдүк*, хак. – *хүдүх*. Термин формирует многочисленные географические названия: р. Ак-Кудук (прав. пр. р. Чон-Нарын), рч. Көл-Кудук (лев. пр. р. Жаны-Жер) в Нарынск. обл.; пер. Чаар-Кудук (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; с. Ак-Кудук в Чуйск. обл. и др.

Кудума [kuduma] – крутой склон горы, холма, скат, покатое место.

Күжүр [kužur] (монг.) – солончак. В алт. яз. – *куյур*, хак. – *хүчүр*, тув. – *кужур*. Ср. в каз. яз. *қожыр* – «сравнительно крупная возвышенность, поверхность которой усеяна крупными гранитными обломками. Термин изредка употребляется как собственное название каменистой возвышенности» [73, 22]. Термин иногда встречается в топонимии, напр.: р. Каракүжур (прав. пр. р. Жон-он-Арык), хр. Каракүжур, впд. Каракүжур, с. Каракүжур в Нарынск. обл. и др.

Күй (кургуй, жергүй) [kui/kuryuj/žerγuj] – глубокий овраг, расщелина с крутыми высокими берегами в предгорьях, у подножия гор. В др.-турк. *qoj*, *quj* – «дно долины» [47, 453, 464]. У Радлова В.В. *koi* – «маленький залив, узкий проход», *kyi* – «пещера; русло реки, берег, край» [141, 501, 887].

Куйган [kujyan] – устье реки; место впадения реки в озеро. У Радлова В.В. *куйгун* – «залив» [141, 890].

Куйма [kujma] – приток реки.

Кулак [kulak] (досл. ухо) – разветвление арыка. У Махмуда Кашгари *qulaq* – «ухо» [47, 465]. У Радлова В.В. *кулак* – «маленький арык» [141, 971]; тат. и башк. *kolak*, узб. *қулоқ*, хак. *хулах* – в том же значении. Каз. *құлақ* – «слабо вдающийся в сушу залив озера; голова небольшого арыка; единица измерения воды в оросительной системе для полива» [73, 26].

Кулама [kulama] – скат, уклон. В каз. *құлама* – «крутизна, обрыв».

Кум [kum] – песок. В др.-турк. *qum* – «песок» [47, 465]. У Радлова В.В. *kəm*, *кум* – «песок» [141, 686, 1043]; азерб., туркм. *gum*; хак. *хум*,

узб. *кум*, тат., башк. *ком*, каз. *құм*, алт. *кумак* – с тем же значением. Термин известен в географических названиях: пер. Ката-Кум-Бел (хр. Терс) в Джалаал-Абадск. обл.; г. Ак-Кум (Залийский хр.) в Чуйск. обл.; г. Кара-Кум (хр. Молдо-Тоо) в Нарынск. обл.; рч. Кум-Төр (лев. пр. р. Тарагай) в Иссык-Кульск. обл.; с. Кум-Шоро в Ошск. обл. и др.

Кумай [kumai] – песок, песчаная почва.

Кумак (кумдак) [kumak/kumdak] (редко) – песок, песчаное место.

У Радлова В.В. *kumak* – «песок; песчаная почва; песчаный бугор» [141, 1047]. Каз. *құмдак*, *құмак*, *құмайт* – «песчаная почва; почва, в составе которой преобладает песок, супесь» [73, 26].

Кумдук [kumduk] – песчаник. У Радлова В.В. *kumluk* – «песчаная степь; куча песку» [141, 1050].

Кумдуу чап [kumdu:čap] – песчаный склон горы (см. чап).

Курбу [kurbu] – выступ, карниз; горная терраса. У Радлова В.В. *курбу* – «выпуклая поверхность; выступы на горе» [141, 963]. Термин иногда употребляется в качестве наименования поселения, напр.: с. Курбу в Иссык-Кульск. обл.; с. Курбу-Таш в Ошск. обл. и др.

Кургак жер [kuryakžer] (досл. сухая земля) – сушь, земля. В др.-турк. *quryaq* – «сухой, засушливый, засохший; засуха, суша» [47, 467]. Так же у Радлова В.В. – *kurgak* [141, 940].

Кургакчылык [kuryakčylyk] – засуха.

Кургуй [kuryuj] – то же, что **куй** (см.).

Курдум [kurdum] – бурная и мутная вода во время половодья. Ср. у Радлова В.В. *курдум* – «место, где исчезает река в песках» [141, 952].

Куру [kuru] (досл. сухой) – сухая равнина, сухое ущелье. В др.-турк. *qur*, *quru* – «сухой, высохший, засохший; сушь, засуха» [47, 467, 470]. У Радлова В.В. *куру* – «суша; нечто сухое, высохшее» [141, 927]. В алт. *куру* – «сухой, высохший; пустой; голый», *кургак* – «засуха; пересыхающий, высыхающий»; уйг. *курук* – «сухой, высохший, лишенный влаги; высохшая степь, пустыня»; каз. *құры*, *құргақ*, башк. *коро*, тув. *куруг*, узб. *курук* – в значении «суша; высохшая земля».

Курудум (курудум шаар) [kurudum/kurudumša:r] (тяньш. г.) – большой многолюдный город.

Курудум шаар [kurudumša:r] – см. **курудум**.

Куу жол [ku:žol] (зд. куу – «сухой, высохший») – пустынная дорога (см. **жол**).

Куу какыр [ku:kakyr] – сухая местность (см. **какыр**).

Куу талаа [ku:tala:] – сухая степь, безжизненная пустыня (см. **талаа**).

Куу түз [ku:tüz] – пустынная равнина (см. **түз**).

Кууш [ku:š] – горная теснина, узкое ущелье.

Кууш сай [ku:šsai] – щель (см. **сай**).

Куюлуш [kujuluš] – слияние рек; нагромождение щебеня на склоне гор.

Күдүр (адыр-күдүр) [küdür/adyrküdür] – бугры, холмики; бугристая равнина (см. **адыр-күдүр**).

Күздөк (күздөө) [küzdök'] – осеннее пастбище. У Радлова В.В. *күз-дöй* – «место осенней кочевки» [141, 1511]; каз. *қүзек* – «осеннее кочевье»; тув. *күзек* – «осеннее стойбище»; уйг. *кузләк* – «осеннее жилище».

Күмбөз [kümböz] (ир.) – купол; мавзолей. У Радлова В.В. *күмбөз* – «купол» [141, 1529]; в каз. – *кумбез*, узб. – *гумбаз*, азерб. – *кумбәз*, туркм. – *гүммәз*. Термин нередко встречается в топонимии Кыргызстана: ур. Көк-Күмбөз (верх. р. Ат-Башы), рч. Көк-Күмбөз (прав. пр. р. Ат-Башы) в Нарынск. обл. и др.

Күнгөй [küŋgöj] – солнечная сторона; южный склон горы. У Радлова В.В. *күнгөй* – «солнечная сторона» [141, 1473]. Каз. *кунгей* – «солнечная (южная) сторона, солнцепек, склон, обращенный к солнцу»; хак. *күндес* – «солнечная сторона склона»; уйг. *күнгәй* – «солнечная сторона». Термин нередко присутствует в составе географических названий: гг. Күнгөй (прав. берег р. Талас) в Таласск. обл.; хр. Күнгөй Ала-Тоо, г. Кара-Күнгөй (лев. берег р. Жети-Өгүз) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Кара-Күнгөй (верх. р. Үкөк) в Нарынск. обл.; с. Жоон-Күнгөй в Джалаал-Абадск. обл.; с. Беш-Күнгөй в Чуйск. обл. и др.

Күрткү [kürtkү] – сугроб; снежный занос; наносный снег в ямах и впадинах.

Кызыл топурак [kazyltopurak] – краснозем.

Кызыл суу [kazylsu:] (досл. красная река) – мелкая, неглубокая речка [111]. У Конкашпаева Г.К. *кызылсу* – «вода, выступающая поверх льда перед вскрытием рек и озер» [73, 27]. Обильны примеры в топонимии: р. Кичи-Кызыл-Суу (пр. оз. Иссык-Куль), рч. Кургак-Кызыл-Суу (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Иссык-Кульск. обл.; р. Орто-Кызыл-Суу (прав. пр. р. Ак-Сай) в Нарынск. обл. и др.

Кызыл чөл [kuzylčöl] – безжизненная пустыня (см. чөл).

Кыйкан [kyikan] – горная ложбина, небольшой овраг на равнине.

Кылаа [kyla:] – берег, край. Термин иногда можно встретить в составе географических наименований, напр.: оз. Кылаа-Көл в Джалаал-Абадск. обл.

Кынтык жер [kyntykžer] (зд. кынтык – «наклонный») – место с наклоном; небольшой косогор.

Кыр (кыран, кырдач) [kyr/kyraŋ/kyrdač] – верх горного хребта, гребень горы; мелкосопочник, холмогорье; грань. В др.-турк. *qır* – «плоскогорье» [47, 475]. У Радлова В.В. *kyr* – «край; высокий берег, гребень горы; степь, равнина» [141, 732–733]. Каз. *kyr* – «возвышенная местность с пастбищами, посевными угодьями; хребет, возвышенность»; алт. *kyr* – «гора; горный хребет; холмистая степь; возвышенность»; тув. *kyr*, хак. *хыр* – «холм, возвышенность; гора, горный хребет»; башк. *kyras*, *kyrlas* – «гребень горы, хребет». Термин активен в образовании географических названий: хр. Боз-Кыр (хр. Какшаал-Тоо), рч. Көк-Кыр (прав. пр. р. Нарын) в Нарынск. обл.; г. Жалгыз-Кыр в Баткенск. обл.; пер. Кара-Кыр (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Кыр таш [kyrtas] – камень с острыми гранями.

Кыранча [kyraŋča] – гребень, верх небольшого горного хребта; повышенная местность.

Кырдаң [kyrdaŋ] – земляной вал; яр, обрыв.

Кырка [kyrka] – ряд горных цепей. Каз. *kyrka* – «возвышенность с ясно выраженным гребнем, сложенная из твердых горных пород» [73, 27].

Кырка тоо [kyrkato:] – горный хребет.

Кыркуу [kyrku:] – ряд горных хребтов, расположенных один за другим.

Кырман [kyrman] (ир.) – ток, гумно. В др.-турк. *qıra* – «пашня, поле» [47, 475]; каз. *kyrman*, хак. *хыра*, узб. *хирмон*, башк. *kyr* – в значении «поле; нива, пашня, вспаханное поле».

Кырык [kyguk] (южн. д.) – низкотравное пастбище.

Кысык (кысык жер) [kysyk/kysykžer] – теснина, горное ущелье, узкий проход; пролив. В др.-турк. *qışış* – «тесный, стесненный, узкий», *qışıl* – «теснина, ущелье» [47, 477]. Каз. *kyyspak* – «горное ущелье, теснина»; хак. *хызат*, *хызыым* – «ущелье; тесное, узкое место; узкий проход».

Кысык жер [kysykžer] – то же, что **кысык** (см.).

Кычык [kyčuk] – щель на скале, расщелина.

Кыштак [kyštak] – селение, деревня, то же узб. *кишлок*, тув. *kyıştag*, каз. *қыстақ*, башк. *kyışlaq*. Термин часто встречается в географических наименованиях поселений: с. Бел-Кыштак, с. Дыйкан-Кыштак в Ошск. обл.; с. Жар-Кыштак в Таласск. обл. и др.

Кыштоо [kyšto:] – зимовка, зимнее стойбище, зимнее пастбище.

В др.-турк. *qışlay* – «зимовье, зимовка» [47, 478]; в том же значении каз. *қыстау*, башк. *kyışlaу*, азерб. *gışlaq*, хак. *хыстағ*. Термин иногда присутствует в географических наименованиях, напр.: г. Кулжа-Кыштоо (хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл. и др.

Кыя [kyja] – крутой каменистый склон, косогор. В др.-турк. *qaşa* – «скала» [47, 406]. У Радлова В.В. *kaja*, *kyja* – «скала», *kija* – «косогор» [141, 88, 710, 857]. Каз., к.-калп. *кыя*, узб. *коя*, алт. *кайа*, башк. *кая*, хак., тув. *хая* – «скала, утес». Термин часто встречается в составе географических названий: пер. Ак-Кыя (хр. Кара-Жорго) в Нарынск. обл.; пер. Кара-Кыя (хр. Тескей Ала-Тоо), г. Көк-Кыя (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Каныш-Кыя-Сай (лев. пр. р. Чаткал) в Джалаал-Абадск. обл.; гор. Кызыл-Кыя в Баткенск. обл. и др.

Кыя жол [kyjažol] – дорога, тропинка, ведущая на гору.

Кыя таш [kyjataš] – скала (см. таш).

Кыясы кымбат бел [kyjasykymbatbel'] – перевал с трудным подъемом-серпантином.

Кыян (кыян суу) [kyjan/kyjansu:] – сильный поток дождевой воды. У Радлова В.В. *kajan* – «горный поток», *kijan* – «горная река» [141, 91, 857].

Лайка [laika] (южн. д.) – муть, ил.

Маала [ma:la] (араб.) – квартал города, селения.

Мазар [mazar] (араб.) – могила, кладбище; священное место паломничества. У Радлова В.В. *mazar* – «могила святого, кладбище» [141, 2111, 2056]; в туркм., каз. – *мазар*, узб. – *мозор*. Термин широко бытует в Кыргызстане: г. Мазар-Дөң (хр. Чоң-Боор-Тоо), г. Мазар (хр. Кичи-Алай) в Ошск. обл.; пер. Мазар-Ашуу (хр. Кыргызский Ала-Тоо) в Чуйск. обл.; рч. Катын-Мазар (лев. пр. р. Арпа) в Нарынск. обл.; рч. Мазар-Суу (лев. пр. р. Толук) в Таласск. обл. и др.

Май [mai] (досл. масло, жир). Термин в основном употребляется для обозначения нефтеносных мест, а также имеет значение «святой, священный» (происходит от Умай (Умай-энэ) «богиня-покровительница»). «Унаследовано от древних тюрок-язычников, у которых *май* (букв. жир) имело значение «святой» или «покровитель» и служило символом веры, в частности, как имя богини-покровительницы детей» [70, 165]. Термин активен в образовании географических наименований, напр.: пер. Май-Бел (гг. Май-Бел) в Таласск. обл.; р. Майлы-Суу (прав. пр. р. Кара-Дарья), гор. и р. Майлы-Сай в Джалаал-Абадск. обл.; хр. Май-Баш-Тоо (отрог хр. Какшаал-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Майдан [maidan] (ир.) – поле, обрабатываемая земля; площадь, покрытая зеленью; сад. В др.-тюрк. *mäjdan* – «площадь, поле» [47, 339]. У Радлова В.В. *maidan*, *mäidän* – «равнина, лужайка; площадь» [141, 2111, 1990, 2070]. Каз. – *майдан*, узб. – *майдон*, башк. – *майзан*, азерб., туркм. – *мейдан*. Термин не имеет широкого распространения в географических наименованиях: с. Майдан в Баткенск. обл.; пер. Майдантал (хр. Таласский Ала-Тоо), р. Майдантал (лев. пр. р. Күркүрөө) в Таласск. обл.; с. Майдантал в Ошск. обл. и др.

Майнап [mainap] (ир.) – вода, прорвавшаяся с орошающего поля.

Марча [marča] – солончаковая почва в горной местности (см. **жалак**). У Радлова В.В. *марчы* – «солонцеватый грунт» [141, 2111, 2032]; хак. *марачы* – «солончак, солончаковый грунт; место, посыпанное солью».

Машат [mašat] – родник, ключ, обычно в каменистой почве (ср. **башат**). У Радлова В.В. *машат* – «источник» [141, 2111, 2060].

Мейкин талаа [tejkintala:] (зд. мейкин – «просторный, обширный») – широкая степь.

Мекен [mekən] (араб.) – местожительство, местопребывание; пристанище, обиталище. У Радлова В.В. *mekän* – «жилище, место жительства» [141, 2111, 2073]. Каз. *мекен*, туркм. *mekan* – «обиталище».

Мерен [meren] (монг.) – полноводная река. В том же значении тув. *мерен*. Топонимы немногочисленны, напр.: р. Көкөмерен (прав. пр. р. Нарын), впд. Көкөмерен-Нарын в Нарын обл. и др.

Мойнок [mojnok] (досл. шея, чаше верблюжья) – перешеек, тесный участок реки; крутой горный перевал. У Махмуда Кашгари *bojnaq* – «седловина, горный перевал» [47, 110]. Каз. *мойнак* –

«крутые горные перевалы, седловины, а также шеообразные озерные заливы» [70, 173]. Термин формирует многочисленные географические названия: пер. Бото-Мойнок (хр. Какшаал-Тоо), г. Беш-Мойнок (хр. Нарын-Тоо) в Нарынск. обл.; рч. Беш-Мойнок (лев. пр. р. Кара-Кулжа) в Ошск. обл.; с. Көк-Мойнок в Иссык-Кульск. обл. и др.

Моло [molo] (ир.) – надгробие, могила. У Радлова В.В. *мола* – «могила, надмогильное строение» [141, 2111, 2125]. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: р. Моло (лев. пр. р. Көөлү) в Иссык-Кульск. обл.; г. Уч-Моло (Ферганский хр.) в Нарынск. обл.; с. Кызы-Моло в Чуйск. обл.

Моло таш [molotaš] – каменная баба, балбал (каменная статуя человека, которую ставили на могиле).

Моюн [mojun] (досл. шея) – узкая полоса воды, перешеек. В др.-тюрк. *bojın*, *bojin* – «шея» [47, 110]. Каз. *мойын* – «узкая часть русла реки между возвышенностями; узкая полоса воды, а также суши, песка, отмели» [73, 28]. Алт. *мойын*, узб. *буйин*, азерб., туркм. *боюн*, тат. *муен*, башк. *муыйн* – «перешеек». Нередко встречается в топонимии: г. Төө-Моюн в Ошск. обл.; с. Ак-Моюн Нарынск. обл. и др.

Мөңгү (мөңгүн) [möŋgү/möŋgün] – ледник, вечный снег. Ср. в др.-тюрк. *teŋgү* – «вечность, бесконечность» [47, 371]. Так же у Радлова В.В. *мөңкү* [141, 2111, 2131]. Иногда термин употребляется в качестве собственных географических названий, напр.: г. Мөңгү (хр. Көөлү-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Муз [muz] – лед; ледники в горах. В др.-тюрк. *bız*, *tız* – «лед» [47, 130, 352], так же у Радлова В.В. *муз* [141, 2111, 2207]. Ареал распространения термина широк: пер. Муз-Бел (хр. Терек-Тоо) в Ошск. обл.; пер. Муз-Төр (хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; р. Муз-Булак (прав. пр. р. Ак-Шайрак) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Кичи-Муз-Төр (верх. р. Кишен-Суу), с. Ак-Муз в Нарынск. обл. и др.

Мунара [munara] (араб.) – башня, минарет (см. **бурана**).

Мурун [mırın] (досл. нос) – мыс, вершина горы, пик. В др.-тюрк. *bırın* – «нос; мыс, выступ» [47, 126]. В каз. *мурын* – «мыс, выступ возвышенности»; азерб., узб., туркм. *бурун*, тат. *борын*, башк. *морон* – «мыс». Изредка встречается в топонимии, напр.: пер. Тон-Мурун, рч. Узун-Мурун (прав. пр. р. Кызыл-Суу), рч. Узун-Мурун (лев. пр. р. Ак-Буура) в Ошск. обл. и др.

Мукур [mukur] (досл. короткий) – короткая, пересыхающая летом речка, теряющаяся в песках. Каз. *муқыр* – «небольшая, маловодная степная река, которая редко доносит свою воду до какого-либо водоема или крупной реки, а зачастую слепо кончается в степи, распадаясь на отдельные плесы, или совершенно пересыхает» [73, 29].

Мұрзө [mürzö] (ир.) – кладбище.

Накыс [nakys] – небольшая горная седловина.

Ничке [ničke] – то же, что **ичке** (см. **ичке суу**). Очень продуктивен в гидронимии, напр.: р. Ничке (прав. пр. р. Кызыл-Суу) в Джала-Абадск. обл.; р. Ничке-Сай (прав. пр. р. Нарын) в Таласск. обл.; р. Ничке (пр. оз. Чатыр-Көл), р. Ничке-Суу (прав. пр. р. Сары-Булак) в Нарынск. обл. и др.

Нов (ноо) [nov/no:] (ир.) – желоб. Примеры в топонимии немногочисленны, напр.: рч. Кара-Ноо (верх. р. Туш-Ашуу) в Таласск. обл.

Ноолу [no:lu] (тяньш. г.) – приусадебный участок, огород; глиnobитный забор вокруг приусадебного участка; низкая глиnobитная ограда вокруг могилы.

Ноот (обут) [no:t/obut] – пруд (см. **обут**).

Нук [nuk] – русло реки; следы старого строения.

Нур (нор) [nur/nor] (монг.) – озеро; пруд, водоем.

Нура (нуура) [nura/nu:ra] (монг.) – горный хребет, гребень горы. У Конкашпаева Г.К. *нура* – «удлиненная балка или лощина с крутыми склонами, падь» [73, 29]. У Радлова В.В. *нура* – «пропасть» [141, 705]. Топонимы с этим термином немногочисленны: пер. Орто-Нура (хр. Нура), хр. Нура-Тоо, р. Баш-Нура (прав. пр. р. Нарын) в Нарынск. обл.; р. Нура (прав. пр. р. Кызыл-Суу), с. Нура в Ошск. обл. и др.

Обо (обоо) [obo/obo:] – сложенная груда камней; межевой холмик. У Махмуда Кашгари *obuz* – «возвышенность, бугор» [47, 362]. У Радлова В.В. *обā, обō* – «куча, стог, насыпь, курган, холм» [141, 1157, 1159]. Каз. *оба* – «курган»; хак. *обаа* – «курганный камень; груда жертвенных камней»; тув. *oваа* – «груда камней, насыпь; курган»; тат., башк. *уба* – «небольшая возвышенность, холм; курган». Термин изредка встречается в топонимии, напр.: пер. Обо-Бел (хр. Ала-Мышык) в Нарынск. обл. и др.

Обочо [obočo] – небольшая возвышенность, холм; курган.

Обут [obut] – пруд (см. **ноот**).

Оён [ojoŋ] – низина, котловина в горах, яр с одной высокой стороны (ср. **ойбут**). У Радлова В.В. *oýyk* – «низменность» [141, 1038].

Ой (ойдун) [oj/ojdun] – низменность, впадина (см. **оён**). В др.-турк. *oj* – «яма, углубление» [47, 365]. У Радлова В.В. *oi* – «яма, низменность, долина, углубление», *oídýk, oídýk* – «яма, углубление, котловина, низменность» [141, 970, 984]. Термин имеет широкое распространение в современных тюркских языках как «низина, впадина; котловина; обрыв» и обладает большой топонимической активностью: пер. Боз-Ой (хр. Какшаал-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; хр. Ой-Кайың в Нарынск. обл.; мыс Кара-Ой (оз. Иссык-Куль) в Иссык-Кульск. обл.; р. Ой-Корумду (прав. пр. р. Каракужур) в Нарынск. обл.; с. Кичи-Сары-Ой в Иссык-Кульск. обл. и др.

Ойбут [ojbut] – яр с отвесными стенами. Ср. у Радлова В.В. *oíbak, oíbok* – «низменность, углубление, котловина» [141, 986].

Ойдун [ojduŋ] – то же, что **ой** (см.).

Ойпон [ojoŋ] – впадина, пониженная местность. У Радлова В.В. *oípaŋ, oípat* – «низменность, низкая земля» [141, 986]; уйг. *oípaŋ* – «впадина; котлован; рытвина»; хак. *oýmaх* – «ров, яма, углубление; низменность, низина, долина; впадина, котловина»; каз. *oípat* – «низменность»; башк. *uýpat*, к.-калп. *oýpan*, алт. *oýboŋ* – «впадина, низина».

Ок арык [okaryk] – мелкая оросительная канава (см. **арык**).

Ооз [o:z] (досл. рот) – вход в ущелье; выход горной реки на равнину. Каз. *ауыз* имеет такое же значение. У Махмуда Кашгари *ayiž* – «рот; устье реки» [47, 21]. У Радлова В.В. *ауз, агiз, āс, Ȣс, Ȣс* – «рот, устье, отверстие» [141, 82, 171, 536, 1138, 1751]. В алт. яз. *oos* – «ущелье; устье»; хак., тув. *aas*, каз., башк. *ауыз*, узб. *oғиз* – «устье». Термин не имеет широкого распространения в географических наименованиях: с. Жар-Ооз в Ошск. обл.; с. Палал-Ооз в Баткенск. обл. и др.

Опкун [opkun] – кочковатое болото, трясина. У Радлова В.В. *onkak* – «болото», *onkor* – «болото, топкое кочковатое место, трясина» [141, 1155].

Опурук [opuruk] (чатк.) – обрыв, подмытый водой. Ср. у Махмуда Кашгари *oprī* – «яма, впадина, низменность» [47, 368].

Ор [or] – яма, ров, котловина. В др.-турк. *oru* – «яма для хранения овощей; яма, темница» [47, 371]. У Радлова В.В. *or* – «яма, ров»

[141, 1046]. Алт. *оро* – «яма; ров; овраг; впадина; плесовая (о реке)»; хак. *ора* – «яма»; каз. *ор*, узб. *ўра*, уйг. *ора* – «яма, ров, канава». Термин изредка встречается в топонимии, напр.: рч. Ор-Казган (верх. р. Чангет) в Джалаал-Абадск. обл.

Ордо [ordο] – стан, ставка хана; главный поселок. В др.-турк. *ordu* – «ставка, резиденция хана, дворец» [47, 370]. У Радлова В.В. *орда*, *орду* – «дворец, палатка сultана, ханская ставка» [141, 1063]. Термин имеет широкий ареал распространения в тюркских языках, напр.: каз., уйг. – *орда*, алт. – *ордо*, тув. – *орду* и др. Термин иногда употребляется в качестве наименования поселения, напр.: с. Кызыл-Ордо в Ошск. обл.

Ормон [ormon] – лес; глухая лесная чаща; густой хвойный лес; роща. В др.-турк. *orman* – «лес» [47, 371]. У Радлова В.В. *орман*, *урман* – «лес» [141, 1067, 1673]; тат. и башк. – *урман*, каз. – *орман*, узб. – *ўрмон*.

Орток [ortok] – место слияния двух горных долин [75, 154]. Термин иногда встречается в топонимии, напр.: г. Орток (хр. Тескей Ала-Тоо), г. Кара-Орток в Иссык-Кульск. обл. и др.

От жер [otžer] – место с хорошим подножным кормом, хорошее пастбище (зд. *от* – «трава»). Каз. *отжер* – «пастбище, богатое подножным кормом».

Отор [otor] – отдаленное зимнее пастбище. У Радлова В.В. *otar* – «пастбище; отдаленное от аула пастбище» [141, 1105]. Каз. *отор* – «пастбище любого сезона, расположено вдали от аула; хутор» [73, 31].

Отток (отток жер) [ottok/ottokžer] – то же, что **от жер** (см.).

Оюк [ojuk] – углубление, впадина, выемка. У Радлова В.В. *ojac*, *ojyk* – «низменность, лог», *ojyk* – «дыра, яма» [141, 1037–1039]; тув., туркм. *оюк*, хак. *оыйх* – «выемка, углубление».

Оюлма [ojulma] (южн. д.) – горная дорога, тропа.

Оюм [ojum] – выемка, впадина. У Радлова В.В. *ojым* – «низменность, долина», *ojум* – «яма, углубление, дыра» [141, 1038, 1041]; хак. *оыйм* – «долина»; *оыйг* – «пологая, отлогая местность».

Өбө (өбө-дөбө) [öbö/öbödöbö] – бугры-холмы.

Өбө-дөбө [öbödöbö] – то же, что **өбө** (см.).

Өгүз [ögüz] (уст.) – река. В др.-турк. *ögüz* – «река» [47, 382]. В настоящее время термин в этом значении не употребляется, но сохранился в топонимах: ледн. Ак-Өгүз (хр. Какшаал-Too), р. Же-

ти-Өгүз в Иссык-Кульск. обл.; пер. Өгүз-Ашуу (хр. Кыргызский Ала-Too) в Таласск. обл.; р. Өгүз-Ашуу (лев. пр. р. Чоң-Кемин) в Чуйск. обл. и др.

Өзөк [özök`] – проток реки; балка, ложбина. В др.-турк. *öz* – «долина, проход между горами», *özäk* – «узкий проход в горах, ущелье» [47, 395]. У Радлова В.В. *özök* – «ручей, река; долина» [141, 1302]. Каз. *өзек* – «речка, иногда высыхающая»; алт. *özök* – «речка; ручей; русло; лощина, долина в горах».

Өзөн [özön] – русло, маловодная речка; горная долина с рекой. Ср. в др.-турк. *ögän* – «канал, ручей» [47, 379]. У Радлова В.В. *özön* – «река» [141, 1302]. Каз. *өзен* – «речка, река»; тат. *үзән* – «долина»; хак. *өзен* – «лог, ложбина»; тув. *өзен* – «ложбина»; узб. *ўзан* – «руслу реки».

Өзөн башы [özönbašy] – исток реки, верховье.

Өзөн булак (өзөндүү булак) [özönbulak/özöndü:bulak] – родник, переходящий в речку.

Өзөн сүү (өзөндүү сүү) [özönsü:/özöndü:su:] – проточная вода, речка.

Өйүз [öjüz] – сторона, берег.

Өлкө [öl'kö] – страна; местность; теплое, заветренное место, удобное для скота. У Радлова В.В. *ölkä* – «страна, край, отчество, провинция, владение, государство, империя, царство» [141, 1253]. Каз. *өлкө* – «пониженная местность с луговой водолюбивой растительностью и выходом или близким стоянием грунтовых вод; пойма реки с лугами; край, область, бассейн реки» [73, 30].

Өлөң [ölöŋ] (досл. осока) – луг; место, изобилующее травой, осокой.

В др.-турк. *öläj* – «лужайка» [47, 383]. У Радлова В.В. *öläh*, *ölöh* – «сочное растение, трава, луг, степь; болотистое растение» [141, 1246, 1247]. Термин нередко встречается в топонимии: пер. Конур-Өлөң (хр. Тескей Ала-Тоо), ур. Ак-Өлөң, оз. Конур-Өлөң, с. Ак-Өлөң в Иссык-Кульск. обл. и др.

Өмбүл-дөмбүл [ömbü'l/dömbü'l] (досл. бугристый) – бугорки и кочки (см. **дөмбүл**).

Өмбүл-дөмбүл саз [ömbü'l dömbü'l saz] – кочковатое болото.

Өндүр [öndür] – ложбина, долина реки.

Өндүрлүү чалкак [öndürlü:čalkak] – узкая горная ложбина с рекой (см. **чалкак**).

Өңгөк (өңгөк-дөңгөк) [öngök'/öngök`döñgök`] – кочковатая, неровная местность.

Өңгөк-дөңгөк [öngök`döñgök`] – то же, что **өңгөк** (см.).

Өңгүл (өңгү-дөңгү, өңгүл-дөңгүл) [öңgül'/öңgüdöңgү] – то же, что **өңгөк** (см.).

Өңгүл-дөңгүл жол [öңgül'döңgүl'žol] – бугристая, неровная дорога, вся в колдобинах.

Өөн [ö:ñ] – то же, что **кокту** (см.), но длиннее; пространство между двумя **жылга** (см.); равнинное место в горах.

Өр [ör] – пологий, некрутой подъем; повышение местности. Такое же значение имеет термин *өр* в каз.; уйг. *өр* – «отлогая возвышенность; бугор; подъем; обрыв». У Радлова В.В. *өр* – «высокое место, возвышенность» [141, 1216].

Өрдөш [ördöš] – ложбина в верховьях горной реки.

Өркөчтүү тоо [örköčtү:to:] (зд. *өркөч* – «горб верблюда; холка») – ряд скалистых вершин, гребень.

Өркөчтүү суу [örköčtү:su:] – бурное течение реки, с вздывающими-ся волнами.

Өрөөн [örö:n] – долина.

Өрүш [örüs] – горное пастбище вблизи айыла, выгон (см. **айыл**). У Радлова В.В. *öryç*, *öryi* – «пастбище вблизи аула» [141, 1226]. По Конкашпаеву Г.К., *öric* – «выгон, место пастьбы скота, расположенное вокруг стоянки аула; радиус района пастьбы определяется расстоянием, на которое отходит скот от аула в течение дня (а для лошади также ночи). Каждый вид скота имеет свой радиус района пастьбы (*өріс*) в зависимости от того, на какое расстояние он может отойти от стоянки» [73, 30]; в азерб. *ərüş* – «луг»; туркм. *əri* – «пастбище»; тув. *ərtəg* – «пастбище, место, где пасется лошадь на аркане».

Өстөн [östön] – оросительный канал, большой арык. У Радлова В.В. *östäñ*, *östän* – «большой канал, который произведен прямо из реки для орошения полей» [141, 1298].

Өткөөл [ötkö:ł] – горный проход; брод, переправа. В каз. *ətkel* – «брод, переправа»; уйг. *ətkul* – «переправа, проход»; тат. *utkel* – «перевал». У Радлова В.В. *ötköl* – «брод» [141, 1270].

Өтмөк (өтмөлүк) [ötmöök'/ötmölük'] – брод; проход. Термин нередко встречается в топонимии, напр.: пер. **Өтмөк** (хр. Таласский Ала-Тоо), р. **Өтмөк** (прав. пр. р. Уч-Кошой) в Таласск. обл.; р. **Өтмөк** (лев. пр. р. Суусамыр) в Чуйск. обл. и др.

Өтмөлүк [ötmölük'] – то же, что **өтмөк** (см.).

Өтөк [ötök'] – горная впадина, ровное место на склоне горы; зимовье. Нечасто можно встретить употребление термина в географи-

ческих названиях, напр.: пер. Бел-Өтөк (Алайский хр.) в Ошск. обл.; пер. Кош-Өтөк (хр. Терек-Тоо) в Ошск. обл.; г. Таш-Өтөк (хр. Молдо-Тоо) в Нарынск. обл.; с. Өтөк в Ошск. обл. и др.

Рабат [rabat] (араб.) – предместье; окраина города; пограничное укрепление. В др.-турк. *rabat*, *ribat* – «рабат, караван-сарай» [47, 476–477]. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: пер. Таш-Рабат (хр. Ат-Башы), р. Таш-Рабат (прав. пр. р. Кара-Коюн) в Нарынск. обл.; рч. Рабат-Сай (прав. пр. р. Терс) в Джалаал-Абадск. обл.; с. Рабат в Баткенск. обл. и др.

Саганак [sayanak] – каменистая местность, каменистое ложе горной реки.

Сагаса [sayasa] – хвойный лес.

Саз [saz] – болото, мокрые луга, заболоченные участки около озер и рек. У Радлова В.В. *sac*, *saz* – «болото, глина на солончаковой почве» [141, 2111, 394, 397]; в тат. *saz* – «болото»; к.-калп. *saz* – «глина (почва)»; хак. *sac* – «болото, трясина»; каз. *saz* – «глина, топкое болотистое место, болотисто-луговая местность»; уйг. *saz* – «болото, трясина, болотистая местность»; тув. *sac* – «стоячее зловонное болото»; алт. *sac* – «болото, болотистый; трясина». Термин широко бытует в топонимии: пер. Кен-Саз (хр. Соң-Көл-Тоо) в Нарынск. обл.; ур. Кыр-Саз (южн. берег оз. Иссык-Куль), р. Кара-Саз (прав. пр. р. Кичи-Нарын) в Иссык-Кульск. обл.; р. Саз (прав. пр. р. Донуз-Тоо) в Ошск. обл.; с. Кара-Саз в Нарынск. обл. и др.

Саздак (саздык) [sazdak/sazdyk] – заболоченность, болотистое место, мочажина.

Саздык [sazdyk] – то же, что **саздак** (см.).

Сай [sai] – сухое русло небольшой реки, малая горная река, ручей в овраге; ложбина, ущелье. В др.-турк. *saj* – «каменистое место вулканического происхождения; пустынная равнина» [47, 481]. У Радлова В.В. *cai* – «мелкое место в реке, сухое русло реки, покрытое гальками; пустынная равнина; узкий, длинный овраг; река» [141, 2111, 219–220]; тув. *сай*, *сайыр* – «галька; высохшее русло реки, покрытое галькой»; каз. *сай* – «балка, лощина; сухое русло небольшой реки; малая горная река»; алт., хак. *сай* – «галька, щебень, мелкий камень; мель»; уйг. *сай* – «высохшее русло реки; ручей; лощина»; туркм. *чай* – «селевые русла до выхода на равнину; горная речка». Термин формирует многочисленные географические названия: ледн. Кара-Сай (хр. Ак-Шай-

рак) в Иссык-Кульск. обл.; пер. Жон-Сай (хр. Таласский Ала-Too) в Таласск. обл.; ур. Ак-Сай (лев. берег р. Исфара) в Баткенск. обл.; р. Ак-Сай-Башы (прав. пр. р. Нарын) в Джадал-Абадск. обл.; р. Кен-Сай (лев. пр. р. Ак-Көл) в Нарынск. обл.; с. Ак-Сай в Чуйск. обл. и др.

Сайан (саяң) [sajaj] – мель; коса.

Сайран жер [sajranžer] – привольные места.

Сайран талаа [sajrantala:] – широкая, привольная степь.

Сайроон [sajro:n] – отмель, мелководье, перекат. У Махмуда Кашгари *sajram* – «мелкая, неглубокая вода» [47, 481].

Сайташ [sajtaš] – галечник.

Салаа [sala:] – межгорная ложбина, по которой стекают талые воды.

Каз. *sala* – «разветвление; отрог». Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: г. Куру-Салаа в Баткенск. обл. и др.

Салгар (салгар жол) [salyaržol] – большая горная дорога, не тропинка.

Сандык [sandyk] (досл. сундук) – межгорная котловина; урочища, расположенные в понижениях или на ровных поверхностях; глыбовые горы. Мурзаев Э.М. отмечает, что *сандык* «употребляется для названия урочищ, расположенных в понижениях и котловинах, среди альпийских долин или на ровной поверхности **сырта** (см.). Так, в верховьях р. Сөөк (бассейн Чу) есть два урочища по обе стороны реки: Күнгөй-сандык и Терскей-сандык» [101, 324]. В др.-турк. *sanduy* – «сундук» [47, 484]. В каз. *сандыктау*, *сандыктаас* – «отдельная массивная гора со сглаженным плоским верхом, без выступающих вершин». Термин обладает большой топонимической активностью: ур. Сандык-Тескей (хр. Жумгал-Too), рч. Сандык-Суу (прав. пр. р. Түгөл-Сай), хр. и р. Сандык (прав. пр. р. Суусамыр) в Нарынск. обл. и др.

Сарай [saraj] – дворец; постоянный двор; крытое помещение для скота. Термин иногда употребляется в составе географических названий, напр.: пер. Ак-Сарай (г. Галча-Башы) в Баткенск. обл.; г. Көк-Сарай (Чаткальский хр.), р. Сарай-Сай (лев. пр. р. Касан-Сай) в Джадал-Абадск. обл. и др.

Сары булак [sarybulak] (досл. желтый родник) – горный родник, ключ, источник. *Сары* может выступать и в значении «широкий». Обильны примеры в топонимии: пер. Сары-Булак (хр. Ка-чуура) в Ошск. обл.; г. Сары-Булак (хр. Күнгөй Ала-Too) в Иссык-Кульск. обл.; ур. Сары-Булак (хр. Ой-Кайын), р. Сары-Бу-

лак (лев. пр. р. Жоон-Арык) в Нарынск. обл.; рч. Сары-Булак (прав. пр. р. Терс) в Джадал-Абадск. обл.; с. Сары-Булак в Таласск. обл. и др.

Сары жол [saryžol] (досл. желтая дорога) – большая выючная или скотопрогонная дорога (см. **жол**).

Сары майдан [sarymajdan] – местность, покрытая пожелтевшей растительностью (см. **майдан**).

Сары талаа [sarytala:] – пожелтевшая степь, безлюдная степь; широкая степь (см. **талаа**). В каз. *сарыдала* – «широкая ковыльно-типчаковая степь».

Сары топурак [sarytopurak] – желтозем (см. **топурак**).

Сары суу [sarysu:] (досл. желтая вода) – степные реки, протекающие по глинистым территориям, отчего вода мутная; широкая река. По свидетельству Мурзаева Э.М., *сары суу* «обычно называют степные реки, протекающие по глинистым и лёссовым территориям, вследствие чего они несут большое количество взвешенного материала. Вода их действительно желтоватая, мутная (лай). Поэтому реки с таким названием можно встретить обычно и в подгорных равнинах, но их значительно меньше во внутренних частях Тянь-Шаня» [101, 324].

Сая [saja] (ир.) – тень; место, защищенное от жары, с прохладной тенью.

Секи [seki] – небольшой плоский выступ в предгорьях. Термин иногда присутствует в составе географических названий: р. Секи-Арча-Булак (прав. пр. р. Чон-Кемин) в Чуйск. обл.; с. Куу-Секи в Нарынск. обл. и др.

Секиртме ашуу [sekirtmeašu:] – горный перевал с труднопроходимыми уступами, обрывами.

Сел [sel] (ир.) – селевой поток; бурные стремительные потоки дождевых вод, несущие огромное количество грязи и камней. У Радлова В.В. *cäl* – «течение, наводнение» [141, 2111, 476].

Сенир [sejir] – высокий гребень горы; горный скалистый выступ; мыс. У Махмуда Кашгари *sejir* – «мыс горы; конец стены» [47, 495]. У Радлова В.В. *cäjir*, *señir* – «предгорье, мыс; густой лес» [141, 2111, 478–479]. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: хр. Кара-Сенир (Суусамырская впад.) в Чуйск. обл.; с. Кызыл-Сенир в Ошск. обл. и др.

Сере [sere] (тяньш. г.) – небольшой холм. Топонимы с этим термином немногочисленны: г. Куу-Сере (хр. Күнгөй Ала-Too) в Ис-

сык-Кульск. обл.; р. Сере-Суу (лев. пр. р. Майлы-Суу) в Джалал-Абадск. обл. и др.

Сокмо (сокмо жол) [sokmo/sokmožol] – узкая тропинка.

Сокмок [sokmok] – тропинка. У Радлова В.В. *coknak, cokmak* – «тропинка, дорожка» [141, 2111, 527]. В каз. *coknak* – «проселочная дорога; тропинка».

Сормо [sormo] – трясина; болотистое место.

Сугат [suyat] – удобное для водопоя место; водопой. У Махмуда Кашгари *suylay* – «водопой» [47, 515]. В алт., тув. языках *sugat*, каз. *suat*, азерб. *suvat*, хак. *sugat* – с тем же значением. Термин иногда присутствует в составе географических названий: вдп. Көгүчкөн-Сугат (дол. р. Аламедин) в Чуйск. обл. и др.

Сугум [suγum] – горная впадина, заросшая густым лесом.

Суу [su:] – вода, река, ручей. Самый распространенный гидронимический термин со значением «река», в свою очередь образующий ряд гидротерминов: *ak suu, kara suu, sarpy suu, kyzyl suu* и др. В тюркских языках этот термин употребляется как в значении «вода», так и в значении «река». В др.-тюрк. *sub, suy, suv* – «вода, влага, жидкость» [47, 512, 513, 515]. У Радлова В.В. *su* (*sub, suv, suz*) – «вода, река, ручей» [141, 753–756, 2111]. Термин широко распространен в Кыргызстане: пер. Кен-Суу (хр. Ат-Башы), р. Сары-Суу (лев. пр. р. Алабуга) в Нарынск. обл.; рч. Кичи-Суу (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл.; оз. Кара-Суу (басс. р. Кара-Суу) в Таласск. обл.; г. Жылуу-Суу (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Суу аралыгы [su:aralyγy] – междуречье; водораздел.

Суу аягы [su:ajagy] (зд. *аяк* – «нижняя часть, конец») – устье реки, ее нижнее течение. В др.-тюрк. *ajaq* – «нога; конец» [47, 27]. У Радлова В.В. *ajak* – «конец; устье реки, канала» [141, 205]. У Мурзаева Э.М. – «устье реки, ее нижнее течение, конец, подножье горы» [106, 61]; в уйг., тат. *aiak* – «низовье, нижнее течение»; каз. *аяк* – «низовье, устье реки, район нижнего течения»; тув. *adak* – «низовье». Термин иногда встречается в топонимии: рч. Аяк-Кара-Жылга (прав. пр. р. Корумдук), рч. Аяк-Белче (прав. пр. р. Жоон-Арык) в Нарынск. обл.; рч. Аяк-Терек (прав. пр. р. Чаткал) в Джалал-Абадск. обл.; рч. Аяк-Көл (лев. пр. р. Уч-Көл) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Суу башы [su:bašy] – верховье реки, исток.

Сырт [syrt] (досл. внешняя сторона) – высокогорное плато, высокогорная сглаженная равнина на горных хребтах; далекая местность, периферия. Мурзаев Э.М. указывает на заимствование из монг. яз.: «Очень удачный термин, применяемый для обозначения плоских высокогорных плато Тянь-Шаня, представляющих денудационную поверхность горных хребтов. Ландшафт сыртов унылый, неприветливый, климат здесь холодный. Поверхность их часто покрыта моренными отложениями; вследствие вечной мерзлоты обычны **сазы** (см.). Горизонтальность сыртов или их слабый уклон способствует образованию маленьких озер. Высота сыртов 3000–3700 м. Плоский, возвышающийся сырт, с резко обрывающимися краями, как бы действительно напоминает спину хребта» [101, 325]. У Махмуда Кашгари *sirt* – «возвышенность, сырт» [47, 505]. У Радлова В.В. *сырт* – «возвышенность, бугор, холм» [141, 2111, 647]. В каз. *сырт* – «вытянутая возвышенность со сглаженным верхом; сглаженный верх возвышенности; пологий, вытянутый склон возвышенности, расположенный в направлении господствующих ветров» [73, 37]. В хак., тат., башк., алт. – *сырт*. Термин входит в состав некоторых географических названий, напр.: ур. Орто-Сырт, рч. Сырт-Кашка-Суу (лев. пр. р. Жаман-Даван) в Нарынск. обл.; с. Сырт в Баткенск. обл. и др.

Тава [tava] (ир.) – мелкие ответвления головного арыка (оросительного канала).

Таз (таз жер) [tazžer] (досл. плешь; голый, обнаженный) – голая, без растительности местность. В др.-тюрк. *taz jer* – «лишенная растительности, солончаковая местность» [47, 543].

Таз чоку [tazčoku] – обнаженный горный пик (см. **чоку**).

Тайпагай жылга [tajpagajžylga] (зд. *тайпагай* – «широкий») – широкая впадина (см. **жылга**).

Тайпак (тайпан) [tajpak/tajpaŋ] (досл. плоский, широкий) – горное плато.

Тайпак жер [tajpakžer] – ровная, плоская поверхность земли.

Тайпак тоо [tajpaktɔ:] – нагорье.

Тайпан [tajpaŋ] – то же, что **тайпак** (см.).

Тайыз [tajyz] – мель, мелководье.

Тайыздык [tajyzdyk] – отмель, мель, мелководье.

Такыр (такыр жер) [takyr/takyržer] – голое, лишенное растительности, глинистое место; пустырь. У Махмуда Кашгари *tatir, tatır*

jer – «ровное глинистое место, лишенное растительности» [47, 542]. У Радлова В.В. *такыр* – «гладкий, ровный; без травы» [141, 783]. По Конкашпаеву Г.К., каз. *такыр* – «пониженное пространство с глинистой поверхностью, совершенно лишенное растительности. Обычно такая местность весною заливается водой, а летом высыхает, после чего поверхность ее покрывается трещинами» [73, 35]; уйг. *taqır* – «голое, лишенное растительности место в степи»; башк. *такыр*, хак. *тахыр* – в том же значении. Термин нередко входит в состав географических названий, напр.: рч. Такыр-Төр (прав. пр. р. Норус), рч. Такыр-Төр (лев. пр. р. Каракол) в Чуйск. обл. и др.

Талаа [tala:] – степь, поле, открытая равнина. В др.-турк. *tala* – «степь» [47, 528]. У Радлова В.В. *тала* – «равнина, степь» [141, 877]. Термин нередко используется в топонимии, напр.: ур. Кум-Талаа в Иссык-Кульск. обл.; ур. Беш-Талаа в Нарынск. обл.; гг. Талаа в Баткенск. обл.; с. Дөң-Талаа в Иссык-Кульск. обл. и др.

Там [tam] – дом; стена. В др.-турк. *tam* – «стена» [47, 529]. У Радлова В.В. *там* – «слой, слой земли; стена» [141, 991]. Термин нередко можно встретить в качестве наименования поселения: с. Айры-Там, с. Ак-Там в Джалал-Абадск. обл.; с. Оорук-Там в Нарынск. обл. и др.

Тамак [tamak] (досл. горло) – устье реки; вход в ущелье. С таким же значением встречается почти во всех тюркских языках: каз., уйг. – *тамак*, узб. – *томок*, башк. – *tamak* и др. В др.-турк. *tamay*, *tataq* – «горло, глотка» [47, 529].

Таман [taman] (досл. подошва) – дно реки, озера; ущелье. Узб. *tovon*, каз. *табан*, туркм. *дабан* имеют то же значение. Термин входит в состав некоторых географических названий, напр.: р. Кара-Таман (лев. пр. р. Нарын) в Джалал-Абадск. обл.; рч. Төө-Таман (прав. пр. р. Жети-Көпүрөө) в Баткенск. обл. и др.

Тамга [tamya] (уст.) – речка; приток реки. В др.-турк. *tamya* – «рукав, приток реки; небольшая речка, ручей; залив» [47, 530]. В настоящее время термин в этом значении не употребляется, но сохранился в некоторых топонимах, напр.: зал. Тамга (оз. Иссык-Куль), р. Тамга (пр. оз. Иссык-Куль), с. Тамга в Иссык-Кульск. обл.; с. Ай-Тамга в Ошск. обл. и др.

Тамчы [tamčy] (досл. капля) – скучный родник; источник с малым дебитом. Термин нередко встречается в топонимии, напр.: пер. Тамчы (Алайский хр.) в Баткенск. обл.; пер. Он-Тамчы (хр. Ба-

баш-Ата) в Джалал-Абадск. обл.; р. Тамчы (пр. оз. Иссык-Куль), с. Тамчы в Иссык-Кульск. обл. и др.

Таңғи (тәңғи) [taŋgi/teŋgi] – то же, что **данғи** (см.).

Тарагай [taragai] – местность, где не растет ель; безлесная местность. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: р. Тарагай (прав. пр. р. Чон-Нарын) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Тарак [tarak] (досл. гребешок, расческа) – горные гребни с изоби- лющими пиками.

Тарам [taram] – рукав реки, проток, разветвление реки у устья; разветвление дороги. У Махмуда Кашгари *tarım* – «рукав, приток реки» [47, 537]. У Радлова В.В. *тарам* – «разветвление реки у устья, дельта» [141, 845]. Каз. *тарам*, узб. *тармок*, башк., тат. *тармак*, уйг. *тармак* – «рукав реки».

Тараша [taraşa] – невысокий гребень горы с отвесными склонами. Иногда термин употребляется в качестве собственных географических названий, напр.: р. Тараша (лев. пр. р. Кызыл-Суу), рч. Тараша (прав. пр. р. Шибе) в Ошск. обл. и др.

Тарашалуу керүү [tarašalu:kerü:] – склон горы с отвесными боко- винами (см. **керүү**).

Тартма саздак [tartmasazdak] – трясина (см. **саздак**).

Тас [tas] – то же, что **таз** (см.).

Тас талаа (таз талаа) [tastala:] – голая степь (см. **талаа**).

Таш [taš] – камень, валун, скала. В др.-турк. *taš* – «камень» [47, 539]. У Радлова В.В. *tas*, *tashi* – «камень, каменный» [141, 916, 931]. Термин широко распространен в тюркских языках: каз., хак., тувин. *tas*, тат., башк., алт. *tash*, узб. *toşı*, туркм., азерб. *dashi*. Термин также широко бытует в топонимии: г. Агала-Таш (центр. часть хр. Күнгөй Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; пер. Айры-Таш (хр. Ак-Төр) в Ошск. обл.; ур. Жар-Таш (лев. берег р. Жумгал) в Нарынск. обл.; рч. Беш-Таш (лев. пр. р. Узун-Акмат) в Таласск. обл.; с. Жалпак-Таш в Джалал-Абадск. обл. и др.

Таш башат [tašbašat] – см. **башат**.

Таш майдан [tašmajdan] – каменистая местность (см. **майдан**).

Ташкын [taškyn] – наводнение, разлив реки. В том же значении каз. *таскын*, уйг. *taşkin*, узб. *toşkin*, тат. *taşkын*, азерб. *daşgыn*, хак. *tasxyn*. У Радлова В.В. *ташкын* – «разливающийся, выходящий из берегов; река» [141, 938].

Таштак [taštak] – каменистая местность (ср. **таш майдан**). Каз. *maстак* – «местность с щебенистыми почвами».

Таштын үңкүрү [taştynüñkürü] – углубление, пещера в скалах (см. **үңкүр**).

Тебин (тебинди) [tebin/tebindi] – пастбище; место, где трава вытоптана скотом. Подробно у Конкашпаева Г.К.: «Тебін – зимнее пастбище, покрытое снегом. Лошади и овцы из-под снега ногами откапывают себе корм, отсюда и слово тебин» [73, 36].

Тегиздик [tegizdik'] – ровное место, равнина. У Радлова В.В. *тегіс, тегіз, тегіздік* – «ровный, гладкий; гладкость, ровность» [141, 337–336, 1036]. Каз. *тегістік*, башк., тат. *тигезлек*, туркм. *тегизлик*, узб. *текислик* – в значении «равнина».

Тектирир [tek'tir] – равнина в высоких горах, небольшое горное плато. У Радлова В.В. *тектирир* – «широкий, большой» [141, 1014]. Термин часто присутствует в составе географических наименований: ур. Арпа-Тектирир (дол. р. Көөлү) в Иссык-Кульск. обл.; г. Боз-Тектирир (хр. Күмүштак) в Таласск. обл.; г. Сары-Тектирир (хр. Кыргызский Ала-Тоо) в Чуйск. обл.; с. Ак-Тектирир Таласск. обл. и др.

Тектиричче [tek'tirče] – то же, что **тектирир** (см.), но меньших размеров. **Тениз [teñiz]** – то же, что **дениз** (см.).

Терен [tereq] (досл. глубокий) – глубина; глубокое место воды, омут. В др.-турк. *teräj, teriñ* – «глубокий» [47, 553, 554].

Терендилик [tereqdik] – то же, что **терен** (см.). **Тескей (терскей) [teskej/terskej]** – северная сторона; склон горы, находящийся в тени. У Радлова В.В. *тескәй* – «сторона горы, которая не освещается солнцем» [141, 1098]. Примеры в топонимии немногочисленны: хр. Тескей в Баткенск. обл.; хр. Тескей Ала-Тоо в Иссык-Кульск. обл.; гг. Көгала-Тескей (Туркестанский хр.) в Баткенск. обл.; пер. Тескей-Торпу (хр. Молдо-Тоо) в Нарынск. обл. и др.

Тескейче [teskejče] – северный склон невысокой горы (см. **тескей**). **Тилке [til'ke]** – географическая полоса. У Махмуда Кашгари *tilgä* – «полоса земли» [47, 560].

Тогон (тогоон) [toyon/toyo:n] – запруда, плотина. В каз. *тоган* – «большой арык, канал; запруда, плотина», узб. *тўғон* – «запруда».

Тогоон [toyo:n] – то же, что **тогон** (см.).

Тоз [tos] – вода, текущая поверх льда.

Токой [tokoj] – лес; лесные заросли на равнинах; пойменный лес. У Радлова В.В. *tokai* – «леса в низменностях, в извилинах реки», *тогай* – «луг, низменность, покрытая лесом; извилины реки; лес» [141, 1147, 1158–1159]. В туркм. – *токаз*, каз., к.-калп. –

токазай, алт. – *токазай*, узб. – *тўқай*. Термин входит в состав многих географических названий, напр.: ур. Найза-Токой в Джалаал-Абадск. обл.; рч. Карангы-Токой (лев. пр. р. Макмал), вдхр. Орто-Токой в Нарынск. обл.; пер. Токойлуу-Ашуу (хр. Кыргызский Ала-Тоо), рч. Токойлуу (лев. пр. р. Суусамыр) в Чуйск. обл.; с. Кек-Токой в Таласск. обл. и др.

Толкун [tolkun] – волна, зыбь; шторм.

Тологой [toloyoj] – склон горы между снеговой вершиной и возделываемой полосой. Термин изредка встречается в топонимии, напр.: г. Кара-Тологой в Нарынск. обл.; с. Сары-Тологой в Иссык-Кульск. обл. и др.

Томпок (томпоктук) [tompok/tompoktuk] – выпуклость, бугор. У Радлова В.В. *томпак* – «выпуклость на земле вроде кургана» [141, 1240]. В каз. языке – *тәмпей*, *томпак*, *тәмпешік*.

Томпоктук [tompoktuk] – то же, что **томпок** (см.).

Тоо [to:] – гора. В др.-турк. *tay* – «гора» [47, 526]. У Радлова В.В. *may, тәб, тү* – «гора, горы» [141, 773, 1140]. Термин известен во многих тюркских языках: каз., башк., тат. – *may*, алт. – *туу*, узб. – *төз*, хак. – *тағ*, туркм., азерб., тув. – *даг*. Термин формирует многочисленные географические названия, напр.: хр. Жумгал-Тоо в Нарынск. обл.; гг. Жети-Көл-Тоо (Алайск. хр.) в Баткенск. обл.; гг. Карабча-Тоо в Таласск. обл.; рч. Кургак-Тоо (прав. пр. р. Карабай) в Иссык-Кульск. обл.; с. Керме-Тоо в Ошск. обл. и др.

Тоо башы [to:bašy] – вершина горы.

Тоо кыркасы [to:kyrkasy] – горный хребет.

Тоо чокусу [to:čokusu] – вершина горы.

Тоо этеги [to:ätegi] (досл. низ горы) – подошва горы, предгорье (см. **этек**).

Топон (топон сүү) [toponsu:] (ир.) – бурный поток, сильное наводнение.

Топурак [topurak] – земля, почва. В др.-турк. *topraq* – «земля; прах, пыль» [47, 575]. У Радлова В.В. *тобрак, topak* – «земля, почва; страна; пыль» [141, 1253]; каз., туркм., уйг. *toprak*, хак. *тобрах*, узб. *тупрак*, башк. *тупрак*, азерб. *торпаг*, тат. *туфрак* – в значении «земля, почва». Термин не обладает большой топонимообразующей активностью: пер. Топурак-Бел в Нарынск. обл. и др.

Тороо [toro:] – рукав реки, разливок, разветвление; отрог хребта. Термин входит в состав некоторых географических названий, напр.: впд. Тогуз-Тороо в Нарынской обл. и др.

Торпу [torpu] – каменистый склон горы.

Төбө [töbö] (досл. макушка, темя) – иногда то же, что **дөбө** (см.).

В др.-турк. *töri* – «темя, макушка; голова; вершина» [47, 580]. У Радлова В.В. *täbä*, *töbö* – «вершина, верхушка, верхняя часть» [141, 1118, 1271]; в том же значении употребляется уйг. *tənə*, узб. *təna*, азерб. *tənə*, туркм. *dene*, башк. *tübə*, алт. *töbö*, каз. *təbe*. Термин нередко встречается в топонимии: пер. Ак-Төбө (хр. Суусамыр-Тоо) в Нарынск. обл.; г. Арал-Төбө (хр. Жетим-Бел) в Иссык-Кульск. обл.; р. Кара-Төбө (прав. пр. р. Чаткал) в Джалаал-Абадск. обл.; г. Көк-Төбө (Кеминский хр.) в Чуйск. обл.; с. Ак-Төбө в Таласск. обл. и др.

Төө карын [tö:karyn] – извилистая местность; местность, с извилистыми впадинами.

Төө таш [tö:taš] – валун (см. **таш**).

Төр [tör] (досл. почетное место) – высокое горное пастбище, верхняя часть горной долины. В др.-турк. *tör* – «место против входа, почетное место» [47, 580]. Термин обладает большой топонимической активностью: пер. Төр-Ашуу (хр. Бабаш-Ата) в Джалаал-Абадск. обл.; г. Ай-Төр (хр. Күңгөй Ала-Тоо), рч. Айры-Төр (лев. пр. р. Кайчы), ледн. Кичи-Суук-Төр (хр. Какшаал-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Кара-Төр (лев. пр. р. Сөөк) в Нарынск. обл. и др.

Төрткүл [törtkü'l] (досл. четырехугольный) – развалины древнего населенного пункта; крепость. У Махмуда Кашгари *törtkil*, *törtkil* – «четырехугольный» [47, 581], так же у Радлова В.В. *töörtkүl* [141, 1258]. Конкашпаев Г.К. так объясняет значение термина для Казахстана: «а) в юго-западной части Казахстана *төрткүл* означает столовые возвышенности (останцы), сложенные из осадочных пород с обрывистыми склонами; б) на юге Казахстана, где чаще встречаются развалины древних строений, турткулями называют остатки поселений и крепостей в виде плоской небольшой возвышенности, имеющей форму четырехугольника» [73, 37]. Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: ур. и вдхр. Төрткүл в Баткенск. обл. и др.

Төш (дөш) [töš/döš] (досл. грудь) – часть горы выше подошвы, нижняя часть склона, пригорье (см. **дөш**). В др.-турк. *töš* – «грудь» [47, 582]. У Радлова В.В. *töç* – «основание, нижняя часть; горная возвышенность» [141, 1264, 1265]. Термин встречается почти во всех современных тюркских языках. В топонимии Кыр-

гызстана термин не имеет широкого распространения: с. Төш, ур. Төшкө-Жатар в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Тугай [tuγaj] – пойма рек с зарослями кустарника и камыши.

Туз [tus] (досл. соль) – солончак, соленое озеро. В др.-турк. *tuz* – «соль» [47, 594]. Каз. *tuz*, туркм. *düz*, узб. *tuz*, хак. *tus*, тув. *düs*, башк. *tos* – в значении «солончак». Термин нередко присутствует в географических названиях: пер. Кызыл-Туз (Туркестанский хр.), г. Ортон-Туз в Баткенск. обл.; рч. Кичи-Туз (прав. пр. р. Мукан) в Нарынск. обл.; рч. Туз (лев. пр. р. Алтын-Дара) в Ошск. обл.; рч. Туздуу-Суу (прав. пр. р. Нарын) в Таласск. обл.; с. Туз в Чуйск. обл. и др.

Тук [tuk] (тал. г.) – место отвода, запруды головы арыка.

Тумшук [tumšuk] (досл. клюв, нос) – мыс, длинный отрог горы, продолговатый выступ предгорья. В др.-турк. *tumšiç*, *tumšuq* – «клюв» [47, 585]. У Радлова В.В. *tumcsuk*, *tumiçuk* – «клюв; мыс» [141, 1526].

Тунма [tunma] – речной осадок, ил.

Түңгүюк (түпкүй) [tuŋgiyuk/tüpküj] – бездна, пропасть; пучина, омут.

Турак [turak] – обиталище; стоянка, становище; стойбище. У Махмуда Кашгари *turay* – «кубэжище, прибежище; логовище (в горах)» [47, 587].

Туу бел [tu:bel'] – высшая точка горного перевала (см. **бел**).

Туу жон [tu:žon] – гребень горного хребта (см. **жон**).

Туу чоку [tu:čoku] – вершина горы, самая макушка.

Түз (түз жер) [tüs/tüsžer] – ровное, плоское место; равнина. У Махмуда Кашгари *tüz*, *tüz jer* – «ровный, плоский; ровное место» [47, 602]. У Радлова В.В. *mýç*, *mýz* – «равнина, степь, поле» [141, 1576, 1581]. В хак. языке *mýç*, в туркм. *düzlük* – «равнина». Термин присутствует во многих географических названиях: ур. Көк-Туз (хр. Күңгөй Ала-Тоо), р. Туз (лев. пр. р. Сары-Жаз) в Иссык-Кульск. обл.; ур. Туз-Бел в Баткенск. обл.; рч. Туз-Ашуу-Сай (лев. пр. р. Касан-Сай) в Джалаал-Абадск. обл.; пер. Туз-Ашуу (хр. Ат-Башы) в Нарынск. обл. и др.

Түздүк [tüsdük] – равнина, степь.

Түзөң [tüzöñ] – равнина; поляна.

Түзөңүрөөк урчук [tüzöñürö:k'určuk] – пологий выступ горы (см. **урчук**).

Түзөңө [tüzöñčö] – маленькая поляна.

Түп [tüp] (досл. дно; основа, основание) – подножье горы; дно, низ.

У Радлова В.В. *tüp* – «основание, почва, дно» [141, 1595]. В др.-тюрк. *tüp* – «низ, дно, основание; подножие» [47, 598]; в том же значении каз. *tüp*, хак. *tüp*, узб. *tub*, тув. *düp*, тат., башк. *təp*, азерб. *diyb*, туркм. *duyp*. Термин имеет широкое распространение в Иссык-Кульской области Кыргызстана: р. Түп (пр. оз. Иссык-Куль), зал. Түп (оз. Иссык-Куль), р-н Түп, с. Түп и др.

Түпкүй [tüpküj] – то же, что тунгуюк (см.).

Түпсүз тунгуюк [tüpsüztüŋgijuk] – бездонная пропасть (см. тунгуюк). В др.-тюрк. *tüpsüz* – «не имеющий основы, основания, низа, дна, бездонный» [47, 598].

Үңкул (унқул-чунқул) [uŋkulčuŋkul] – местность с ямами и рытвами.

Үңкур (унқур-чункур) [uŋkurčuŋkur] – то же, что үңкул (см.).

Урма (урма суу) [urma/urmasu:] – быстрая река.

Урман [urman] – то же, что ормон (см.).

Урунчук [urupčuk] – выступ, уступ.

Урчук [určuk] – уступ, узкий отрог горы; острый выступ горы.

Уч [uč] (досл. конец, острие) – вершина горы. В др.-тюрк. *uč* – «конец, вершина» [47, 603]. У Радлова В.В. *учук* – «пик, верхушка горы» [141, 1737]. В узб., уйг., туркм., азерб. – *уч*, в башк. – *os*, в хак. – *us*.

Учма [učma] – крутой склон горы, покрытый снегом. У Радлова В.В. *учма* – «крутой обрыв, крутая скала, пропасть» [141, 1732].

Үй [üj] – дом, жилище. У Радлова В.В. *üj* – «дом, юрта» [141, 1799]. Имеет широкое распространение в тюркских языках, напр.: каз. – *үй*, узб. – *уй*, туркм., башк., тат., уйг. – *өй*. Изредка присутствует в географических наименованиях: пер. Жер-Үй (хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; рч. Жер-Үй (лев. пр. р. Ак-Сай) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Үйөр [üjör] – бурный весенний поток.

Үкөк [ükök'] (досл. ящик, сундучок) – плоская гора, высокое нагорье, плоская высокогорная долина. У Махмуда Кашгари *ükäk* – «сундук; башня» [47, 625]. Термин входит в состав многих географических названий: пер. Кичи-Үкөк (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; гг. Үкөк (хр. Тескей Ала-Тоо), оз. Көл-Үкөк (верх. р. Үкөк), рч. Көл-Үкөк (пр. оз. Көл-Үкөк) в Нарынск. обл. и др.

Үңкүр [üŋkǖr] – пещера, грот, углубление в скалах. В др.-тюрк. *üŋür* – «пещера, грот» [47, 626]. У Радлова В.В. *üŋkǖr* – «яма, пещера; низменность» [141, 1814]. В каз. *унгір* – «узкая глубокая долина

в горах, длинная горная расщелина; большая пещера, грот» [73, 39]. Узб. *унгур*, уйг. *үңкүр* – «пещера, грот». Термин встречается в составе некоторых географических названий, напр.: р. Кара-Үңкүр (прав. пр. р. Кара-Дарыя) в Джалаал-Абадск. обл.; рч. Кызыл-Үңкүр (прав. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл.; рч. Үңкүр-Сай (лев. пр. р. Ак-Көл), с. Кара-Үңкүр в Нарынск. обл. и др.

Үстү [üstü] (досл. верх, поверхность) – верховье реки; верхняя часть возвышенности. У Радлова В.В. *üstü*, *üstü* – «верхняя часть, поверхность; верхний» [141, 1881, 1885]; хак. *üstü* – «поверхность земли»; каз. *ustırt* – «возвышенность; плоскогорье»; тув. *ustu*, туркм., узб. *ust*, тат. *os(m)* – в том же значении.

Чабынды (чабынды жер) [čabyndyžer] – луга; сенокосные угодья. **Чагат** [čaŋat] – солнечный склон горы (см. **күнгөй**).

Чалғын (чалғындуу жер) [čalγyn/čalγyndu:žer] – луговая местность; место, изобилующее зеленой травой. Каз. *шалғын* имеет такое же значение.

Чалдыбар [čaldybar] (ир.) – руины, развалины, остатки древних поселений. Термин иногда употребляется в качестве наименования поселения, напр.: с. Чалдыбар в Чуйск., Ошск., Таласск. областях.

Чалкагай [čalkaŋai] – широко раскинувшаяся пологая местность.

Чалкагай ашуу [čalkaŋajašu:] – величественный горный перевал (см. *ашуу*).

Чалкак [čalkak] – широко раскинувшийся пологий склон горы.

Чалкак тоо [čalkakto:] – величественно раскинувшаяся гора.

Чалкак төр [čalkaktör] – раскинувшееся высокогорное пастище (см. *төр*).

Чалкак – чалкак зоо [čalkakzo:] – нагромождение выпирающих скал (см. *зоо*).

Чалкар бел [čalkarbel'] – огромный горный перевал.

Чалкар (чалкар көл) [čalkarköl'] – большое, обширное озеро.

Чалчык [čalčyk] – жижа, грязная лужа; болото.

Чап [čap] – обрыв, откос, каменистый или песчаный склон горы без растительности; овраг; возвышенность в межгорной котловине. Термин изредка встречается в географических наименованиях, напр.: рч. Тешик-Чап (лев. пр. р. Мұдұрұм) в Нарынск. обл.

Чар [čar] – разнолесье по берегам рек. Топонимы с этим термином многочисленны, напр.: пер. Чар (хр. Нарын-Тоо), рч. Төө-Чар (лев. пр. р. Сары-Күнгөй), рч. Чар (прав. пр. р. Ат-Башы) в Нарынск. обл. и др.

Чарбак [čarbak] (ир.) – крепость, усадьба; фруктовый сад. У Радлова В.В. *чарбак* – «крепость» [141, 1875]. Термин иногда употребляется в качестве наименования поселения, напр.: с. Чарбак в Ошск. обл. и др.

Чарбалык жер [čarbalykžer] – угодье.

Чат [čat] – удлиненная каменистая возвышенность; часть горы; место соединения долин; междуречье; разветвление реки. У Радлова В.В. *чат* – «разветвление реки, рукав реки» [141, 1893]. В каз. *шат* – «каменистый расчлененный кряж сравнительно небольшого размера с крутыми склонами и многочисленными узкими скалистыми ущельями. Поверхность его обычно усеяна обнажениями из твердых пород» [73, 40]. Термин активен в образовании географических названий: ур. Келте-Чаты (правобережье р. Алайкуу), рч. Улук-Чат (прав. пр. р. Жазы) в Ошск. обл.; рч. Сары-Чат (лев. пр. р. Көөлү), пер. Уч-Чат (хр. Какшаал-Тоо) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Чаткал [čatkal] – межгорная впадина. Каз. *шаткал* – «каменистая возвышенность, изрезанная многочисленными глубокими ущельями»; тат. *чат* – «развилка, развилка». Термин иногда употребляется в качестве собственного географического названия, напр.: впд. Чаткал, р. Чаткал, Чаткальский район в Джалаал-Абадск. обл. и др.

Чашма (чешме) [čašma/češme] (ир.) – источник. У Радлова В.В. *чаймä* – «фонтан, источник» [141, 1994]. Термин встречается во многих тюркских языках: узб. *чашма*, тат. *чишмä*, туркм. *чешме*, азерб. *чешмä*, башк. *шишмä*, но на территории Кыргызстана не имеет широкого распространения. Топонимы немногочисленны, в основном встречаются в географических названиях на юге страны напр.: гг. Сары-Чашма (Туркестанский хр.), р. Орто-Чашма (лев. пр. р. Каравшин) в Баткенск обл. и др.

Чек [ček'] – граница, рубеж. Термин не имеет широкого распространения в географических наименованиях: с. Жаны-Чек в Таласск. обл.; с. Чек в Джалаал-Абадск. обл.; с. Чек-Абад в Ошск. обл. и др.

Чеке [čeke] (досл. лоб) – край, сторона.

Чеке жер [čekežer] – окраина.

Чер [čer] – густой, дремучий лес, чаща; непроходимые заросли.

Чет [čet] – край, окраина. У Радлова В.В. *чäт* – «граница» [141, 1983]. Каз. *шет*, узб., туркм. *чет*, уйг. *чäт*, башк. *сит* – в том же значении. Термин обладает большой топонимической активно-

стью, напр.: хр. Чет-Корумду (Суусамырская впд.) в Чуйской обл.; хр. Чет-Байсоорун (хр. Күңгөй Ала-Тоо), р. Чет-Кой-Суу (пр. оз. Иссык-Куль) в Иссык-Кульск. обл.; рч. Чет-Ичке-Суу (верх. р. Ак-Сай), с. Чет-Булак в Нарынск. обл. и др.

Чоколок [čokolok] – вершина горы, холма. Каз. *шоқалақ* – «местность, покрытая кочками»; уйг. *чоқча* – «вершина холма».

Чоку [čoku] (досл. макушка) – вершина, макушка горы, пик. Каз. *шоқы*, узб. *чўкки*, уйг. *чоқа*. Термин част в топонимии, напр.: пер. Уч-Чоку (хр. Какшаал-Тоо), г. Кароол-Чоку (хр. Кайынды) в Иссык-Кульск. обл.; г. Тик-Чоку (Туркестанский хр.) в Баткенск. обл.; г. Ак-Чоку (хр. Молдо-Тоо) в Нарынск. обл. и др.

Чоот [čo:t] – водоем.

Чопо [čopo] – глина, земля.

Чордон [čordon] – место выхода родника.

Чөбөт [čöböt] – то же, что **чоот** (см.).

Чөл [čö'l] – пустыня; степь; безводная местность. Уйг., туркм. *чөл*, узб. *чўл*, тат. *чүл*, каз. *шөл*, хак. *сöл*, башк. *сүл* – в том же значении.

Чөлкө (чөлкөн) [čöl'kö/čöl'kön] – окрестность, округа.

Чөлкөн [čöl'kön] – то же, что **чөлкө** (см.).

Чөнөк [čönök'] – заливаемые впадины; впадинки, где задерживается вода атмосферных осадков.

Чөнгөк [čöngök'] – большая кочка на болоте; кочковатое болото в горах.

Чөөлмөк [čö:łmök'] – лужа.

Чоот [čo:t] – лужа.

Чубурма [čuburma] – очень узкая тропинка.

Чук [čuk] – впадина, где задерживается вода (ср. **чөнөк**).

Чукур [čukur] – впадина, котловина, ложбина, низина, углубление. У Радлова В.В. *чукур* – «яма, ров, рытвина, углубление, пещера» [141, 2167]. В тат. *чоқыр* – «яма»; уйг. *чукүр* – «впадина, котловина; яма», так же каз. *шукыр*, азерб. *чухур*, к.-калп. *шункыр*, узб. *чукурча*. Термин нередко встречается в составе географических названий: г. Ак-Чукур (Чоңалайский хр.), ур. Боке-Чукур (Алайская впд.), рч. Корумду-Чукур (лев. пр. р. Кызыл-Суу) в Ошск. обл.; г. Ак-Чункур (хр. Тескей Ала-Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; р. Кара-Чукур (верх. р. Каракол) в Нарынск. обл. и др.

Чулук [čuluk] – водоворот; (южн. д.) то же, что **шалбаа** (см.).

Чункур [čuŋkur] – то же, что **чукур** (см.).

Чункурчак [čuŋkurčak] – углубление, впадина, котловина (см. чу-
кур). Термин иногда употребляется в качестве собственного
географического названия, напр.: г. Чункурчак (хр. Тескей Ала-
Тоо) в Иссык-Кульск. обл.; ур. Чункурчак (хр. Чандалаш) в
Джалал-Абадск. обл.; пер. Чункурчак (хр. Таласский Ала-Тоо) в
Таласск. обл.; рч. Чункурчак (лев. пр. р. Аламудун) в Чуйск.
обл. и др.

Чыбыр [čubyr] – холмистая местность (см. адыр-чыбыр).

Чыбыр таш [čubyrtaš] – мелкий камень; галька.

Чым (чымдуу кыртыш) [čym/čymdu:kyrtış] (досл. дерн) – верхний
слой почвы, покрытый густо заросшей мелкой травой, дерном.
Термин входит в состав многих географических названий, напр.:
пер. Чым-Бейит (хр. Кичи-Алай) в Ошск. обл.; рч. Чым-Булак
(лев. пр. р. Чон-Кемин), с. Чым-Коргон в Чуйск. обл. и др.

Чың [čuŋ] – крутой горный обрыв; труднодоступная вершина; глу-
хие места в горах. У Радлова В.В. *čiң* – «высокий, крутой берег,
яр» [141, 2116]. В каз. *шың* – «пик, труднодоступная вершина
высоких гор; высокий обрывистый спуск возвышенности».

Чытырман (чытырман токой) [čutyrmantokoj] – лесная чаща, глу-
хой лес; густые заросли.

Шаар [ša:r] (ир.) – город. Топонимы с этим термином немногочислен-
ны: пер. Шаар (Чаткальский хр.) в Джалал-Абадск. обл.; с. Жаңы-
Шаар в Ошск. обл.; с. Кара-Шаар в Иссык-Кульск. обл. и др.

Шаарча [ša:rča] – маленький город, городок.

Шабыр [šabyr] (досл. мелкий камыш) – болотистая местность, по-
крытая мелким камышом.

Шабырлуу көл [šabyrlu:köl] – озеро с болотистыми берегами, по-
росшими мелким камышом.

Шагыл [šaŋyl] – щебень. Ср. у Радлова В.В. *шагыл* – «песчаные бу-
ры, густо поросшие травою» [141, 2111, 938]. Каз. *шагыл* – «пес-
чаная возвышенность, закрепленная растительностью; холмы,
покрытые белым кварцем; меловые возвышенности» [73, 40];
узб. *шагал*, туркм. *чагыл*, азерб. *чыңгыл* имеют значение «щеб-
ень».

Шак (шак арык) [šak/šakaryk] (ир.) – мелкие оросительные каналы,
по которым вода проводится непосредственно на посевы.

Шакапча [šakarča] (ир., южн. д.) – мелкие арыки (см. шакап).

Шакшапа [šakšapa] (ир., южн. д.) – участки в горах с деревянисты-
ми растениями среди камней (боярышник, карагана и др.).

Шалбаа [šalba:] – луг; сырое место, поросшее густой травой. Тер-
мин изредка встречается в топонимии, напр.: с. Шалба в Иссык-
Кульск. обл.

Шапшаал (шапшаал кокту) [šapša:l/šapša:lkoktu] – непроходимый
горный овраг.

Шапшап (шапшап жар) [šapšap/šapšapžar] (южн. д.) – овраг с кру-
тыми склонами, из которого нет выхода.

Шар [šar] – быстрый поток воды, стремительное течение; быстрина.

Шаркырама [šarkyrama] – бурный поток.

Шаркыратма [šarkyratma] – водопад. Термин имеет широкое рас-
пространение в современных тюркских языках, напр.: тат. *шар-
лама*, *шарлавык*, башк. *шарлауык*, узб. *шаршара*, туркм. *шагла-
вук*. Термин нередко встречается в топонимии: рч. Шаркыратма
(прав. пр. р. Кара-Үнкүр) в Джалал-Абадск. обл.; рч. Шаркы-
ратма (лев. пр. р. Куршаб) в Ошск. обл.; рч. Шаркыратма (прав.
пр. р. Көөлү) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Шарпылдак [šarpyldak] – место прибоя. Иногда может употреб-
ляться в качестве собственного географического названия,
напр.: г. Шарпылдак (южн. берег оз. Иссык-Куль) в Иссык-
Кульск. обл.

Шарпылдак көл [šarpyldakköl] – бурное, с сильными волнами
озеро.

Шибер [šiber] – луг.

Шор [šor] – солончак, пересыхающее летом соленое озеро. В др.-
турк. *šor* – «соленый» [47, 524]. У Радлова В.В. *шор* – «солон-
чаковая степь» [141, 2111, 1017]. Уйг. *шор*, туркм. *шор ер*, *шор-
лук*, азерб. *шорак*, узб. *шур*, *шурхок*, каз. *сор* – «солончак; солон-
чаковая степь». Термин формирует многочисленные географи-
ческие названия, напр.: пер. Шор-Дөбөл (Ферганский хр.),
рч. Шор (лев. пр. р. Алабуга) в Нарынск. обл.; г. Шор-Алыш
(хр. Таласский Ала-Тоо) в Таласск. обл.; оз. Шор-Көл в Иссык-
Кульск. обл.; с. Ак-Шор в Ошск. обл. и др.

Шор жер [šoržer] – солончаковая почва.

Шор суу [šorsu:] – соленая вода.

Шордок (шордок жер) [šordok/šordokžer] – солонцеватая почва.

Шоро [šoro] – солончак. Термин широко бытует в топонимии Кыр-
гызстана: пер. Кара-Шоро (Ферганский хр.), ур. Кара-Шоро
(дол. р. Жазы), рч. Аркар-Шоро (верх. р. Чытты) в Ошск. обл.;
рч. Шоро (лев. пр. р. Нарын), с. Шоро в Нарынск. обл. и др.

Шортон (шортон жер) [ʃortoŋ/ʃortoŋžer] – солончаковая почва.

Шыгай [šygaj] – запруда.

Ык [yk] – защищенное от ветра место; защищенный склон возвышенности; спокойное укромное место. У Радлова В.В. *ык* – «сторона, лежащая по ветру» [141, 1353].

Ылай (лай) [ylaj/laɪ] (ир.) – ил, жидкая грязь, мутная илистая вода. У Радлова В.В. *ылаi, lai* – «глина, мутная, грязная вода, ил» [141, 1375; 141, 737]; в том же значении каз., тат., башк. *лай*, узб. *лой*. Термин не обладает заметной топонимообразующей активностью: с. Лайли, рч. Лайли-Мазар (верх. р. Лейлек) в Баткенск. обл. и др.

Ылай суу (лай суу, лайсу) [ylajsu:/lajsu:] – грязные горные воды, мутная вода с глиной. Примеры немногочисленны, напр.: рч. Ылай-Суу (лев. пр. р. Тар) в Ошск. обл.

Ылдый [yldyj] – пологий спуск, пониженная местность. В каз. *ылдый* – «низина, впадина; долина».

Ылы (ылык, ылы суу) [lyly/lylk/lylysu:] – стоячая вода.

Ыргайты [yrgajty] – место, где произрастает ирга (кустарник с очень крепкой древесиной). Нередко встречается в топонимии, напр.: рч. Ыргайлы (лев. пр. р. Көкөмерен) в Нарынск. обл.; рч. Ыргайлы (лев. пр. р. Гүлчө), г. Ыргайлы-Башы в Ошск. обл. и др.

Эгиз [ägis] – высокогорное пастбище. В др.-турк. *egiz, ediz* – «высокий; возвышенный; высота, высокое место» [47, 163, 165]. У Радлова В.В. *ägic, ägiz* – «высокий, возвышенный» [141, 702–703]. В уйг. *egiz* – «высота, высокое место, возвышенность, возвышение», *egizlik* – «возвышенность, холм, высота». Термин иногда употребляется в составе географических названий, напр.: рч. Эгиз-Төр (лев. пр. р. Кара-Сай) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Эгин [ägin] – пашня, посев. У Махмуда Кашгари *ekin* – «посев, пашня, земля под пашню» [47, 168]. У Радлова В.В. *ägîn, egîn, iegîn* – «пашня, посевы» [141, 708–709, 1426].

Эгиндик [ägindik`] – нива, пахотная земля. У Радлова В.В. *ägînlîk, egînlîk* – «пашня, посевы; место годное для пашни», *iægînlîk* – «пашня, поле» [141, 709, 1427]; в том же значении каз. *egîn*, узб., азерб. *эгин*, уйг. *egiz*.

Элет [älet] – места, отдаленные от культурных центров; глушь.

Эмел [ämel`] (монг.) – горная седловина, перевал. Топонимы с этим термином немногочисленны, напр.: пер. Эмел (гг. Кара-Теке), рч. Эмел (прав. пр. р. Мин-Куш) в Нарынск. обл. и др.

Эниш [äŋiš] – склон горы. В др.-турк. *eniš* – «спуск» [47, 175].

У Радлова В.В. *äŋiš* – «сгибаться; неровная местность», *äniš* – «обрыв, долина, низменность» [141, 712–713, 737]; азерб. *ənisi* – «склон, скат»; хак. *inis* – «склон, спуск горы»; туркм. *ənüt* – «склон горы»; башк. *inkeu* – «склон; уклон; покатость».

Энкүү [äŋkü:] – скат; пологий спуск, склон горы.

Эрин [ärin] (досл. губа) – залив с устьем реки; береговой вал. В др.-турк. *erin* – «губы» [47, 178]. У Радлова В.В. *äriñ, eriñ, iřim* – «губа» [141, 766–767, 1461].

Эрме (эрме чөл) [ärmə/ärmecöł`] – пустыня, дикая степь.

Эски нук [äskinuk] – старица, старое русло реки (см. **нук**).

Этек [ätek`] (досл. подол, низ) – подножие горы, предгорье. В др.-турк. *etäk* – «пола платья, одежды; покров, завеса» [47, 187]. У Радлова В.В. *ätäk* – «подол, край; подошва горы» [141, 840]. Термин имеет широкий ареал распространения в современных тюркских языках: уйг. *etäk* – «предгорье, подножие горы»; хак. *idek* – «подошва горы»; каз. *eteq* – «подошва горы, возвышенности»; туркм. *etek*, узб. *etak*, башк. *itæk*, тув. *edek* – «подножие горы».

Эшик [äšík`] (досл. дверь) – глубокое горное ущелье с рекой. В др.-турк. *ešík* – «дверь» [47, 185]. У Радлова В.В. *esik, äsik, äjsik, išík* – «дверь» [141, 875, 1551].

Эшилме [äšíl'me] – груды мелкого щебня, выветрившейся мягкой породы. У Радлова В.В. *eshilmä* – «груды мелких камней, образующихся от распадающихся скал» [141, 909].

Эшилме тоо [äšíl'meto:] – гора из выветрившейся мягкой породы.

Эшме [äšme] – река с крутыми поворотами. В др.-турк. *estmäk* – «течение» [47, 184]. Ср. у Радлова В.В. *äsimä* – «колодец, вырытый в песчаном месте; источник в пустыне» [141, 914]. Термин нередко встречается в топонимии: пер. Эшме (хр. Исфан-Жайлоо), рч. Эшме (прав. пр. р. Кайынды) в Таласск. обл.; пер. Кызыл-Эшме (Алайский хр.), с. Кызыл-Эшме в Ошск. обл.; рч. Кызыл-Эшме (лев. пр. р. Тарагай) в Иссык-Кульск. обл. и др.

Эшме сай [äšmesai] – русло реки с крутыми изгибами (см. **сай**).

Приложение 2

Лексико-семантическая классификация народных географических терминов

Природные географические термины

К этой группе относятся ландшафтные, гидрографические, орографические, геоботанические термины.

Ландшафтные термины

1. Термины со значением «местность»: *жай* (местность), *жалама* (гладкая, ровная местность без шероховатостей), *жапан* (дикая, безлюдная местность), *жер* (земля; местность), *какшаал* (суровая, дикая местность; валежник), *какыр* (сухая местность, куда не доходит вода), *көк* (местность с зеленой растительностью; зеленое пастбище), *куба жер* (засушливая местность), *куу какыр* (сухая местность), *өңгөк* (кочковатая неровная местность), *өңгүл* (то же, что *өңгөк*), *таз жер* (голая, без растительности местность), *тарагай* (местность, где не растет ель; безлесная местность), *таштак* (каменистая местность), *чалкагай* (широко раскинувшаяся пологая местность), *чыбыр* (холмистая местность), *адыр* (холмистая местность), *корук* (охраняемая местность; заповедник), *кара жер* (земля; земля, не покрытая снегом).
2. Термины со значением «равнина»: *ала* (комплексная равнина, где выделяются пятна разных почв и растительности), *жазы* (равнина; простор), *жазык* (ровная местность; равнина; простор), *куу түз* (пустынная равнина), *тегиздик* (ровное место, равнина), *тектирип* (равнина в высоких горах, небольшое горное плато), *тектириче* (то же, что *тектирип*, но маленьких размеров), *түз* (ровное, плоское место; равнина), *түздүк* (равнина, степь), *түзөң* (равнина; поляна), *түзөңчө* (то же, что *түзөң*, но маленьких размеров) *күдүр* (буగристая равнина), *жайык* (широкая,

распростертая местность; равнина; поляна), *жайыктык* (низко расположенная равнина), *жайылма* (приречная равнина), *сырт* (высокогорная сглаженная равнина на горных хребтах).

3. Термины со значением «пустыня»: *араан талаа* (пустыня), *ач талаа* (пустыня), *какыр талаа* (безжизненная пустыня), *какыыган чөл* (пустыня; сухая степь), *куу талаа* (совершенно безжизненная пустыня, без растительности и животных), *кебер шор* (солончаковая пустыня), *чөл* (пустыня; степь; безводная местность), *кызыл чөл* (безжизненная пустыня), *такыр* (лишенная растительности, глинистая пустыня), *эрме* (пустыня, дикая степь).
4. Термины со значением «степь, поле»: *талаа, дала* (степь, поле), *айдалаа* (*айдай талаа*), *айдың талаа* (бескрайняя, безлюдная ровная степь), *боз талаа* (степь с низкорослой травянистой растительностью; безлесная степь), *булан* (степь, поле с густой растительностью), *сайран талаа* (широкая привольная степь), *сары талаа* (бездонная степь, пустыня).
5. Термины со значением «почва»: *ак жер* (каменистая почва со значительным содержанием подпочвенной влаги), *боз топурак* (серозем), *бортө топурак* (рыхлая мягкая почва), *жалак* (солонцеватая почва), *кара топурак* (черная почва, чернозем), *кара чопо* (чернозем), *кумай* (песчаная почва), *кызыл топурак* (краснозем), *кыртыши* (почва), *марча* (солончаковая почва в горах и предгорьях), *сары топурак* (желтозем), *шор, шордок* (*шортөң*) – (соленая почва, солончак).

Гидрографические термины

Гидротермины по характеру обозначаемых ими объектов объединяются в пять тематических групп:

1. Проточные объекты, которые в свою очередь делятся на подгруппы:
 - а) термины со значением «река; приток»: *сүү* (общетюркский термин в значении «вода, река»), *дайра, дарыя* (большая река), *өзөн* (речка, проточная вода; а также горная долина с рекой), *куйма* (приток реки), *сай* (малая горная река; ручей в овраге; сухое русло реки), *тарам* (рукав реки, приток, разветвление реки у устья), *бутак* (рукав реки, русло реки, приток), *тороо* (рукав реки), *куйган* (приток), *айры* (*айыр*) (рукав реки; ответвление;

- раздел двух рек), *айрык* (место слияния двух горных рек), *куюлуши* (слияние рек), *жылга* (речка, ложе ручья);
- б) термины, указывающие на различные характерные особенности рек: *мукур* (короткая река, теряющаяся в песках), *аркыроо* (бурно текущая река), *балчык суу* (болотная грязная вода), *сай* (пересыхающая река; малая горная река; русло реки), *бурул* (извилистая река), *бүгүлмө* (крутой изгиб реки), *жер суу* (грунтовая вода), *жинди суу* (бесноватая, выходящая из берегов река), *ишим* (место с замедленным течением у берегов рек и озер; омут; вороворот), *ичке суу* (узкая полоса реки), *кара суу* (река, питающаяся выходами грунтовых вод; родниковая речка), *кашка суу* (чистая прозрачная речка), *көлчүк кара суу* (заболоченная речушка с оконцами), *курдум* (бурная и мутная вода во время половодья), *кызыл суу* (мелкая неглубокая речка), *өркөчтүү суу* (бурное течение реки, с вздывающимися волнами), *сары суу* (степные реки, протекающие по глинистым территориям, отчего вода мутная; широкая река), *топон* (бурный поток; сильное наводнение), *урма* (быстрая река), *үйөр* (бурный весенний горный поток), *шар* (быстрое бурное течение, быстрина), *шаркыратма* (водопад), *ылай суу* (грязные горные воды; мутная вода с глиной), *ири суу* (крупная река), *эшие* (река с крутыми поворотами), *ак суу* (река, питающаяся снеговыми или ледниковыми водами), *агын суу* (стремительная быстрая река).
2. Фонтанирующие водные объекты: *булак* (родник в болотистом месте на берегу реки), *арашан* (минеральный целебный источник), *башат* (*машат*) (родничок, вода которого впитывается в землю недалеко от выхода), *таш башат* (родник в каменистых местах), *кайнар* (источник), *кара булак* (грунтовый родник), *сары булак* (горный родник), *тамчы* (скудный родник), *өзөндүү булак* (родник, переходящий в речку).
3. Стоячие водоемы:
- а) лимнонимы: *көл* (озеро), *деңиз* (море), *жашыл көл* (высокогорное озеро), *көлмө*, *көлмөк* (пруд, водоем; место, где собирается стоячая вода), *көлчөк* (небольшое озерко), *көлчүк* (озерко, лужа), *чалкар* (огромное озеро), *айдың көл* (зеркально чистое озеро), *ай көл* (огромное озеро), *шабыр* (озеро с болотистыми берегами, поросшее мелким камышом), *шор* (соленое мелкое озеро, пересыхающее летом);

б) гелонимы: *саз* (болото, мочажина, мокрые луга), *копо* (болотистое место, покрытое осокой), *опкун* (трясина), *саздак* (болото, болотистое место), *саздык* (болотистое место, мочажина), *сормо* (трясина), *тартма саздак* (трясина), *чалык* (жижа, грязь; болото), *чөңгөк* (кочковатое горное болото), *как* (болотце в низине; углубление, оставшееся от высохшего болотца), *баткак* (топкое место, болото; жидкий грунт), *өмбүл-дөмбүл саз* (кочковатое болото), *былкылдак* (зыбун, трясина, болотистая местность).

4. Искусственные водные объекты: *арык* (оросительный канал), *кудук* (колодец), *жыкма* (место отвода арыка), *алыш* (отводный оросительный канал; большой головной арык), *кайырма алыш* (отводной канал), *канак* (оросительный канал), *канал*, *каналча* (в разных значениях канал), *кол арык* (маленький арык), *коо арык* (большой арык, но не головной), *ноот*, *обут* (пруд), *ок арык* (мелкая оросительная канава), *өстөн* (большой оросительный канал, от которого идут более мелкие), *тава* (мелкие ответвления головного арыка), *шак*, *шакапча* (мелкие оросительные каналы). Эта группа в большей степени относится к классу Географические термины, связанные с деятельностью человека, но так как термины называют водные объекты, то эти слова мы включили в состав тематического объединения слов «гидротермины».

5. Прилегающая к водным объектам местность, берега, острова, отмели и др., а также их особенности: *аңгек* (промоина, подмытый берег), *кашага* (подмытый берег), *кашат* (высокий берег), *кемер* (подмытый водой берег), *кылаа* (берег, край), *арал* (остров), *жарым арал* (полуостров) в значении «участок суши, окруженный водами реки, междуречье», *өтмөк*, *өткөөл* (брюд, переправа), *кечүү*, *кечмелек* (брюд, мелкое место), *боом* «скалистая стена над рекой», *булуң* (залив, часть озера или реки, вдающаяся в суши), *жээк* (берег озерный, речной; узкая полоса суши), *как* (углубление, оставшееся от высохшего колодца; яма, где задерживается дождевая вода), *көбөөл* (вымоина; углубление в береге), *саяң* (мель; коса), *сайроон* (отмель, мелководье), *тайыз*, *тайыздык* (мель, мелководье), *корум* (каменистая осыпь на склонах гор, образованная под влиянием сильных водных потоков), *жар* (крутой берег реки; яр, обрыв), *чат* (междуречье).

Орографические термины

Орографические термины мы разделили на две группы: положительные (выпуклые формы рельефа, относительно повышенные участки земной поверхности различной высоты) и отрицательные (вогнутые формы рельефа, пониженные участки поверхности суши).

Положительные формы рельефа

1. Термины со значением «гора, возвышенность, вершина»: *ала тоо* (горы с вечно снежным покровом), *аска* (неприступная высокая скалистая гора), *аскар* (высочайшая снеговая гора), *белес*, *белесче* (отроги), *бийктик* (возвышенность), *бөк* (холм, возвышенность), *бөксө тоо* (плоскогорье), *будурмактуу тоо* (буристые горы), *заңгел тоо* (скалистая гора), *зоңкок* (вершина, возвышающаяся над окружающими горами), *зыңғыр тоо* (величественная лысая гора), *калкагар* (высокая скалистая гора; нависший утес, обрыв горы), *кыл чоку* (самая вершина), *сырт* (вытянутая возвышенность; высокогорное плато), *тологой* (часть горы между снеговой вершиной и возделываемой полосой), *чоколок* (вершина горы, холма), *чоку* (вершина, макушка горы), *чың* (неприступная гора; крутой горный обрыв). Вызывает интерес термин *чың*, имеющий значения «труднодоступная вершина и крутой горный обрыв». Этот термин можно одинаково отнести и положительным, и к отрицательным формам рельефа.
2. Термины со значением «предгорье»: *айши* (постепенное повышение рельефа), *алым* (предгорье, линия соприкосновения подошвы горы и долины в том месте, где из гор вытекает речка, берущая начало в снеговых вершинах), *бөксө* (предгорье; весенне пастбище), *жантак* (предгорье), *жануур* (взгорье, предгорье), *тоо этеги* (подножие горы).
3. Термины со значением «гребень горы»: *сөңир* (покрытый травой высокий гребень горы), *тараша* (невысокий гребень горы с отвесными склонами), *тарак* (горные гребни с изобилующими пиками).
4. Термины со значением «склон»: *айдөши* (слегка отлогий, пологий склон), *апай* (плоский склон горы), *жалама боор* (гладкий склон горы), *жанбоор* (косогор), *жандоо* (склон горы), *жантайма* (косогор), *жөлөнүш* (небольшой склон, небольшое возвышение), *жөлөңкө* (пологий склон между равниной и крутым подъ-

емом), *кадуу* (склон горы), *каптал* (склон горы), *кара күңгөй* (свободный от снега южный склон горы), *кери*, *керүү* (склон высокой горы, покрытый травой), *чап* (небольшой каменистый склон горы без растительности), *көк чап* (зеленый склон горы), *кудума* (круты склон горы, холма), *кумдуу чап* (песчаный склон горы без растительности), *куңгөй* (южный склон горы), *кыя* (косогор), *тескей* (северный склон горы), *тескайче* (северный склон небольшой горы), *торту* (каменистый склон горы), *учма* (круты склон горы, покрытый снегом), *чагат* (лишенные растительности солнечные склоны), *чалкак* (широко раскинувшийся пологий склон горы), *энши* (склон горы), *энкуу* (склон горы).

5. Термины со значением «скала»: *аска таши* (вздымающаяся скала), *боом* (утесы, скалы над рекой), *борчук* (*буручук*) (небольшая остистая скала на гребне горы), *жар таши* (утес), *жалама зоо* (высокая и гладкая скала), *жапкак таши* (большая нависшая скала, под которой можно найти укрытие), *жар таши* (утес), *заңгел* (огромная скала), *зоо*, *зоока* (недоступная дикая скала без растительности), *капкак таши* (нависшая скала), *таши* (камень, валун, скала), *чалкак-чалкак зоо* (нагромождение выпирающих скал).
6. Термины со значением «холмы, бугры; холмистая местность»: *адыр*, *адырмак* (увалы, взгорье, холмистая местность), *адыр-бүдүр* (холмистая местность), *бүдүр*, *будурмак*, *күдүр* (мелкие бугры), *адыр-күдүр* (покрытая буграми и ямами местность), *чыбыр*, *адыр-чыбыр* (холмистая местность), *аң-дөң* (ямы и бугры, обрывы и холмы) – и положительные и отрицательные формы рельефа, *бөктөр* (холмы в предгорьях), *дөбө* (холм), *дөбөчө* (холмик), *дөгдүр* (холмик), *дөмтөк* (горка, бугор), *дөң* (холм, возвышенность), *дөңгөк* (бугор, холмик), *дөңгүл* (бугорок), *дөңсөө* (небольшая возвышенность), *күдүр* (мелкие бугры; равнина, покрытая небольшими буграми), *өбө* (*өбө-дөбө*) (бугры-холмы).
7. Термины со значением «перевал»: *арттуу*, *артылмак* (горный перевал), *ач бел* (необитаемый, пустынnyй горный перевал), *ашиу* (горный перевал), *дабаан* (горный перевал), *секиртме ашиу* (горный перевал с труднопроходимыми уступами, обрывами), *чалкагай ашиу* (величественный горный перевал), *чалкар бел* (огромный горный перевал).
8. Термины со значением «седловина»: *бел-баскак* (небольшая седловина на горном перевале), *кайкаң* (небольшая горная седловина), *накыс* (небольшая горная седловина), *эмел* (горная седловина, перевал).

9. Термины со значением «пастбище»: *бөксө* (весенне пастбище; предгорье), *жаздоо* (летнее пастбище), *жайлак* (летнее пастбище), *жайллоо* (летнее высокогорное пастбище), *жайыт* (пастбище), *көктөө* (весенне пастбище), *куздөк* (осенне пастбище), *кырык* (низкотравное пастбище), *от жер* (*отток*) (пастбище с хорошей травой), *отор* (отдаленное зимнее пастбище), *өруү* (горное пастбище вблизи аила), *төр* (высокогорное пастбище), *эгиз* (высокогорное пастбище), *сугум* (горная впадина, заросшая густым лесом (обычно служит пастбищем).

Отрицательные формы рельефа

1. Термины со значением «ущелье, теснина»: *аңыракай* (большая расщелина; широкое ущелье), *дере* (теснина), *көр дере* (замкнутая теснина), *жыра* (небольшое ущелье, подмытый водой обрыв, промоина, вымоина), *капка* (ущелье), *капка таш* (узкое каменистое ущелье), *капчал* (скалистое ущелье), *капчыгай* (горное ущелье, горный проход, узкая и длинная горная долина), *кууши* (горная теснина), *кысык* (теснина, узкий проход).
2. Термины со значением «яр, обрывы»: *аң* (длинный обрыв), *жар* (яр, обрыв), *кырдаң* (яр, обрыв), *опурук* (обрыв, подмытый водой), *чың* (крутой горный обрыв), *жыра* (подмытый водой обрыв, небольшое ущелье; промоина, вымоина), *ойбут* (яр с отвесными стенами), *оң* (чуйск. Яр с одной высокой стороной; низменность, впадина, котловина).
3. Термины со значением «овраг, расщелина»: *куй*, *кургүй*, *жергүй* (глубокий овраг; расщелина с крутыми высокими берегами в предгорьях, у подножия гор), *шапшаал кокту* (непроходимый горный овраг), *айрык* (расщелина; горная ложбина), *аңыракай* (большая расщелина; широкое ущелье), *аңгел* (овраг, глубокая широкая промоина), *жыбыт*, *жыбытча* (овраг, ложбина, впадина, ложе ручья), *койнот* (овраг, лог).
4. Термины со значением «впадина; ложбина»: *чаткал* (межгорная впадина), *баткал* (впадина в откосе холма, горы), *баттуу* (впадина, низина), *быткыл* (небольшая впадина; выемка, углубление), *депсен* (небольшая ровная впадина в горах), *жылга* (впадина, ложбина, балка; ложе ручья), *кезең*, *айры кезең* (впадина, горная расщелина), *кокту* (впадина в горах, горная ложбина), *колот* (продолговатая впадина между двумя возвышенностями), *конул*

(небольшая впадина), *копшут* (углубление, впадина), *коңул-копшут* (разного рода углубления и впадины), *ойтоң* (впадина), *оюк* (впадина; выемка), *оюм* (впадина; выемка), *өтөк* (горная впадина), *сугум* (горная впадина, заросшая густым лесом (обычно служит пастбищем), *чукур* (впадина, углубление), *чүңкүр*, *чүңкүрчак* (углубление, впадина), *кайы* (небольшая впадина между гор), *жыбыт* (впадина, овраг, ложбина, ложе ручья), *бүйгат* (ложбина на склоне горы, ближе к вершине), *жылга* (ложбина, балка, овраг; ложе ручья), *кептеш* (глубокая горная ложбина с отвесными берегами, заканчивающаяся тупиком), *са-лаа* (горная ложбина), *коо* (ложбина, покрытая растительностью), *кыйкаң* (горная ложбинка), *өндүр* (ложбина; долина реки), *өрдөш* (ложбина в верховьях горной реки), *сай* (ложбина; ложе реки), *айрык* (горная ложбина; расщелина), *жыбыт* (овраг, ложбина, впадина, ложе ручья).

5. Термины со значением «долина»: *өрөөн* (долина), *колот* (узкая горная долина; продолговатая впадина между двумя возвышенностями), *өзөн* (горная долина с рекой; речка), *өндүрлүү чалкак* (узкая долина между двух гор, перерезанная вдоль речкой).
6. Термины со значением «пещера»: *үңкүр* (пещера, грот), *таштын үңкүрү* (углубление среди скал, пещера в скалах).
7. Термины со значением «яма, углубление»: *жергүй* (глубокая яма, глубокая вымоина), *как* (углубление, оставшееся от высохшего болотца; яма, где задерживается дождевая вода), *ор* (яма, ров).
8. Термины со значением «низменность»: *ой* (низина, впадина, котловина), *ойдуң* (низменность, впадина, котловина), *оң* (низменность, впадина, котловина; чуйск. Яр с одной высокой стороной).

Геоботанические термины

В эту группу вошли термины, отражающие названия растительного мира: *бак* (сад; дерево), *токой* (лес; лесные заросли на равнинах; пойменный лес), *булуң токой* (отдельный участок леса, зарослей), *ормон* (лес; глухая лесная чаща; густой хвойный лес), *сагаса* (хвойный лес), *чар* (разнолесье по берегам рек), *чөр* (густой, дремучий лес, чаща, непроходимые заросли), *чытырман* (чаща, густые заросли), *чыргай* (лесная чаща; заросли кустарника), *ыргайты* (место, где произрастает ирга (кустарник с очень крепкой древесиной), *бадал* (заросли, мелколесье; кустарники).

II. Географические термины, связанные с деятельностью человека

Этот тематический класс объединяет термины, отражающие непосредственную связь человека с природой. Народные географические термины этого класса связаны с различными сторонами хозяйственной, культурной и духовной жизни человека. К этому классу относятся следующие тематические группы: термины, обозначающие населенный пункт, поселения, жилища; культовые и надгробные сооружения и хозяйственно-бытовые термины. В большинстве случаев термины, вошедшие в эти тематические группы арабо-иранского происхождения.

1. Термины, отражающие типы поселений и жилищ:

абад (ир. населенный пункт; благоустроенное, заселенное место), *аймак* (страна, край, территория; население одного аймака), *айыл* (поселок, село, аул), *жерге* (население нескольких айылов; стойбище), *журт* (страна; южн. селение, населенный пункт), *кала* (*калаа*) (араб. город), *кент* (ир. поселение, город), *конолго* (место привала; становище), *конуш* (становище; место расположения айыла), *көч* (кочевка, место стоянки, становище кочевников), *кыштак* (селение, деревня), *кыштоо* (зимовка), *жаздоо* (летнее стойбище), *турак* (обиталище; стоянка, становище; стойбище), *шаар* (ир. город), *шаарча* (маленький город, городок), *рабат* (араб. предместье; окраина города).

2. Культовые и надгробные сооружения:

мечит (араб. мечеть), *мазар* (араб. могила, кладбище; священное место, место паломничества), *бейит* (могила вместе с могильным сооружением), *гөр* (*көр*) (ир. могила), *көрүстөн* (ир. кладбище), *кумбөз* (ир. надгробие, мавзолей), *моло* (ир. надгробие, могила), *мүрзэ* (ир. могила), *кабыр* (араб. могила; надгробие; мавзолей), *бурана* (минарет, башня), *обо* (сложенная груда камней в знак поклонения духам гор).

3. Хозяйственно-бытовые термины:

а) сельскохозяйственные, к которым относятся пахотные и сенокосные угодья: *аңыз* (жнивье, стерня), *айдоо* (вспаханное поле, пашня), *жер* (земля во всех значениях, в том числе и как сельскохозяйственная), *кара айдоо* (свежевспаханное поле), *майдан* (возделанная площадь, обработанная земля; площадь, покрытая зеленью), *талаа* (поле), *чабынды* (луга; сенокосные угодья),

эгин (пашня), *эгиндик* (нива, пахотная земля), *дың* (целина, целинная земля; многократно распаханные земли, давшие повторные урожаи в течение нескольких лет), *беделик* (люцерновое или клеверное поле);

- б) промышленные, нами найден только один термин: *кен* (рудник, копи, прииск);
- в) транспортные, к которым относятся и типы дорог: *жол* (дорога), *айры жол*, *айрылыши* (распутье, дорога, расходящаяся на двое), *байтак* (узкая, еле заметная тропа), *ичке жол* (тропинка по ущельям и ложбинам), *капчал жол* (дорога по скалистому ущелью), *кара жол* (большая дорога), *кан жол* (большая, главная дорога), *куу жол* (бездлюдная, пустынная дорога), *кыя жол* (дорога или тропинка серпантином, ведущая на гору), *оюлма* (горная тропа, идущая вверх), *өңгүл-дөңгүл жол* (неровная дорога, в буграх, в колдобинах), *салгар* (*салгар жол*) (большая горная дорога (не тропинка), *сары жол* (большая выючная или скотопрогонная дорога), *сокмо* (неудобная для всадника узкая тропинка), *сокмок* (тропинка), *чубурма* (очень узкая тропинка), *кадыма* (южн. д.) (тропинка);
- г) ирригационные сооружения (см. тематическую группу, обозначающую «искусственные водные объекты»).

Термины метафорического характера

1. Термины, обозначающие анатомическую лексику:

алкым (горло, глотка) – предгорье; место схождения подошвы горы и долины, откуда вытекает горная речка, *арка* (*арт*) (спина, спинной хребет) – горный хребет, высокогорный перевал, *азуулуу аска* (зд. азуу – «клык») – скала с остриями, *аяк* (нижняя часть, конец; нога) – устье реки, ее нижнее течение, *баш* (голова) – верховье; начало; исток реки, *бел* (поясница, талия) – горный хребет, широкий горный перевал, *бет* (лицо, щека) – поверхность чего-л.; склон горы, *богоз* (*богуз*) (горло, глотка) – горный проход, место схождения ложбин; узкий пролив, *боор* (печень) – склон горы, *бөйрөк* (почка) – впадина на склоне горы, *жон* (спинной хребет) – гребень горы, кромка хребта, *жото* (хребет) – гребень горы, горный хребет, *жүрөкчө* (сердце) – небольшой холм в горной местности, *кабак* (веко, надбровные дуги) – рыхвина, впадина; обрыв, *кабырга* (ребро) – склон горы,

косогор, *каш* (бровь) – возвышенность; берег, *кол* (рука) – рукав, приток, русло реки, река; речная долина, *колтук* (подмышка) – угол, тупик; тупиковое окончание оврага, *көз* (булактын көзү) (глаз) – место выхода воды в источнике, *кулак* (ухо) – разветвление арыка, *моюн* (шея) – узкая полоса воды, перешеек, *мурун* (нос) – мыс, вершина горы, *пик*, *ооз* (рот) – вход в ущелье; выход горной реки на равнину, *тамак* (горло) – устье реки; вход в ущелье, *таман* (подошва) – дно реки, озера; ущелье, *төбө* (макушка, темя) – то же, что *дөбө* «холм, сопка, бугор», *төши* (дөши) (грудь) – часть горы выше подошвы, нижняя часть склона, пригорье, *чеке* (лоб) – край, сторона, *чоку* (макушка) – вершина, макушка горы, *пик*, *эрин* (губа) – залив с устьем реки; береговой вал.

2. Термины, связанные со словами, обозначающими животных или их части:

жал (грива) – вал, гряды; гребень горы, заметная возвышенность, вытянутая в определенном направлении, *кашка* (лысина; животные с отметиной на лбу) – голые пики, лишенные растительности; безлесные долины; голые холмы, *мойнок* (верблюжья шея) – перешеек, тесный участок реки; крутой горный перевал, *төө таш* (төө «верблюд») – валун, *төө карын* – извилистая местность; местность, с извилистыми впадинами, *тумицук* (ключ, нос) – мыс, длинный отрог горы, продолговатый выступ предгорья.

3. Термины, связанные с наименованиями, обозначающими жилище человека:

босого (порог, дверной косяк) – возвышенность, *капка* (ворота) – ход в ущелье; ущелье, *капак таш* (крышка, покрышка) – нависшая скала, *сандык* (сундук) – межгорная котловина; урочища, расположенные в понижениях или на ровных поверхностях; глыбовые горы, *тарак* (гребешок, расческа) – горные гребни с изобилующими пиками, *төр* (почетное место в доме, в юрте, напротив входа в юрту) – верхняя часть горной долины; высокогорное пастбище, *үкөк* (ящик, сундучок) – плоская гора, высокое нагорье, плоская высокогорная долина, *эшик* (дверь) – узкое место ущелья, глубокое горное ущелье с рекой.

4. Термины, указывающие на одежду:

жасак (воротник) – берег реки или водоема; предгорье, *кемер* (временный пояс) – подмытый водой берег, круча; обрыв; склон горы, *коюн* (пазуха) – небольшая горная долина; небольшой залив, *этек* (подол, низ) – равнинная местность, расположенная у подошвы горы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. О происхождении фонемы в славянском // Проблемы индоевропейского языкоznания. – М.: Наука, 1964. – С. 115–121.
2. Абдрахманов А. Историко-этимологическое исследование топонимов Казахстана: Научный доклад по опубликованным трудам на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Алма-Ата, 1991. – 58 с.
3. Абрамzon С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 480 с.
4. Акылбекова З. Арабизмы // Источник формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. – Фрунзе: Илим, 1966. – С. 230–277.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М.: Восточная литература, 1995. – Т. 1. – 472 с.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
7. Аширалиев К. Древние тюркские элементы в современных тюркских языках // Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири: Сб. ст. – Фрунзе: Илим, 1966. – С. 23–109.
8. Аялбергенова К.Г. Истоки формирования и развития медицинской терминологии в казахском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1987. – 157 с.
9. Багдасарян М.С. Словообразовательная парадигма географической терминологии (термины физической географии): Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 301 с.
10. Бакинова Г.Б. Лексика диалектов киргизского языка в ареальном освещении. – Фрунзе: Илим, 1990. – 88 с.
11. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М.: Наука, 1969. – 383 с.
12. Баскаков Н.А. Изоморфизм структуры слова и словосочетания в тюркских языках // Тюркологический сборник. – М., 1978. – С. 48–53.

13. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М.: Наука, 1979. – 275 с.
14. *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – 135 с.
15. *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1959. – 219 с.
16. *Батманов И.А. и др.* Современная и древняя енисеика. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1962. – 249 с.
17. *Батманов И.А.* Современный киргизский язык. Вып. 1. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. – 166 с.
18. *Батманов И.А.* Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири // Источник формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. – Фрунзе: Илим, 1966. – С. 5–23.
19. *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. – Фрунзе: Илим, 1971. – 65 с.
20. Башкирско-русский словарь. – М.: ГИС, 1958. – 804 с.
21. *Бектасова Б.К.* Топонимия Кустанайской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1989. – 24 с.
22. *Бертаев Т.А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М.: Наука, 1969. – 184 с.
23. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., Т. 1, 1950; Т. 2, 1953.
24. *Борисов В.М.* Русско-арабский словарь: В 2 т. – М.: Русс. яз., 1981. – 638 с.
25. *Боченкова Ю.Н.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Горно-Алтайской автономной области. – М., 1969. – 62 с.
26. *Бурко Н.В.* Орографическая лексика в орловских говорах: Дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 1998. – 263 с.
27. Бурятско-русский словарь / Под ред. К.М. Черемисова. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 803 с.
28. *Бутенко Н.П.* Русские собственные имена в Киргизии и некоторые вопросы взаимодействия языков: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Минск, 1967. – 20 с.
29. *Бутенко Н.П.* Ономастика в русско-киргизских языковых взаимосвязях // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1987. – С. 219–224.
30. *Виноградов В.В.* Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике: Избр. тр. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
31. *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография: Избр. тр. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
32. *Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИИФЛИ. – Т. 5. – М., 1939. – С. 3–54.
33. *Воробьева И.А.* Русская топонимия средней части бассейна Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 247 с.
34. Восточнославянская ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 90–143.
35. *Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 349–372.
36. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 263 с.
37. *Гарипова Ф.Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. – М.: Наука, 1991. – 294 с.
38. *Гейгер Р.М.* Проблемы анализа словаобразовательной структуры и семантики в синхронии и диахронии. – Омск: ОмГУ, 1986. – 80 с.
39. *Головин Б.Н.* Роль терминологии в научном и учебном общении // Термин и слово. – Горький: Изд-во ГГУ, 1979. – С. 14–23.
40. *Головин Б.Н.* Термин и слово // Термин и слово. – Горький: Изд-во ГГУ, 1980. – С. 3–13.
41. *Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высш. школа, 1987. – 103 с.
42. *Джанузаков Т.* Основные проблемы ономастики казахского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1976. – 129 с.
43. *Джусупакматов У.* Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам (на материале форм прошедшего времени глагола). – Фрунзе: Илим, 1983. – 139 с.
44. *Диарова М.А.* Взаимная адаптация топонимов в условиях двуязычия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1999. – 28 с.
45. *Донидзе Г.И.* Гидронимические термины в тюркских языках // Ономастика. – М.: Наука, 1969. – С. 164–171.
46. *Донидзе Г.И.* О грамматической характеристики тюркских топонимов: Ономастика Поволжья. – Горький: Изд-во ГГУ, 1971. – Т. 2. – С. 276–280.
47. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

48. Дульzon А.П. Тюркские языки и диалекты Западной Сибири. – Томск, 1959. – 280 с.
49. Дүйшөналиева Т. Кыргыз терминология системаларын тартилке келтириүү тажрыйбаларынан // Кыргыз терминологиясынын маселелери. – Фрунзе: Илим, 1975. – 3–6 бб.
50. Дайканов К.Д. Кыргыз тилинин фонетикасы жана лексикасы. – Бишкек, 1991. – 121 б.
51. Дайканова Ч.К. Структура односложных корневых слов и основ (на материале исконной и заимствованной лексики кыргызского языка). – Бишкек: Илим, 1998. – 177 с.
52. Ермакова Д.Ф. Опыт изучения словаобразовательного потенциала ЛСГ: диахрония и синхрония: Дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1993. – 190 с.
53. Жапаров Ш. Киргизская ономастика. – Фрунзе: Илим, 1990. – 180 с.
54. Жучкевич В.А. Местные географические термины в топонимии Белоруссии // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 138–144.
55. Жучкевич В.А. Общая топонимика. – Минск: Высшая школа, 1980. – 287 с.
56. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
57. Исаев Д. Топонимика Северной Киргизии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1972. – 21 с.
58. Исследования по киргизскому и казахскому языкоznанию // Материалы научной конференции. – Фрунзе: Илим, 1984. – 167 с.
59. История кыргызов и Кыргызстана / Под ред. В.М. Плоских. – Бишкек: Илим, 2000. – 359 с.
60. История Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. – Бишкек, 1996. – 366 с.
61. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 328 с.
62. Камалетдинова З.С. Тюрко-татарская микротопонимия окрестностей г. Томска // Языки народов Сибири. – Томск, 1995. – С. 127–136.
63. Камалов А. Башкирская топонимия. – Уфа: Китап, 1994. – 301 с.
64. Каравев С.К. Древнетюркские топонимы Средней Азии // Советская тюркология. – Баку, 1985. – № 6. – С. 23–35.
65. Карасаев Х.К. Өздөштүрүлгөн сөздөр. Сөздүк. – Фрунзе: Кыргыз Совет Энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1986. – 424 б.
66. Кенесбаев С.К. К вопросу о тюрко-монгольской языковой общности // Проблема общности алтайских языков. – М., 1971. – С. 322–330.
67. Керимбаев Е.А. Лексико-семантическая типология оронимии Казахстана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1988. – 24 с.
68. Кодухов В.И. Введение в языкоzнание. – М.: Просвещение, 1979. – 285 с.
69. Кожемяко П.Н. К исторической топографии средневековых поселений Чуйской долины // Тр. Ин-та яз. и лит. и Ин-та ист. АН Кирг. ССР. Вып. 5. – Фрунзе, 1956.
70. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. – Алма-Ата, 1974. – 275 с.
71. Койчубаев Т., Мокрынин В., Плоских В. Кыргызы и их предки. – Бишкек: Гл. ред. КЭ., 1994. – 128 с.
72. Комарова З.И. О сущности термина // Термин и слово. – Горький, 1979. – С. 3–13.
73. Конкашпаев Г.К. Казахские народные географические термины // Изв. АН Каз. ССР. Сер. геогр. – Вып. 3. – Алма-Ата, 1951. – № 9. – С. 3–47.
74. Конкашпаев Г.К. Общие особенности тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 174–179.
75. Конкобаев К.К. Топонимия Южной Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1980. – 172 с.
76. Конкобаев К.К. Структура киргизских географических названий // Ономастика Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1980. – С. 20–25.
77. Кононов А.Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. – 1954. – Вып. 5. – С. 83–85.
78. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
79. Крюкова О.А. Термины сферы образования во французском и русском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – №4. – С. 60–69.
80. Кубрякова В.С. Что такое словообразование. – М.: Наука, 1965. – 78 с.
81. Кубрякова Е.С. О понятии синхронии и диахронии // Вопр. языкоzнания. – М., 1968. – №3. – С. 112–123.

82. *Кудайбергенов С.* Материалы о киргизско-монгольских лексико-грамматических параллелях // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. общ. наук. – Т.6. – Вып. 1 (Лингвистика). – Фрунзе, 1964. – С. 41–46.
83. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка. – М.: Высш. школа, 1982. – 152 с.
84. *Куропаткин А.Н.* Кашгаря. Историко-географический очерк страны. – СПб., 1879. – 435 с.
85. Кыргыз тилинин айрым маселелери / Жооп. ред. Б. Усубалиев. – Бишкек, 1998. – 67 б.
86. Кыргыз тилинин омонимдер сөздүгү / Жооп. ред. Э. Абдулдаев. – Фрунзе: Илим, 1986. – 324 б.
87. Кыргыз тилинин тарыхый лексикасынын очерктери / С. Сыдыков, С. Мусаев, Ч. Дыйканова, М. Толубаев. – Бишкек: Илим, 1991. – 276 б.
88. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү / Ред. Э. Абдулдаев, Д. Исаков. – Фрунзе: Мектеп, 1969. – 775 б.
89. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 709 с.
90. *Мадиева Г.Б.* Гидронимия Восточного Казахстана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1990. – 22 с.
91. *Маражапова Н.К.* Азыркы кыргыз тилиндеги үй тиричилик лексикасынын түзүлүшү жана семантикасы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Бишкек, 2003. – 24 с.
92. *Махмуд Кашгари.* Дивану лугат-ат түрк. – Алматы, 1993. – 192 с.
93. *Махмудов Х., Мусабаев Г.* Казахско-русский словарь. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1954. – 574 с.
94. *Махпиров В.У.* Древнетюркская ономастика (имена собственные в «Дивану лугат-ит түрк» Махмуда Кашгарского). – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 158 с.
95. Местные географические термины / Отв. ред. Е.М. Поспелов, Н.И. Толстой // Вопросы географии. Сб. 81. – М.: Мысль, 1970. – 224 с.
96. *Моисеев А.И.* О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 207–211.
97. *Мокиенко В.М.* Семантические модели славянской тельмографической терминологии // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 71–77.
98. *Молчанова О.Т.* Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области (лингвистический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1968.
99. *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Алтайское книж. изд-во, 1979. – 398 с.
100. *Молчанова О.Т.* Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. – 256 с.
101. *Мурзаев Э.М.* К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня // Изв. Всесоюз. географ. об-ва. – 1940. – №3.
102. *Мурзаевы Э. и В.* Словарь местных географических терминов. – М.: Географгиз, 1959. – 303 с.
103. *Мурзаев Э.М.* Местные географические термины и их роль в топонимии // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 16–35.
104. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 384 с.
105. *Мурзаев Э.М.* География в названиях. – М.: Наука, 1979. – 168 с.
106. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
107. *Мусаев К.М.* Теория и практика этимологических исследований. – М.: Наука, 1985. – 104 с.
108. *Назаралиев Т.* Түштүк диалектидеги кээ бир термин сөздөр жөнүндө // Кыргыз терминологиясынын маселелери. – Фрунзе: Илим, 1968. – 50–53 бб.
109. *Немченко В.Н.* Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 204 с.
110. *Никонов В.А.* Славянский топонимический тип // Географические названия. – М.: Географгиз, 1962. – С. 17–33.
111. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
112. *Никонов В.А.* Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 160 с.
113. *Никонов В.А.* Заметки по оронимии Киргизии // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 86–107.
114. *Новичихин В.И.* Географическая терминология в говорах Костромской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 15 с.
115. *Омарбекова А.С.* Социальное и природное в формировании топонимии Улытау-Торгайского региона: Дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1999. – 164 с.

116. Ономастика Средней Азии / Отв. ред. В.А. Никонов, А.М. Решетов. – М.: Наука, 1978. – 226 с.
117. Ономастика Средней Азии. – Фрунзе: Илим, 1980. – Вып. 2. – 311 с.
118. *Орзогожоев Б.О.* Природа высокогорных пастбищ Внутреннего Тянь-Шаня. – Фрунзе: Илим, 1968. – 147 с.
119. *Орудбаева Б.О.* Кыргыз адабий тилинин жалпы элдик негизи жөнүндө. – Фрунзе: Илим, 1968. – 91 б.
120. *Орудбаева Б.О.* Словообразование в киргизском языке. – Фрунзе: Илим, 1964. – 312 с.
121. *Орудбаева Б.О.* Улуттук терминологиялык системаларды изилдөөнүн көзектеги милдеттери // Кыргыз терминологиясынын маселелери. – Фрунзе: Илим, 1972. – 3–12 бб.
122. *Орудбаева Б.О.* Кыргыз терминологиясы. – Фрунзе: Мектеп, 1983. – 168 б.
123. *Орудбаева Б.О.* Сөз (сөздүн түзүлүшү). – Бишкек: Илим, 1994. – 260 б.
124. *Орудбаева Б.О.* Важнейшие проблемы кыргызского языкоznания: Сб. ст. – Бишкек: Илим, 1995. – 398 с.
125. *Орудбаева Б.О.* Лексические параллели в киргизском и южносибирских тюркских языках в свете их историко-культурных общностей // Важнейшие проблемы кыргызского языкоznания: Сб. ст. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 265–275.
126. *Орудбаева Б.О.* О киргизских и монгольских лексических параллелях в топонимике // Важнейшие проблемы кыргызского языкоznания: Сб. ст. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 111–117.
127. *Орудбаева Б.О.* Место иранских лексических заимствований в современном киргизском языке // Важнейшие проблемы кыргызского языкоznания: Сб. ст. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 167–173.
128. *Орудбаева Б.О.* Кыргызское языкоznание: Сб. ст. Т. 2. – Бишкек: Илим, 2004. – 288 с.
129. *Орусбаев А.О.* Языковая жизнь Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1990. – 293 с.
130. Орус элинин макал, лакаптары / С. Шамбаев, С. Закиров. – Фрунзе: Мектеп, 1976. – 280 с.
131. *Османалиева Б.* Махмуд Кашгаринин сөздүгү кыргыз терминологиясынын улуттук негизин изилдөөнүн булактарынын бири // Кыргыз терминологиясынын маселелери. – Фрунзе: Илим, 1972. – 106–120 бб.
132. *Петушкиов В.П.* Лингвистика и терминоведение // Терминология и норма: Сб. ст. – М.: Наука, 1972. – С. 102–116.
133. *Подольская Н.В.* Народные географические термины в роли терминов научных // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 54–59.
134. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
135. *Подольская Н.В.* Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. – М.: Наука, 1983. – 160 с.
136. *Подольская Н.В.* Проблемы ономастического словаобразования (К постановке вопроса) // Вопросы языкоznания. – 1990. – № 3. – С. 40–53.
137. *Покровский М.М.* Семасиологические исследования в области древних языков. – М.: Ун. тип., 1895. – 124 с.
138. *Попова В.Н.* Структурно-семантическая природа топонимов Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 1996. – 75 с.
139. *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.
140. Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971. – 404 с.
141. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. – СПб, 1893–1911.
142. *Рассадин В.И.* Монгольско-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.
143. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. – М.: АН СССР, Ин. яз., 1961. – 144 с.
144. *Реформатский А.А.* Введение в языкоznание. – М.: Просвещение, 1967. – 475 с.
145. Русско-азербайджанский словарь / Под ред. А.Г. Оруджева. – Баку: АН Аз. ССР, 1955. – 469 с.
146. Русско-башкирский словарь / Под ред. К.З. Ахмерова. – М.: Совет. энциклопедия, 1964. – 985 с.
147. Русско-каракалпакский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Совет. энциклопедия, 1967. – 1124 с.
148. Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И.К. Илишкина. – М.: Совет. энциклопедия, 1964. – 803 с.
149. Русско-монгольский словарь. – М., 1960
150. Русско-татарский словарь: В 4 т. – Казань, 1955–1959.
151. Русско-туркменский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, М.Я. Хамзаева. – М.: ГИС, 1956. – 880 с.

152. Русско-узбекский словарь / Под ред. А. Абдурахманова. – М.: ГИС, 1954. – 1047 с.
153. *Рысбергенова К.К.* Историко-лингвистический анализ топонимов Южно-Казахстанской области: Автограф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1993. – 20 с.
154. *Сабиева Е.В.* Ойкономическая система Северо-Казахстанской области: Автограф. дис. ... канд. филол. наук. – Петропавловск, 2000.
155. *Санжеев Г.Д.* К тюрко-монгольской лингвистической проблеме // Тр. Моск. ин-та востоковед. – 1947. – №4. – С. 69.
156. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – Т. 1. – 240 с.
157. *Сартбаев К.К.* Түрк тилдеринин салыштырма грамматикасы (кыргыз, казак, өзбек тилдери боюнча). – Фрунзе: Кыргыз, казак ИА басмасы, 1962. – 111 б.
158. *Сарыбаев Ш.Ш.* Монгольско-казахские лексические параллели // Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971. – С. 256–262.
159. *Северцов Н.А.* Путешествія по Туркестанскому краю и исследование горной страны. – СПб., 1873.
160. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – Т. 1. – 767 с.
161. *Серебренников Б.А.* О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкоznания. – 1959. – № 6. – С. 36–50.
162. *Серебренников Б.А.* Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.; Л.: Наука, 1965. – 303 с.
163. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 425 с.
164. Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
165. *Степанова Г.В., Шрамм А.Н.* Введение в семасиологию русского языка. – Калининград: КГУ, 1980. – 72 с.
166. Структура и история тюркских языков / Отв. ред. Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1971. – 311 с.
167. *Субботина Л.А.* Заимствования в географической терминологии Белозерья: Автограф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1985. – 19 с.
168. *Сулайманова Л.С.* Кыргызско-русский словарь народных географических терминов Кыргызстана. – Бишкек: Лакпринт, 2002. – 66 с.
169. *Сулайманова Л.С.* О некоторых гидрографических терминах Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки: Сб. науч. тр. – Бишкек, 2001. – № 3–4. – С. 71–74.
170. *Сулайманова Л.С.* Кыргызско-русский словарь народных географических терминов Кыргызстана. – Бишкек: Лакпринт, 2002. – 66 с.
171. *Сулайманова Л.С.* Собственно кыргызский пласт в географической (топонимической) терминологии Кыргызстана // Вестн. КРСУ. – 2003. – Т. 3. – № 1. – С. 49–54.
172. *Сулайманова Л.С.* Словообразовательный анализ многокомпонентных географических терминов и терминированных понятий в кыргызской топонимике: Сб. науч. тр. ФМО КРСУ. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005. – Вып. 2. – С. 75–80.
173. *Сулайманова Л.С.* Структурные модели и словообразовательные средства народных географических терминов и терминированных понятий в топонимии Кыргызстана // Вестн. Казахского ун-та им. Аблайхана. – Алматы, 2006. – С. 126–137.
174. *Сунчугашев Р.Д.* Оронимия Хакасии: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 180 с.
175. *Суперанская А.В.* Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. – М.: Наука, 1964. – С. 59–118.
176. *Суперанская А.В.* Структура имени собственного (Фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 208 с.
177. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
178. *Суперанская А.В.* Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 182 с.
179. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
180. *Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф.* Топонимия Крыма. Т. 1. –М., 1997. – 403с.
181. *Сыдыков С.* Тюрко-монгольские параллели // Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири / Под ред. И.А. Батманова. – Фрунзе: Илим, 1966. – С. 110–229.
182. *Сыдыков С.* Монгольско-туркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1983. – 165 с.

183. Татарско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Совет. энциклопедия, 1966. – 863 с.
184. Тенишев Э.Р. Древнекыргызский язык. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 56 с.
185. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
186. Термин и слово: Межвузовский сб. – Горький: Изд-во ГГУ, 1979. – 191 с.
187. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Сема-сиологические этюды. – М.: Наука, 1969. – 262 с.
188. Толстой Н.И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов // Местные географические термины. – М.: Мысль, 1970. – С. 46–53.
189. Трипольская Т.А. Экспрессивное слово в лексикографическом отражении (на материале эмоционально-оценочных характеристик лица) // Лексико-семантические группы современного русского языка. – Новосибирск: Изд. НГПИ, 1985. – С. 63–74.
190. Тувинско-русский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. – М.: ГИС, 1955. – 724 с.
191. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Совет. энциклопедия, 1968. – 646 с.
192. Узбекско-русский словарь / Под ред. С.Ф. Акабирова и др. – М.: ГИС, 1959. – 839 с.
193. Уйгурско-русский словарь / Под ред. Т.Р. Рахимова. – М.: Совет. энциклопедия, 1968. – 828 с.
194. Умурзаков С.У. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1959. – 150 с.
195. Умурзаков С.У. Состояние топонимического изучения Киргизии // Топонимика Востока. – М., 1962. – С. 109–110.
196. Умурзаков С.У. К этимологии названия Джеты-Огуз // Кыргыз терминологиясынын маселелери. – Фрунзе: Илим, 1968. – С. 62–69.
197. Умурзаков С.У. К исторической топонимии Киргизии // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 53–57.
198. Умурзаков С.У. Киргизская оронимическая терминология и оронимия Тянь-Шаня // Ономастика Средней Азии. Вып.2. – Фрунзе, 1980. – С. 128–135.
199. Умурзаков С.У. Этимологические заметки о некоторых топонимах Киргизии (Адыр-Төр, Ак-Буура, Узген, Токмок) // Ономастика Киргизии. Вып. 1. – Фрунзе, 1985. – С. 4–19.
200. Умурзаков С.У. и др. Словарь географических названий Кыргызстана. – Фрунзе: Илим, 1988. – 213 с.
201. Филин Ф.П. Очерки по теории языкоznания. – М.:Наука, 1982. – 336 с.
202. Хакасско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Госиздат, 1953. – 488 с.
203. Шайхулов А.Г. Некоторые вопросы системного исследования appellативных и топонимических единиц (на материале языков Урало-Поволжья) // Методы топонимических исследований. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. – С. 35–41.
204. Шакуров Р.З. Топонимия бассейна реки Демы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1974. – 17 с.
205. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1981. – 255 с.
206. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград: ВГПИ, 1983. – 94 с.
207. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М.: Наука, 1973. – 280 с.
208. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // ОЛЯ. – 1940. – №3.
209. Шукуров Д. Вопросы киргизской терминологии // Тр. ИЯЛ АН Кирг. ССР. Вып. 6. – Фрунзе, 1956.
210. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 973 с.
211. Юнусалиев Б.М. Проблемы формирования общенародного киргизского языка // Вопросы языкоznания. – 1955. – №2.
212. Юнусалиев Б.М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка // Тр. ИЯЛ АН Кирг. ССР. Вып. 6. – Фрунзе, 1956. – С. 19–45.
213. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология (Развитие корневых слов). Ч. 1. – Фрунзе: Киргизчупедгиз, 1959. – 248 с.
214. Яхонтов С.Э. Лексика как признак родства языков // Проблема общности алтайских языков. – М., 1971. – С. 110–120.

Лира Сулаймановна Сулайманова

НАРОДНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ
В ТОПОНИМИИ КЫРГЫЗСТАНА

Редактор *И.В. Верченко*

Компьютерная верстка *Д.Р. Суранчиевой*

Технический редактор *О.А. Матвеева*

Подписано к печати 3.12.09.

Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.

Объем 12,5 п.л., Тираж 500 экз.

Заказ 102.

Издательство КРСУ
720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2